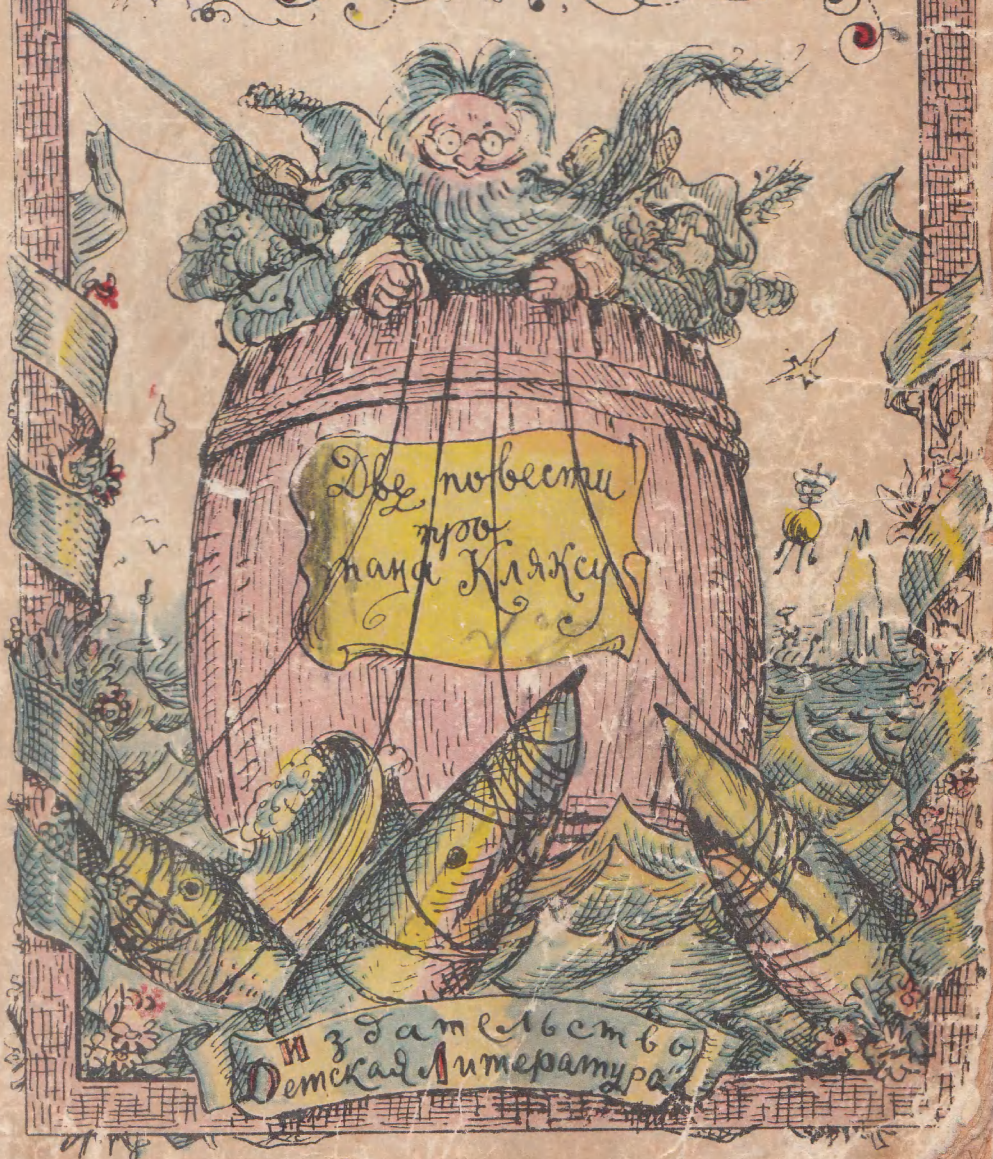
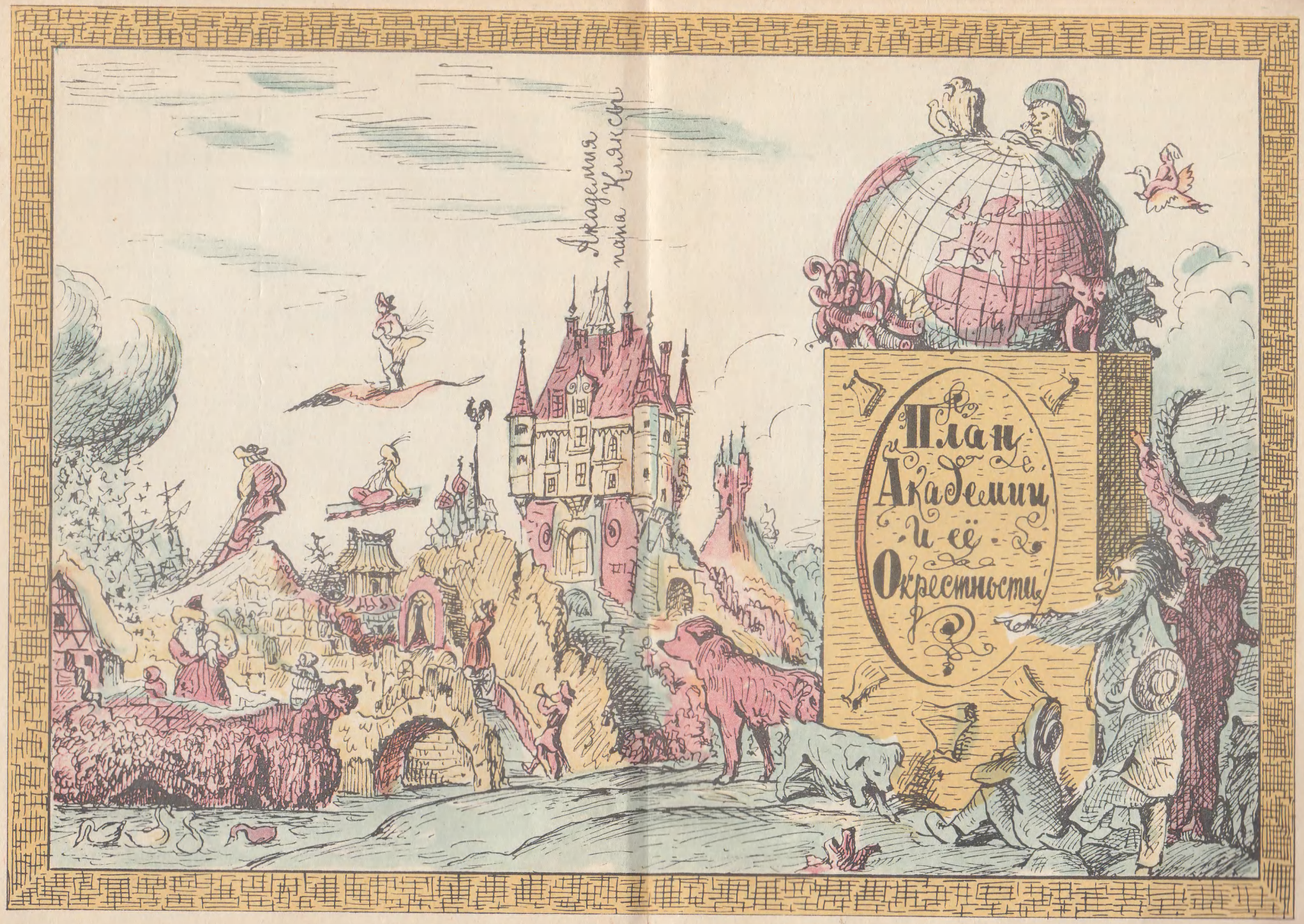
Ян Бжехва

Академия пана Кляксы



Издательство
Детская Литература


Академия пана Кляксы
План Академии и её Окрестности

Издательство
„Детская литература“
Москва 1966

AMBRO
LAGSA

Ян Бжехва
Каденция
пана
Кляксы
перевод с польского
рисунки
И. Кабакова

И (Пол)
Б 58

Эта книга познакомит вас, ребята, с творчеством известного современного польского писателя Яна Бжехвы. Его уже нет в живых, но продолжают жить его талантливые книги. Бжехва писал для детей и для взрослых, в стихах и в прозе. Но особенно любил он сочинять сказки, и, пожалуй, самые интересные из них — сказки про пана Клякcу. Две из них — „Академия пана Кляксы“ и „Путешествия пана Кляксы“ — напечатаны в этой книге.

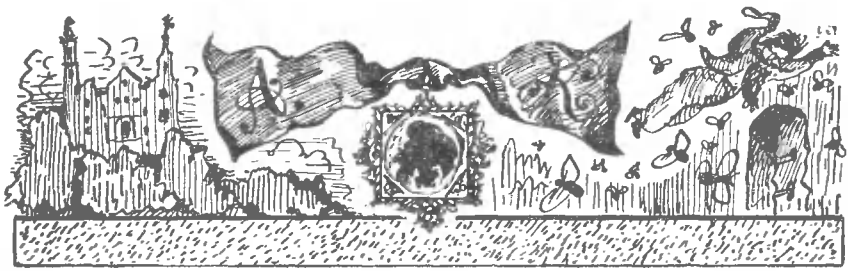
Пан Клякса совершенно необычный человек. Никто не знает, волшебник он или фокусник, толстый он или тонкий, взрослый или ребёнок. Он бывает всяким: мудрым и ребячливым, изобретательным и недогадливым, всемогущим и беспомощным. Но всегда он остаётся самим собой — загадочным и непостижимым паном Кляксой.

Таинственность — вот главная черта его характера.

Пан Клякса очень знаменит. Его знают во всех сказках и волшебных странах.

Надеемся, что и вы, ребята, прочитав эту книгу, полюбите пана Клякcу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Академия
пана
Кляксы



ЭТА И ДРУГИЕ СКАЗКИ

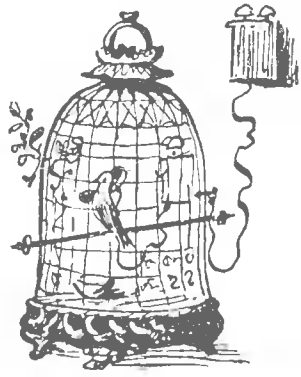
Меня зовут Адам Несогласка. Мне двенадцать лет, и вот уже полгода, как я учусь в академии пана Кляксы. Покуда я жил дома, у меня вечно что-нибудь не ладилось. Я опаздывал в школу, не успевал приготовить уроки, и за что бы я ни взялся, всё у меня валилось из рук. Стоило мне дотронуться до стакана или блюдца, как они разлетались вдребезги. Я терпеть не мог морковного супа, а дома, как назло, каждый день меня заставляли есть морковный суп, потому что он полезен для здоровья. Словом, когда в довершение всех бед я облил чернилами скатерть, мамин новый костюм и свои штаны, родители решили отдать меня на воспитание пану Кляксе.

Академия находится в самом конце Шоколадной улицы, в большом четырёхэтажном доме из разноцветного кирпича. На четвёртом этаже пан Клякса хранит свои самые сокровенные тайны. Входить туда никому не разрешается, но, если бы даже кому-нибудь и взбрело в голову туда забраться, он бы не смог, потому что лестница ведёт только до третьего этажа. И пану Кляксе самому приходится лазить туда через трубу.

На первом этаже размещены классы, где идут уроки, на втором находятся спальня и столовая, и, наконец, на третьем, в одной комнате, живут пан Клякса и Матеуш. Остальные комнаты закрыты на ключ.

Пан Клякса принимает в академию только мальчиков с именами на букву «А», чтобы не

засорять себе голову всеми буквами алфавита. Поэтому в академии учатся четыре Адама, пять Александров, три Анджея, три Альфреда, шесть Антониев, один Артур, один Альберт и один Анастази, итого двадцать четыре ученика. Пана Кляксу зовут Амброжи, так что во всей академии только Матеуш — не на «А». Но Матеуш не в счёт. Это не ученик, а учёный скворец пана Кляксы. Матеуш умеет прекрасно говорить, но в каждом слове произносит почему-то лишь окончание. Вот, например, как он отвечает по телефону: «Демия ана Яксы ушает!» Это значит: «Академия пана Кляксы слушает!»



Ну где тут постороннему человеку что-нибудь понять! Зато пан Клякса и его ученики отлично понимают Матеуша. Матеуш готовит с нами уроки и часто замещает пана Кляксу в школе, когда тот отправляется на охоту за бабочками.

Да, я чуть не забыл сказать, что наша академия стоит посреди огромного парка, пересечённого оврагами, ямами, канавами, и огорожена высокой каменной стеной. Выходить за ограду без пана Кляксы нам запрещено. Ведь это не обычная ограда. Правда, той стороной, что выходит на улицу, она ничем не отличается от других оград, такая же ровная, гладкая, только с большими застеклёнными воротами посредине. Но зато с других трёх сторон в стене множество железных дверец, расположенных одна возле другой и закрытых на маленькие серебряные замки.

Эти дверцы ведут в соседние сказки, с которыми пан Клякса в большой дружбе. На каждой дверце — табличка с названием сказки. Тут сказки Андерсена и братьев Гримм, сказка о Щелкунчике, о Рыбаке и Рыбке, о Белоснежке и Семи гномах, о Гусях-лебедях и много-много других.

Никому ещё не удавалось сосчитать, сколько в стене дверец. Начнёшь считать — и тут же собьёшься, опять начнёшь — и опять запутаешься, потому что там, где первый раз выходило двенадцать, в другой раз получается двадцать восемь, а там, где вы только что насчитали девять, оказывается то тридцать одна, то шесть, то ещё сколько-нибудь. Даже Матеуш не знает, сколько всего дверец, и говорит: «Жет, о, жет, ести». Это значит: «Может, сто, может, двести».

Ключи от дверец пан Клякса хранит в большой серебряной шкатулке и всегда помнит, какой из ключей от какого замка. Часто он посылает нас в какую-нибудь сказку за покупками. Больше всего везёт мне, потому что я рыжий и сразу бросаюсь в глаза. Как-то раз у пана Кляксы кончились спички, он подозвал меня, дал мне маленький золотой ключик на золотом колечке и сказал:

— Адась, сбегай в сказку Андерсена про

Девочку со Спичками и попроси для меня коробок спичек.

Вне себя от радости я помчался в парк и уж не знаю, каким чудом оказался у нужной мне дверцы. Через секунду я был по ту сторону ограды. Глазам моим предстала многолюдная улица незнакомого города. Шёл снег, хотя у нас в это время было лето. Прохожие поёживались от холода, а мне было тепло, и ни одна снежинка на меня не упала. Я очень удивился.

Заметив это, ко мне подошёл высокий седой человек, погладил меня по голове и сказал:

— Здравствуй, мальчик! Я Андерсен! Чему ты удивляешься? Тому, что здесь снег и мороз, в то время как у вас июнь и поспевают черешни? Да? Но ведь ты совсем из другой сказки. Как ты сюда попал?

— Я пришёл за спичками. Меня послал пан Клякса.

— Так ты от пана Кляксы! — радостно воскликнул Андерсен. — Я очень люблю этого чудака. Сейчас получишь спички.

Он хлопнул в ладоши, и тут же из-за угла показалась маленькая продрогшая девочка со спичками. Андерсен взял у неё один коробок и подал мне:

— На, отнеси пану Кляксе. Не горюй, не плачь о бедной девочке. Это ведь только сказка. Всё здесь неправда. Всё выдумано.

Девочка улыбнулась мне и помахала на прощанье рукой, а Андерсен проводил меня до дверцы.

Когда я рассказал ребятам о моём приключении, они больше всего позавидовали моему знакомству с Андерсеном.

Потом мне часто доводилось ходить и в другие сказки со всякими поручениями: то за сапогами — в сказку про Кота в сапогах, то за самим Котом, когда в кладовой пана Кляксы завелись мыши. А однажды, когда нечем было подмести двор, я даже ходил за метлой к ведьме из сказки про Лысую Гору.

А в один прекрасный день случилось вот что. К нам в академию явился незнакомец в широком бархатном кафтане, коротких бархатных штанах и шляпе с пером. Незнакомец велел проводить его к пану Кляксе. Нас заинтересовало, кто он и зачем пришёл. Пан Клякса долго с ним о чём-то шептался, угощал его таблетками для ращения волос, которые сам всегда принимал. Потом, подозвав меня и одного из Анджеев, промолвил:

— Слушайте, мальчики, этот человек пришёл из сказки о Спящей царевне и Семи богатырях. Вчера два богатыря ушли в лес и не вернулись. Сами понимаете, что так сказка окончиться не может. Поэтому я уступаю вас этому человеку на два часа. Только не опаздывайте к ужину.

— Жин есть сов! — крикнул Матеуш.

Это значило: «Ужин в шесть часов».

Мы ушли с человеком в бархатной одежде. Разговорившись с ним по дороге, мы узнали, что он брат царевны и что нас оденут в такой же бархатный наряд. Мы с радостью согласились, и к тому же нам хотелось взглянуть на Спящую царевну. Я не буду пересказывать содержание сказки, её, наверно, все знают. Расскажу, что было потом. За участие в сказке Спящая царевна, проснувшись, пригласила нас с Анджеем на полдник. Вряд ли вы знаете, какой полдник у царевен, тем более сказочных. Сначала лакеи принесли на под-

носах пирожные с кремом, потом отдельно крем в больших серебряных чашах. Каждый получил сколько хотел. К пирожным был подан шоколад, по три стакана сразу, и в каждом стакане поверху плавали маленькие шоколадинки. На столе стояло множество тарелок с марципанами, мармеладом, конфетами и цукатами. А под конец появились хрустальные вазы с виноградом, персиками, мандаринами, клубникой и мороженое в шоколадных стаканчиках.

Царевна улыбалась, уговаривала есть как можно больше, уверяла, что нам это ничуть не повредит. Ведь, насколько известно, в сказках ещё никто не страдал, наевшись до отвала, — там всё не так, как на самом деле. Я сунул в карман несколько порций мороженого, но оно растаяло и потекло у меня по ногам. К счастью, никто этого не заметил.

После полдника царевна приказала запрячь в маленькую карету двух пони и довезла нас до самой академии.

— Кланяйтесь от меня пану Кляксе, — сказала она на прощанье, — скажите, что я приглашаю его на бабочек в шоколаде. — Потом добавила: — Я столько слышала про сказки пана Кляксы, что когда-нибудь непременно его навещу.

Так я узнал, что у пана Кляксы есть свои сказки, но услыхал их гораздо позже.

С этого дня я стал ещё больше уважать пана Кляксу и решил подружиться с Матеушем, чтобы у него про всё выведать.

Матеуш не слишком разговорчив. Бывают дни, когда он вовсе ни с кем не разговаривает.

Против его упрямства у пана Кляксы имеется особое лекарство — веснушки.

Не помню, говорил ли я о том, что лицо пана Кляксы сплошь усеяно веснушками. Сперва меня удивляло, отчего это веснушки каждый день меняют место: то украшают нос пана Кляксы, то перейдут на лоб, то вдруг появятся на подбородке или на шее.

Оказалось, всему причиной ужасная рассеянность пана Кляксы. На ночь он обычно снимает веснушки и кладёт их в золотую табакерку, а утром по рассеянности надевает не на своё место. Табакерку пан Клякса всегда носит с собой, там у него хранятся запасные веснушки разного цвета и размера.

По четвергам из города приходит парикмахер Филипп и приносит новую партию веснушек. Филипп снимает их во время работы со своих клиентов. Пан Клякса долго разглядывает веснушки, примеряет перед зеркалом, потом прячет в табакерку.

По воскресеньям и в праздники ровно в одиннадцать часов пан Клякса сообщает:

— Пора обновить веснушки.

Он достаёт из табакерки четыре-пять самых больших и красивых веснушек и прилепляет себе на нос.

По мнению пана Кляксы, нет ничего лучше на свете, чем большие жёлтые или красные веснушки.

«Веснушки благотворно влияют на умственные способности и предохраняют от насморка», — часто говорил он.

Поэтому, когда кто-нибудь из нас отличится на уроке, пан Клякса торжественно достаёт из табакерки свежую, не бывшую ещё в употреблении веснушку и налепляет на нос счастливцу со словами:

«Носи её с честью, мой мальчик, никогда не снимай. Это величайшая награда, какую ты можешь получить в моей академии».

Один из Александров награждён уже тремя веснушками, а остальные ребята тоже — кто двумя, кто одной. Они носят их на лице с большой гордостью. Я им очень завидую и готов на всё, чтобы заслужить такую награду, но пан Клякса говорит, что у меня ещё слишком мало знаний.

Так вот, возвращаясь к Матеушу, я должен сказать, что для него веснушки — лучшее лакомство. Он их клюёт, как семечки.

Поэтому, как только Матеуш перестаёт говорить, пан Клякса снимает с лица самую поношенную веснушку и отдаёт Матеушу. У Матеуша сразу развязывается язык, и ему можно задавать любые вопросы.

Однажды летом пан Клякса уснул в саду, и на него налетели комары. Пан Клякса во сне стал неистово чесаться и содрал с носа все веснушки. Я потихоньку их подобрал и отнёс Матеушу. С тех пор мы подружились, и он рассказал мне необыкновенную историю своей жизни.

Передаю её вам целиком, ничего не утаивая, добавляю только в словах Матеуша недостающие буквы.

ИСТОРИЯ МАТЕУША

Я не птица, я принц. Когда я был маленький, мне часто рассказывали сказки о том, как люди превращаются в зверей и птиц, но я этому никогда не верил.

Но со мною самим приключилась такая же история.

Я родился в королевской семье и был единственным сыном и наследником могущественного монарха. Стены моих покоев были из мрамора и золота, а полы устланы персидскими коврами. Услужливые министры и придворные исполняли любой мой каприз. Каждая слеза, когда я плакал, была на счету, каждая улыбка занесена в специальную книгу королевских улыбок, а теперь — теперь я скворец, который чувствует себя среди птиц таким же чужим, как среди людей!

Моего отца называли великим королём. Несметные сокровища, дворцы, золотые короны, жезлы, драгоценные камни, богатство, какое во сне не приснится, — всё это принадлежало ему.

Моя мать была тоже из королевского рода и славилась красотой не только у нас, но и далеко за морем. У меня было четыре сестры, и все они вышли замуж за королей: одна за испанского, другая за итальянского, третья за португальского, четвёртая за голландского.

Королевские суда плавали в четырёх морях, а войско было таким огромным и могучим, что у нас совсем не было врагов, и все соседние короли искали с нами дружбы.

Я с малых лет пристрастился к охоте и верховой езде. В моей собственной конюшне насчитывалось сто двадцать лошадей арабской и английской породы, а также сорок восемь мустангов.

В моей оружейной были собраны охотничьи ружья, сделанные лучшими оружейниками по мерке, для меня.

Когда мне исполнилось семь лет, отец поручил моё воспитание двенадцати самым знаменитым

учёным и велел им научить меня всему, что они сами знают и умеют.

Я учился хорошо, но страсть к верховой езде и охоте настолько увлекла меня, что ни о чём другом я не мог думать.

Вдруг отец запретил мне ездить верхом.

Я плакал горькими слезами, а четыре фрейлины старательно собирали мои слёзы в хрустальный флакон. Когда флакон наполнился, в стране объявили всенародный траур, по нашему обычаю, на целых три дня. Весь двор оделся в чёрное. Приёмы, балы и вечера были запрещены. Флаг на дворцовой площади был приспущен, и вся армия в знак скорби сняла шпоры.

Тоскуя по лошадям, я лишился аппетита, перестал учиться и целыми днями сидел неподвижно на маленьком троне, ни с кем не разговаривая.

Но отец не привык отменять свои решения.

Он сказал:

— Моя отцовская и королевская воля неколебима. Здоровье наследника престола для меня важнее, чем каприз моего сына. Сердце моё обливается кровью при виде его горя, но всё будет так, как мне посоветовали придворные медики. Принц не сядет на коня, пока ему не исполнится четырнадцать лет.

Не понимаю, отчего придворные медики не хотели, чтобы я ездил верхом. Всем было известно, что я лучший наездник в стране, и народ поговаривал, что я правлю конём не хуже, чем отец королевством.

Ночами мне снились мои татарские скакуны, мои любимые лошади. Иногда я звал какую-нибудь из них — я помнил их всех по именам.

Как-то раз я проснулся среди ночи от тихого

ржания. Я вскочил с постели и выглянул в сад. Там на садовой дорожке стоял мой лучший конь Али-Баба, который, наверно, явился на мой зов. Он был осёдлан. Увидев меня, он радостно заржал и подошёл к самому окну. Я наскоро оделся впотьмах, схватил со стены ружьё и бесшумно прыгнул прямо в седло. Конь рванулся с места, перемахнул через несколько заборов и поскакал куда глаза глядят. Мы мчались, и месяц освещал нам путь. Убедившись, что за мною нет погони, я немного сдержал бег коня и направил его к видневшемуся невдалеке лесу.

Эта скачка привела меня в такой восторг, что я совершенно забыл о запрете отца и о том, что в лесу небезопасно.

В то время мне было восемь лет, но в храбрости я не уступал пяти королевским гренадерам, вместе взятым.

Как только я въехал в лес, мой конь стал проявлять непонятную тревогу: замедлил шаг и вдруг стал как вкопанный, дрожа и фыркая.

Дорогу мне преградил огромный волк. Он зловеще скалился, и на морде его застыла пена.

Я натянул поводья и выхватил ружьё. Волк, разинув пасть, медленно приближался ко мне.

Тогда я крикнул:

— Именем короля приказываю тебе, волк, уступить мне дорогу, а не то я тебя застрелю!

Волк захохотал человечьим голосом и стал подходить всё ближе.

Я взвёл курок, прицелился и влепил весь заряд прямо ему в пасть.

Выстрел был точен. Волк съёжился, словно готовясь к прыжку, но тут же растянулся у ног Али-Бабы. Я соскочил с лошади и подошёл к уби-

тому зверю. Но, как только я остановился, разглядывая его большую красивую голову, волк, собрав последние силы, приподнялся и вонзил свой острый, как кинжал, клык мне в бедро. Дикая боль пронизала моё тело. Но челюсти волка тут же разжались, и голова его тяжело упала на землю.

Тотчас со всех сторон донёсся угрожающий волчий вой.

Теряя сознание от страха и боли, я взобрался в седло и поскакал обратно во дворец. Когда я въезжал в сад, было ещё совсем темно. Я пробрался через окно в комнату, отпустив коня восвояси. Моего отсутствия никто не заметил. Я быстро разделся, лёг и тут же заснул как убитый. Проснувшись утром, я увидел шестерых медиков и двенадцать мудрецов. Стоя надо мной, они озабоченно покачивали головами. Из раненого бедра медленно сочилась кровь. Медики никак не могли понять причину кровотечения, а я, боясь разгневать отца, ничего не сказал о моей ночной прогулке и встрече с волком.

Время шло, кровь из раны продолжала течь, а придворные лекари никак не могли её остановить. Были приглашены лучшие хирурги столицы, но их усилия тоже ни к чему не привели.

Кровотечение усиливалось с каждой минутой. Весть о моей болезни разнеслась по всей стране. Толпы людей стояли коленопреклонённые на улицах и площадях столицы, молясь о моём выздоровлении.

Мать, заливаясь слезами, не отходила от моей постели, а отец обратился во все страны с просьбой прислать лучших врачей.

Вскоре их набралось столько, что во дворце не хватало комнат.

Тому, кто меня вылечит, отец обещал награду, равную цене целого королевства, но иноземные лекари торговались и требовали ещё больше.

Бесконечным потоком проходили они около моей постели, осматривали и выслушивали меня; одни давали мне капли и таблетки, другие смазывали рану мазью или посыпали её какими-то ароматными порошками. Были и такие, которые только молились или произносили таинственные заклинания. Но никто из них не мог меня вылечить. Кровотечение не прекращалось — я угасал на глазах.

Когда близкие и родные потеряли надежду на моё выздоровление, а врачи покинули дворец, видя своё бессилие, стража сообщила о прибытии старого мудреца, которого пригласил мой отец.

Неохотно привели его к моей постели, потому что никто уже не верил в моё спасение, и всё королевство погрузилось в глубокую скорбь. Вновь прибывший оказался врачом последнего китайского императора и назвал себя доктором Пай Хи-во.

Отец обратился к нему с рыданием в голосе:

— Доктор Пай Хи-во, спаси моего сына! Если ты исцелишь его, ты получишь столько бриллиантов, изумрудов и рубинов, сколько уместится в этой комнате. Я прикажу поставить тебе памятник на Дворцовой площади, а если захочешь, сделаю тебя моим первым министром.

— Августейший мой господин и справедливый государь, — отвечал доктор Пай Хи-во, поклонившись до земли, — прибереги драгоценности для бедняков. Я недостоин памятника — в моей стране памятники ставят только поэтам. И не хочу быть министром, чтобы не навлечь на себя твой гнев.

Позволь мне сначала осмотреть больного, а о награде поговорим потом.

Он подошёл ко мне, мельком взглянул на рану, приник к ней губами и застыл.

Я сразу почувствовал приток свежих сил. Мне показалось, что кровь переменилась во мне и побежала быстрее по жилам.

Когда через некоторое время доктор Пай Хи-во от меня отстранился, рана исчезла без следа.

— Принц здоров и может встать с постели, — сказал мне учёный, отвешивая, по восточному обычаю, низкий поклон.

Мои родители плакали от радости и горячо благодарили моего избавителя.

— Если это не нарушит этикета вашего двора, — сказал доктор Пай Хи-во, — мне бы хотелось поговорить с моим высокородным пациентом наедине.

Король изъявил своё согласие, и все покинули спальню. Тогда лекарь присел на край моей постели и сказал:

— Я спас тебя, мой маленький принц, потому что знаю тайны, недоступные другим людям. Мне известна причина твоей раны. Ты убил короля волков. Волки жестоко отомстят тебе за это. Впервые король волков пал от руки человека. Отныне ты в большой опасности. Я дам тебе волшебную шапку богдыханов, которую вручил мне перед смертью последний китайский император, с тем чтобы я передал её в достойные руки.

Доктор Пай Хи-во вынул из кармана шёлковых шаровар маленькую круглую шапку чёрно-

го сукна с большой пуговицей на макушке и продолжал:

— Возьми её, мой маленький принц, никогда с ней не расставайся и береги как зеницу ока. Если тебе будет грозить опасность, надень эту шапку, и ты сможешь превратиться в кого захочешь. А когда опасность минет, дёрни за пуговицу, и ты вернёшь свой прежний вид.

Я поблагодарил доктора Пай Хи-во за его доброту, а он поцеловал мне руку и вышел из комнаты. Никто не видел, как он покинул дворец. Он исчез бесследно, ни с кем не попрощавшись и не потребовав награды.

И всё же из благодарности к доктору Пай Хи-во мой отец велел устроить большой праздник для бедняков и раздать им двенадцать мешков бриллиантов, изумрудов и рубинов.

Выздоровев, я снова принялся за учение и совершенно охладел к охоте и верховой езде.

Мысль о том, что я убил короля волков, всё время мучила меня. Годы шли, а страшная волчья пасть, его сверкающие глаза оставались в моей памяти.

Помнил я также наказ доктора Пай Хи-во и никогда не расставался с волшебной шапкой богдыханов.

Внезапно в королевстве стало твориться что-то неладное. Со всех сторон приходили вести о том, что огромные волчьи стаи нападают на сёла и города, уничтожая всё живое. Все посевы были вытоптаны полчищами волков, продвигавшимися на север.

На дорогах белели человеческие кости.

Обнаглевшие звери среди бела дня врывались в города и деревни и мгновенно опустошали их.

Люди рассыпáли в лесах отраву, ставили капканы, выкапывали волчьи ямы, истребляли волков сталью и железом, но их набеги не прекращались. Покинутые дома служили им убежищем. В это тревожное время матери не находили детей, мужья — жён. Рёв и визг гибнущего скота не прекращался ни на минуту.

Для борьбы с волками были посланы большие, хорошо вооружённые отряды воинов. Они преследовали хищников днём и ночью, но волков становилось всё больше и больше, и вскоре они стали угрожать всему королевству.

Наступил голод. Народ обвинял министров и двор в бездеятельности и предательстве. Недовольство в стране росло. Волки, врываясь в дома, выволакивали оттуда умиравших от голода людей.

Король то и дело сменял министров, но никто не мог помочь несчастью.

И вот однажды волки подступили к столице. Никакая сила не могла их остановить. Ранним ноябрьским утром они ворвались во дворец. Мне было тогда четырнадцать лет, но я был храбр и силён. Я схватил ружьё и стал у дверей тронного зала, где находились мои родители.

— Прочь отсюда! — закричал я грозно.

Я готов был выстрелить, как вдруг один из стражников, неподвижно стоявших у входа в тронный зал, схватил меня за руку и, приблизив ко мне лицо, прорычал:

— Именем короля волков приказываю тебе, собака, уступить им дорогу, не то убью!

Ужас охватил меня. Ружьё выпало у меня из рук. Я почувствовал страшную слабость, в глазах помутилось — передо мной была красная пасть короля волков.

Что произошло потом, не знаю. Когда я пришёл в себя, родителей моих уже не было в живых, волки разбойничали во дворце, а я с пробитой головой лежал на полу под грудой обломков. Я пытался звать на помощь, но мой язык произносил только окончания слов. Это у меня осталось на всю жизнь.

Придя в себя, я понял, что, не завали меня обломками, вряд ли я остался бы цел.

«Что делать? — мучительно думал я. — Как выбраться из этого ада? О боже, боже! Если бы можно было стать птицей и улететь куда-нибудь!»

И тут я вспомнил про волшебную шапку доктора Пай Хи-во. Не потерял ли я её? Я сунул руку в карман. Здесь! Я уже собирался её надеть, как вдруг заметил, что на ней нет пуговицы. О ужас! Я мог превратиться в птицу, улететь из дворца,

покинуть эту несчастную страну, но потом на всю жизнь остаться птицей без всякой надежды когда-нибудь вернуть свой прежний облик.

Вдруг я услышал зловещее рычание. Из-за обломков показалась огромная волчья пасть.

Медлить было нельзя. Я надел шапку и произнёс:

— Хочу стать птицей!

И тут же я уменьшился, мои руки превратились в крылья. Я стал скворцом, каким ты меня видишь.

Я мигом выскочил из-под обломков, вспорхнул на спинку какого-то кресла и вылетел в окно. Я был на свободе!

Долго летал я над моей родиной. Отовсюду до меня доносился только крик убиваемых людей да вой голодных волков.

Сёла и города опустели. Королевство моего отца перестало существовать и превратилось в груды развалин.

Месть короля волков была ужасна.

Летая над землёй, я оплакивал гибель моих родителей и бедствие, постигшее мою страну. Потом, немного успокоившись, стал думать о потерянной пуговице.

С тех пор как доктор Пай Хи-во отдал мне шапку, прошло шесть лет. За это время я побывал во многих странах и городах. Где и когда я мог потерять эту драгоценную пуговицу, без которой мне никогда не стать человеком?

Я знаю, что никто мне не ответит на этот вопрос.

Я летал поочерёдно ко всем сёстрам, но ни одна из них не поняла меня. Они принимали меня за обыкновенного скворца. Самая старшая сестра,

испанская королева, посадила меня в клетку и подарила инфанте в день её рождения. Но вскоре я надоел капризной принцессе, и она отдала меня служанке, а та продала меня на базаре вместе с клеткой заезжему купцу за несколько медяков.

С тех пор я стал переходить из рук в руки, пока наконец на птичьем базаре в Саламанке меня не купил иноземный учёный, которого заинтересовало моё произношение.

Этого учёного звали Амброжи Клякса.

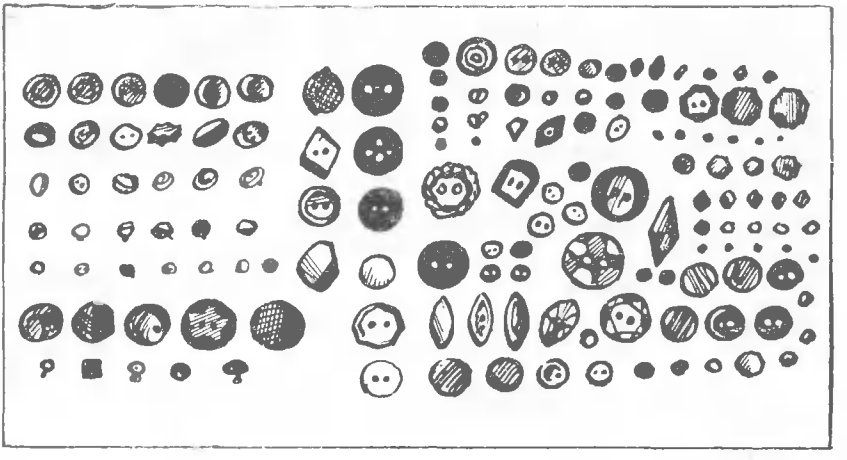
ПРИЧУДЫ ПАНА КЛЯКСЫ

Рассказ Матеуша тронул меня до глубины души. Я решил во что бы то ни стало разыскать пуговицу и вернуть Матеушу его прежний облик.

Так я стал коллекционером. Я собирал старательно все пуговицы, какие мне попадались, и не только в академии, но и на улице, в трамвае и даже в соседних сказках. Тайком я срезáл их перочинным ножиком у прохожих с пиджаков, платьев и пальто. За это мне иногда здорово влетало.

Один почтальон в наказание выкупал меня в канаве, в другой раз какой-то толстяк отхлестал крапивой, а одна важная дама, у которой я оторвал пуговицу, отлупила меня зонтиком.

Но всё это меня ничуть не смутило, и я смело могу похвастать, что нигде поблизости нет такой пуговицы, какой бы не было в моей коллекции.



У меня семьдесят восемь дюжин пуговиц, причём все разные. К сожалению, ни в одной из них Матеуш не признаёт пуговицы с волшебной шапки.

Но я не теряю надежды и буду продолжать поиски, пока не найду волшебную пуговицу доктора Пай Хи-во.

Не понимаю только, почему пан Клякса до сих пор не занялся этим делом. Ведь ему ничего не стоит найти пуговицу и расколдовать несчастного принца.

Ах, пан Клякса всё может! Для него нет ничего неосуществимого.

Он может в любое время угадать, кто о чём думает; может сесть на воображаемый стул, который раньше действительно стоял на этом месте, но которого теперь нет; может летать, как воздушный шарик; может маленькие вещи делать большими и наоборот; умеет из цветных стёклышек приготовить любую еду; может снять со свечи огонёк и носить его по нескольку дней в кармане.

Короче говоря, пан Клякса может всё.

Однажды я во время урока подумал об этом. Пан Клякса угадал, о чём я думаю, и погрозил мне пальцем.

— Послушайте, мальчики, — сказал он, — некоторые из вас считают меня чем-то вроде волшебника или фокусника. Это глупо! Я люблю изобретать и кое-что смыслю в сказках. Но не больше! Если вам нравится придумывать про меня всякую чушь — пожалуйста, меня это не касается. Выдумывайте сколько угодно. Я не вмешиваюсь в чужие дела. Смешно! Некоторые даже верят, будто человек может превратиться в птицу. Правда, Матеуш?

— Авда, авда! — отозвался Матеуш, сидевший в заднем кармане сюртука пана Кляксы.

— Всё это чепуха! Лично я не верю в такие выдумки.

— Ну, а сказки, пан профессор, тоже выдумки? — неожиданно спросил Анастази.

— Сказки всякие бывают,—ответил пан Клякса. — Некоторые считают, что я выдуман и моя академия выдумана. Но они ошибаются!

Все ученики очень любят и уважают пана Кляксу за то, что он такой добрый и никогда не сердится.

Как-то раз мы встретились в парке. Он улыбнулся и сказал:

— Тебе очень к лицу рыжие волосы, мой мальчик! — Потом посмотрел на меня испытующе и добавил: — Вот сейчас ты подумал, что мне лет сто, верно? А ведь я на целых двадцать лет моложе тебя.

Я в самом деле тогда так подумал, и мне было неприятно, что пан Клякса прочёл мои мысли. Но

Пан Клякса может всё.

долгое время я не мог сообразить, как это пан Клякса может быть настолько моложе меня.

И вот что рассказал мне Матеуш.

На третьем этаже, в комнате, где живут пан Клякса и Матеуш, на подоконнике стоят две кровати величиною с папиросный коробок; в этих кроватках они спят. Неудивительно, что в такой кроватке умещается скворец, но пан Клякса? Этого я не мог понять. Может быть, Матеушу это только мерещится или он просто-напросто выдумывает, но он ещё рассказал мне, что каждый день ровно в полночь пан Клякса начинает уменьшаться, пока не станет размером с грудного младенца. У него выпадают волосы, усы, борода, и он как ни в чём не бывало ложится в крохотную кроватку, стоящую рядом с кроваткой Матеуша.

Проснувшись утром, пан Клякса вставляет в ухо увеличительный насос, затем принимает несколько таблеток для ращения волос и таким путём минут через десять становится обычным паном Кляксой.

Увеличительный насос пана Кляксы заслуживает особого внимания. С виду это обыкновенная маслёнка для швейной машины. Но стоит пану Кляксе приставить насос к какому-нибудь предмету и несколько раз нажать на донышко, как этот предмет сразу начинает увеличиваться. Таким образом, пан Клякса из младенца превращается во взрослого человека, а из маленького куска мяса величиною с кулачок приготовляет жаркое для всей академии. У этого насоса есть большой недостаток: он увеличивает не все предметы, а только самые необходимые, и они остаются в увеличенном виде недолго, только пока это нужно, а потом снова принимают прежний вид.

Поэтому пан Клякса в полночь снова превращается в младенца, а мы после обеда чертовски голодны, так что нам на сладкое приходится съесть ещё что-нибудь, приготовленное из цветных стёклышек.

Цветные стёклышки нам приходится запасать в огромном количестве, потому что увеличительный насос на них совсем не действует. Это нас очень огорчает. Но пан Клякса обещал придумать какой-нибудь другой способ для приготовления сладкого.

За утренним завтраком пан Клякса съедает несколько цветных стеклянных шариков и запивает их зелёной настойкой. Этот напиток, по словам Матеуша, возвращает пану Кляксе память, которую он теряет во время сна.

Как-то утром, когда зелёной настойки не оказалось, пан Клякса не мог вспомнить, кто он, как его зовут; он не узнал собственной академии, перепутал всех учеников и даже Матеуша называл Трезором, приняв скворца за собаку.

Он бродил по академии как безумный и кричал:

— Андерсен! Где мой вчерашний день? Куд-ку-да! Я курица! Сейчас снесу яичко! Отдайте мои веснушки!

Если бы Матеуш не полетел к трём весёлым гномам и не взял у них взаймы бутылку зелёной настойки, пан Клякса наверняка сошёл бы с ума и навсегда исчезла бы его знаменитая академия.

Позавтракав, пан Клякса налепляет веснушки и одевается. Нелишне описать внешний вид и одежду пана Кляксы.

Пан Клякса среднего роста, но нельзя понять, толстый он или тонкий, потому что одежда на нём сидит мешком. Он носит широченные штаны,

которые во время ветра надуваются, как воздушный шар; просторный сюртук — цвета не то шоколадного, не то бордо; бархатный, лимонного цвета жилет с большими стеклянными пуговицами; высокий стоячий воротник и бархатный бант вместо галстука. Особенное своеобразие костюму пана Кляксы придают карманы. Их у него видимо-невидимо.

Я насчитал на его штанах шестнадцать карманов, а на жилете двадцать четыре. Зато в сюртуке всего один карман и тот сзади. Этот карман предназначен для Матеуша, и Матеуш может забираться туда когда захочет.

По утрам, когда пан Клякса приходит на работу и собирается сесть в кресло, из заднего кармана доносится душераздирающий вопль:

— Баю, даю! Баю, даю!

Это значит: «Погибаю, пропадаю! Погибаю, пропадаю!»

Тогда пан Клякса, прежде чем сесть, старательно расправляет полы сюртука, чтобы не раздавить Матеуша.

Но не всегда Матеушу приходится предостерегать пана Кляксу. Иногда пан Клякса, войдя в класс, сам говорит:

— Адась, убери, пожалуйста, кресло.

Я убираю кресло, и пан Клякса как ни в чём не бывало садится на воздух, туда, где оно только что стояло.

В жилетных карманах у пана Кляксы столько добра, что у нас просто дух захватывает. Тут бутылка с зелёной настойкой, табакерка с запасными веснушками, увеличительный насос, снотворный квас, о котором я ещё расскажу, цветные стекляшки, свечные огоньки, таблетки для раще-

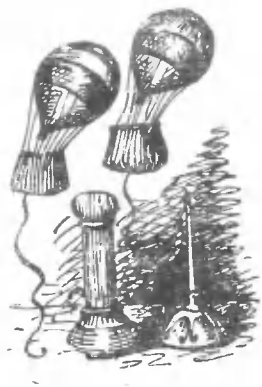
ния волос, золотые ключики и другие ценные вещи.

Карманы штанов, по-моему, бездонны. Пан Клякса может спрятать туда что угодно и забыть, что у него там лежит. Матеуш рассказывал мне, что, перед тем как лечь спать, пан Клякса опорожняет карманы и складывает их содержимое в отдельной комнате, причём нередко случается, что одной комнаты мало и приходится открывать вторую, а то и третью.

Такой головы, как у пана Кляксы, нет ни у кого другого. У него огромная шевелюра, переливающаяся всеми цветами радуги. А подбородок пана Кляксы обрамлён чёрной как смоль растрёпанной бородой.

Большую часть лица занимает нос; он очень подвижен и поворачивается то вправо, то влево, в зависимости от времени года. На носу сидит пенсне, похожее на маленький велосипед, а под носом растут длинные жёсткие оранжевые усы. Глаза у пана Кляксы как два сверла, и, если бы не пенсне, он протыкал бы ими всех насквозь.

Пан Клякса видит абсолютно всё — видимое и даже невидимое.



В одном из погребов хранятся маленькие разноцветные воздушные шарики с привязанными к ним корзинками. Недели две назад я узнал, для чего они пану Кляксе.

Было это так. Когда мы вставали из-за стола после обеда, из города примчался Филипп с известием, что на перекрёстке Резедовой и Смешной

улиц застрял трамвай и никто не может его починить. Пан Клякса велел принести из погреба один воздушный шарик, положил в корзинку свой правый глаз, и шарик полетел в город.

— Собирайтесь в дорогу, мальчики, — сказал пан Клякса, — сейчас он вернётся. Я узнаю, что случилось с трамваем, и мы пойдём к нему на выручку.

В самом деле, не прошло и пяти минут, как воздушный шарик вернулся и опустился прямо у ног пана Кляксы.

Пан Клякса вставил свой глаз на место и с улыбкой промолвил:

— Всё ясно — левое заднее колесо нуждается в смазке, в переднюю ось набился песок, на крыше разъединились ведущие от дуги провода, а у вагоновожатого опухла печень. Анастази, открывай ворота! Шагом марш!

Мы вышли строем на улицу, пан Клякса — сзади. По дороге он снял пенсне и приставил к нему увеличительный насос. Пенсне стало расти. Когда оно достигло размеров настоящего велосипеда, пан Клякса вскочил на него и поехал впереди, указывая дорогу.

Вскоре мы были на Смешной улице. На перекрёстке, затормозив движение, стоял пустой трамвай. Несколько слесарей и механиков, пыхтя и вытирая пот, возились вокруг него.

Увидев пана Кляксу, все расступились. Пан Клякса велел нам, взявшись за руки, оцепить трамвай и никого не подпускать. Он подошёл к вагоновожатому, корчившемуся от боли, и дал ему проглотить маленькое голубое стёклышко. Потом занялся самим трамваем. Опустил руку в один из своих бездонных карманов и вынул слу-

ховую трубку, молоточек, лейкопластырь, банку жёлтой мази и бутылку йода; обстукал трамвай со всех сторон, внимательно выслушал его, смазал мотор и руль жёлтой мазью, а ось — йодом. Взобрался на крышу и слепил пластырем разъединившиеся провода.

Вся эта процедура заняла не больше десяти минут.

— Готово! — объявил торжественно пан Клякса. — Можно ехать!

Вылеченный паном Кляксой вагоновожатый вскочил на площадку, включил мотор, и трамвай, как новенький, легко заскользил по рельсам. А мы пошли домой, распевая марш академии пана Кляксы.

Через несколько дней я ещё раз видел, как пан Клякса, по его выражению, послал глаз в разведку.

Мы сидели у пруда и записывали в тетрадки кваканье лягушек. Пан Клякса научил нас выбирать из кваканья отдельные слоги и складывать из них стишки.

Вот, например, какой у меня получился стишок:

Для особо важных дел
Месяц с неба в пруд слетел.
Рыбы встали на дыбы:
«Как бы не было беды!»
Отвечал он им, сияя:
«Я ведь рыбка золотая».
А рыбак вскричал: «Ха-ха!
Будет славная уха!» —
На крючок поймал разиню
И отнёс домой в корзине.

Так вот, значит, сидели мы у пруда, а пан Клякса глядел в воду. Он так низко наклонился, что из жилетного кармана у него выпал увеличительный насос и пошёл ко дну.

Недолго думая я прыгнул в воду, а за мной ещё несколько ребят, но насоса мы не нашли. Тогда пан Клякса кинул в воду свой правый глаз и сказал:

— Посылаю глаз в разведку! Пусть укажет, где насос!

Глаз тотчас вынырнул обратно. Пан Клякса вставил его на место и радостно закричал:

— Ура! Я вижу насос — он в яме, где живут раки, в четырёх шагах от берега!

Я бросился в воду и тут же нашёл насос, именно в том месте, которое указал пан Клякса.

А неделю назад пан Клякса преподнёс нам сюрприз. Он велел принести из погреба голубой воздушный шарик, положил глаз в корзинку и объявил торжественно:

— Посылаю глаз на Луну. Хочу узнать, кто там живёт, и сочинить для вас сказку про лунных жителей.

Шарик сразу улетел — и пока не вернулся. Но пан Клякса говорит, что ещё не время: Луна очень высоко и шарик вернётся не раньше Нового года. Пан Клякса смотрит пока одним глазом, а второй залеплен пластырем.

Но вернёмся к прерванному рассказу. Совершив утренний туалет, пан Клякса идёт вниз, на урок. Собственно говоря, даже не идёт, а съезжает по перилам, сидя верхом и придерживая руками пенсне на носу. В этом не было бы ничего удивительного, но пан Клякса так же легко въезжает по перилам вверх. Для этого он делает глубокий

вдох, надувает щёки и становится лёгким как пёрышко. Он может не только въезжать по перилам, но и летать, когда это ему бывает нужно, как, например, во время охоты за бабочками. Бабочки — одно из самых любимых блюд пана Кляксы, за вторым завтраком он не ест ничего другого.

— Запомните, мальчики, — сообщил он как-то, — вкус еды зависит не от самого продукта, а от его цвета. Мне еда не нужна, я вполне сыт таблетками для ращения волос. Но у меня ужасно чувствительное нёбо, и я обожаю всякие изысканные блюда. Вот почему я ем исключительно цветную пищу. Например, бабочек, цветы, разноцветные стёклышки и другие деликатесы, которые сам крашу в какой-нибудь вкусный цвет.

Но я однажды заметил, что, съев бабочку, пан Клякса выплюнул косточку, похожую на косточку черешни или вишни.

Пан Клякса объяснил мне, что ест только особый сорт бабочек, у которых есть косточки и которые растут в огороде, как фасоль.

Ребятам иногда кажется, что летать, как пан Клякса, совсем не трудно. И они начинают тужиться изо всех сил, надувают щёки, повторяют все движения пана Кляксы, но у них ничего не выходит. У Артура от натуги пошла кровь из носа, а один из Антониев чуть не лопнул.

И я вместе со всеми делал попытки летать, но у меня тоже ничего не получалось, хотя пан Клякса давал нам всем ценные советы.

Но в прошлое воскресенье, после обеда, я случайно сделал глубокий вдох и вдруг почувствовал себя необыкновенно лёгким, а когда я вдобавок надул щёки, земля выскользнула у меня из-под ног, и я взлетел.

ЗАНЯТИЯ В АКАДЕМИИ

Каждое утро в пять часов Матеуш открывает так называемые шлюзы. Это небольшие отверстия в потолке, расположенные над нашими кроватями. У каждого ученика свой шлюз, так что их ровно двадцать четыре. Когда Матеуш открывает шлюзы, оттуда нам прямо на нос капает холодная вода.

Так Матеуш будит нас.

Одновременно раздаётся его команда:

— Ать, тва!

Это значит: «Вставать, братва!»

Мы вскакиваем с постели и поспешно одеваемся. Чему сегодня научит нас пан Клякса?

Наша спальня очень большая. Вдоль стен тянутся умывальники, и у каждого из нас свой душ. Мыться одно удовольствие, потому что из душа течёт газированная вода с сиропом. Что ни день — другой сироп. Я больше всего люблю малиновый, поэтому моюсь в среду. Сиропы пана Кляксы хорошо мылятся и дают много пены, так что по утрам наша спальня похожа на огромное бельевое корыто.

Мы одеты в одинаковые синие рубашки, белые штаны, синие чулки, белые башмаки. А провинившихся заставляют надевать жёлтый галстук в зелёную крапинку. Это довольно красивый галстук, но у нас он считается позорным.

В половине шестого, захватив с собой сонные зеркальца, мы отправляемся в столовую.

Там посреди комнаты стоит большой обеденный стол, за которым у каждого из нас постоян-

ное место. Окна здесь с цветными стёклами, чтоб еда была вкуснее.

Пан Клякса завтракает и ужинает отдельно, а во время нашего обеда летает над столом с лейкой в руках и поливает кушанья соусом. Соусы бывают разные, и у всякого своё назначение: белый укрепляет зубы, голубой улучшает зрение, жёлтый облегчает дыхание, серый обновляет кровь, а зелёный разгоняет хандру.

Матеуш во время еды сидит на цветочном горшке и следит, чтобы мы ничего не оставляли на тарелках.

В шесть часов Матеуш берёт в клюв маленький серебряный колокольчик и сзывает всех на перекличку. Мы сломя голову бежим в кабинет пана Кляксы, где он давно ждёт нас и в знак приветствия целует каждого в лоб.

После переклички пан Клякса залезает в большой шкаф и через круглое окошечко принимает от нас зеркальца. Это не простые зеркальца. Ночью они стоят у каждого на тумбочке, и в них отражаются наши сны, а утром пан Клякса проверяет, что нам снилось. Неинтересные и бестолковые сны он выбрасывает на помойку, а хорошие оставляет.

Пан Клякса снимает сны с поверхности зеркалец ваткой, смоченной в снотворном квасе, и выжимает в фарфоровое блюдечко. Там они некоторое время сохнут. Потом из образовавшегося белого порошка на специальном станочке пан Клякса штампует таблетки, которые мы принимаем на ночь. Благодаря этому нам снятся всё более осмысленные и интересные сны. Самые выдающиеся из них пан Клякса записывает в большой академический сонник.

Уроки у нас начинаются рано, в семь часов утра. И несмотря на это, ни в одной школе ребята не учатся с таким удовольствием, как в академии пана Кляксы.

Во-первых, пан Клякса всегда придумывает что-нибудь новое, а во-вторых, на уроках бывает очень весело.

— Предупреждаю, мальчики, — сказал нам в первый день занятий пан Клякса, — у меня вам не придётся заучивать таблицу умножения или правила грамматики. Я просто открою ваши головы и пролью туда свет.

Если вам интересно узнать, какие предметы мы проходим в академии пана Кляксы, могу рассказать про вчерашний день, потому что для описания всех дней не хватило бы места даже в самой толстой книжке.

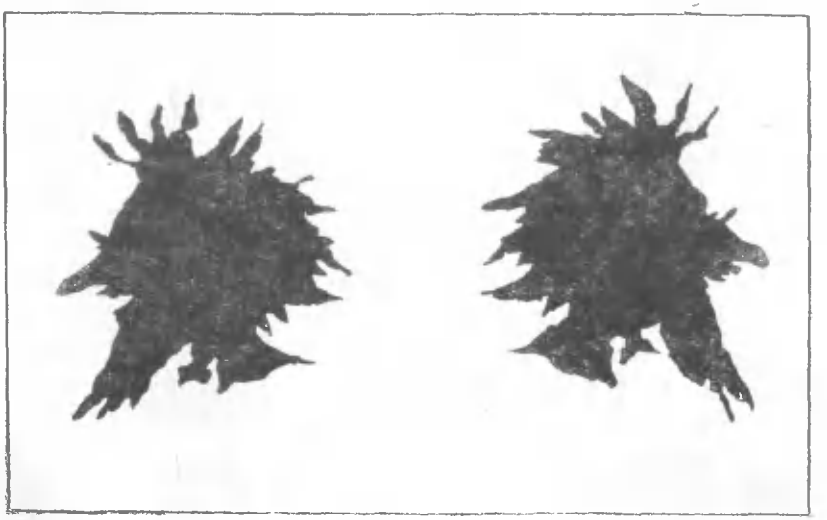
Вчера первым был урок кляксописания. Пан Клякса нарочно придумал этот предмет, чтобы мы научились пользоваться чернилами.

Происходило это так: на большие листы белой бумаги ставилось несколько клякс, потом лист складывался вдвое, чтобы кляксы размазались. Из этих клякс возникали изображения птиц, зверей, людей и даже целые картины. Пан Клякса придумывал к ним стихи, а мы их писали под рисунком.

Мне кажется, что пан Клякса сам возник из такой кляксы, потому его так и зовут. Матеуш говорит, что это вполне возможно. К одному из моих рисунков пан Клякса сочинил такой стишок:

Это что? Не разберу:
Муха или кенгуру?

Урок кляксописания нам очень понравился. Мы израсходовали несколько бутылок чернил и



рулон бумаги, не говоря уж о том, что сами с ног до головы были в чернилах. А вечером всем пришлось принять душ с малиновым сиропом, потому что ничем другим чернила не отмывались.

После кляксописания был урок буквовязания. Вы, наверно, знаете, что буквы состоят из маленьких сплетённых ниточек. Так вот, пан Клякса научил нас распутывать ниточки, связывать в одну длинную нить и наматывать на катушки. Мы уже перемотали немало книг из библиотеки пана Кляксы. Из одной книги получается семь-восемь катушек ниток. Пан Клякса вяжет на них узелки. Это его любимое занятие. Он может часами, сидя в кресле или на воздухе, вязать узелки.

Однажды я не выдержал и спросил, зачем он это делает. Он удивлённо ответил:

— Глупенький, разве ты не видишь? Я читаю. Пропускаю буквы сквозь пальцы, зрение от этого не портится, а книга прочитана. Вот перемотаете всю библиотеку, я вас тоже научу так читать.

После урока буквовязания пан Клякса повёл нас на третий этаж и открыл одну из дверей.

— Проходите осторожно, мальчики, — предупредил он нас, — это лечебница больных вещей. Помните, как я вылечил трамвай? Теперь я научу вас лечить поломанные вещи.

Комната была завалена рухлядью. Здесь были кресла без ножек, диваны без пружин, разбитые зеркала, испорченные часы, поцарапанные столы, перекосившиеся шкафы, дырявые стулья и другие пришедшие в негодность предметы.

Пан Клякса велел нам стать в сторонку, а сам взялся за работу.

Вещи подняли невообразимый треск, скрип, скрежет. Табуретки и стулья от радости затопали ножками, а пружина в часах даже ойкнула.

Затаив дыхание мы следили за работой пана Кляксы. Сначала он подошёл к столику в углу комнаты, обстукал его со всех сторон, взял за ножку, пощупал пульс и ласково сказал:

— Ну, малыш, сегодня тебе полегче, правда? Температура резко упала, доски срослись. Дня через два ты будешь совсем здоров!

Столик что-то простонал в ответ. Тогда пан Клякса натёр ему столешницу мазью и посыпал щели зелёным порошком.

Потом пан Клякса подошёл к шкафу, жалобно скрипевшему дверцами.

— Ну как? — поинтересовался пан Клякса. — Прошёл кашель? Нет? Ну ничего, не горюй, скоро поправишься!

Он прислонил ухо к стенке шкафа, послушал, потом пипеткой накапал в щели касторки.

Шкаф облегчённо вздохнул и благодарно приник к пану Кляксе.

— Завтра я тебя ещё раз проведаю, — успокоил его пан Клякса. — Будь молодцом!

На стене висело треснутое зеркало. Пан Клякса взглянул в него, поправил на носу веснушки, потом достал из кармана чёрный пластырь и заклеил трещину.

— Вот, мальчики, учитесь чинить разбитые стёкла! — сказал он весело.

Он потёр фланелевой тряпочкой зеркало и снял пластырь. Трещины как не бывало.

— Всё в порядке! Анастази и Артур, отнесите его потом в столовую.

С часами было больше возни. Пришлось промыть и протереть все винтики, сжать растянувшуюся пружину, прижечь маятник йодом.

— Бедняжки! — пожалел их пан Клякса. — Натерпелись! Ну ничего, скоро начнёте ходить.

Он поцеловал часы в циферблат и дружески похлопал по футляру. Часы сразу зазвонили, стрелки закрутились, маятник закачался, и на всю лечебницу раздалось звонкое: тик-так, тик-так, тик-так!

Нам было очень приятно, что больные вещи так любят пана Кляксу.

Перед самым уходом из лечебницы пан Клякса вдруг обнаружил пропажу своей любимой золотой зубочистки.

— Никто отсюда не выйдет, пока она не найдётся, — заявил он.

Начались поиски. Мы облазили на четвереньках весь пол, заглянули во все углы. Матеуш совал клюв во все дырки. А пан Клякса, расстроенный, сидел в воздухе, закинув ногу на ногу, и принимал таблетки для ращения волос, потому что от горя у него выпали два волоска.

Тогда больные вещи сами принялись за поиски. Стулья и табуретки, хромая и подпрыгивая,

носились по комнате. Замочные скважины всюду заглядывали. Ящики комодов и столов, кряхтя и охая, высовывались и вытряхивали своё содержимое прямо на пол. Зеркала всё отражали. Даже печка не пожелала оставаться в стороне и без умолку причитала:

— Холодно... холодно... тепло. Холодно... тепло... тепло!

Часы шли медленно, но, как только они приблизились к окну, печь завопила:

— Тепло!.. Очень тепло!

Часы окинули взглядом подоконник и стали ощупывать гардины.

— Горячо! Горячо! — закричала печь.

Зубочистка нашлась. Она воткнулась в гардину, почти у самого пола.

Так больные вещи нашли пропажу.

Мы провозились в лечебнице почти до полудня. Обычно в это время пан Клякса улетал на охоту за бабочками, а мы шли к пруду или на площадку, где у нас один урок всегда проходил на свежем воздухе.

Так было и на этот раз. Пан Клякса выпорхнул через окно в сад и полетел на охоту, а мы с Матеушем отправились во двор на урок географии. Первый раз в жизни я видел такой урок географии, хотя до этого учился в двух школах.

Матеуш выкатил на поле большой глобус и разделил нас на две команды, как при игре в футбол. Матеуш был судьёй. Он без устали носился за мячом и свистел, если кто-нибудь допускал промах. Игра заключалась в том, чтобы одновременно с ударом по глобусу назвать местность, куда угодил носок башмака.

Матеуш засвистел, и игра началась. Мы носи-

лись по полю как угорелые и изо всех сил били по мячу.

При каждом ударе раздавался голос кого-нибудь из игроков:

— Краков!

— Австралия!

— Лондон!

— Татры!

— Кунцево!

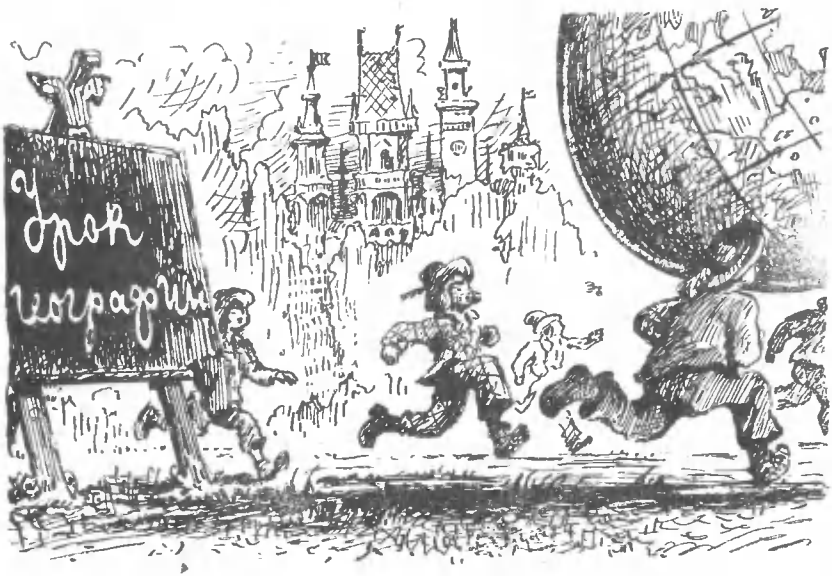
— Висла!

— Берлин!

— Греция!

Всякий раз Матеуш свистел. То оказывалось, что Антоний спутал Кельцы с Китаем, то — что Альберт принял Африку за Балтийское море, то ещё что-нибудь.

Мы играли с большим увлечением: толкались,



падали, поднимались, выкрикивали названия городов, стран, морей. У Матеуша с клюва стекал пот, я пыхтел, как кузнечные мехи, и всё-таки лучше узнал географию, чем за три года в двух предыдущих школах.

Под конец игры произошло неожиданное событие: один из Александров так сильно ударил по глобусу, что тот взлетел очень высоко и упал не на площадку, а по ту сторону ограды, в какую-то соседнюю сказку. Мы не знали, что делать. Где искать мяч? То ли в сказке про Мальчика с пальчик, то ли в сказке про Синдбада-морехода.

Наши размышления прервал радостный крик Матеуша:

— Чики, рите!

Это значило: «Мальчики, смотрите!»

Мы взглянули и обомлели от восторга: прямо к нам приближалась прекрасная Снежная королева, а за ней Двенадцать гномов тащили на плечах наш глобус.

Мы радостно бросились им навстречу.

Снежная королева лукаво улыбнулась и сказала:

— Ваш мяч разбил несколько моих игрушек, но я готова вернуть его вам, если вы научите моих гномов географии.

— Пожалуйста! С превеликим удовольствием! — бойко отозвался Анастази. Он был самый смелый из нас.

Но случилось невероятное. Снежная королева и её двенадцать подданных под лучами августовского солнца вдруг стали таять.

— Я забыла, что у вас лето! — пролепетала королева, сгорая от стыда.

Пока мы гадали, что предпринять, Снежная

королева совсем растаяла и превратилась в маленький прозрачный ручеёк. Этот ручеёк соединился с двенадцатью другими ручейками поменьше, и они бурным потоком устремились к ограде, напевая знаменитую песенку гномов:

Гей-га! Гей-го!
Домой идти легко!

«Как хорошо, что я не из снега!» — пронеслось у меня в голове.

Так окончилось посещение Снежной королевой академии пана Кляксы.

Раздавшийся звонок вывел меня из оцепенения.

Это Матеуш звал нас к обеду.

КУХНЯ ПАНА КЛЯКСЫ

В академии пана Кляксы прислуги нет, и всё, что нужно, мы делаем сами. Обязанности распределены между нами таким образом, что у каждого есть свои хозяйственные заботы. Анастази открывает и закрывает ворота и, кроме того, ведает воздушными шарами пана Кляксы; пять Александров следят за одеждой и бельём, то есть стирают и гладят, штопают чулки и пришивают пуговицы; Альберт и один из Антониев наводят порядок в парке и на площадке; Альфред и второй Антоний прислуживают за столом; второй Альфред и третий Антоний моют посуду; Артур убирает школьный зал; три Анджея поддерживают чистоту в спальне, столовой и на

лестнице; три Адама приготавливают сиропы для купания и соусы для обеда; остальные ученики заняты другими хозяйственными делами, и только на кухне пан Клякса хозяйничает сам.

Мы всегда удивлялись, как это пану Кляксе одному удаётся приготовлять для всех еду, но вход на кухню был воспрещён. И вот на позапрошлой неделе пан Клякса назначил меня своим помощником по кухне. Я возгордился и ходил важный, как индюк.

Когда раздался звонок к обеду, ребята побежали в столовую, где Альфред и Антоний давно поставили приборы, а я отправился на кухню.

Я должен рассказать, как она выглядит и какие пан Клякса завёл там порядки.

Вдоль стены тянется длинный стол, на нём стоят банки с цветными стекляшками, а на другом столе, у противоположной стены, стоят краски, кисточки и помазки. На подоконниках в больших деревянных ящиках цветут настурции и герань. Посреди кухни стоит большой стол, обитый жестью, а на нём — большая пузатая бутыль с огоньками и несколько банок с порошками разных цветов.

Пан Клякса надел фартук и принялся за работу.

Он насыпал в кастрюлю три кружки оранжевых стекляшек, добавил белого порошка, налил воды, тонкой кисточкой нарисовал сверху зелёный горошек и положил в кастрюлю несколько огоньков; вода в кастрюле сразу закипела. Тогда пан Клякса помешал содержимое ложкой, перелил в огромную миску и сказал мне:

— Отнеси в столовую. Кажется, помидоровый суп вышел на славу!

В самом деле, я никогда в жизни не ел ничего вкуснее, а ведь суп варился не более пяти минут.

Пока ребята ели первое, пан Клякса успел приготовить второе. Он бросил на сковородку огонёк, положил кусочек мяса, два стёклышка, белое и красное, посыпал сверху порошком, а когда мясо поджарилось и стёклышки разварились, приставил к сковороде увеличительный насос и несколько раз нажал на донышко. Сковорода до краёв наполнилась вкусным жареным мясом с мелко нарезанной свёклой и картофельным пюре. На картошке пан Клякса нарисовал зелёный укроп. Мяса было столько, что оно едва уместилось на тарелках.

На третье пан Клякса решил приготовить компот из крыжовника. Он сорвал несколько листьев герани, посыпал их серебристым порошком и попробовал.

— Фу, какая гадость! — сказал он недовольным голосом. — Лучше приготовлю малиновый компот.

Компот получился такой вкусный, что я его попробовал трижды, а когда пан Клякса с лейкой полетел в столовую поливать жаркое коричневым соусом, укрепляющим дёсны, я не выдержал и ещё раз попробовал компот.

После обеда ребята занялись уборкой и другими делами, а мы с паном Кляксой остались на кухне.

— Ну, Адась, — сказал пан Клякса, — поедим теперь и мы с тобой. Ты, наверно, здорово проголодался. Чего тебе хочется?

Я ужасный лакомка и поэтому растерялся, не зная, что выбрать. В конце концов я остановился на омлете со шпинатом.

Пан Клякса с лейкой полетел в столовую.

Пан Клякса взял кисть, окунул её по очереди в несколько красок, нарисовал омлет со шпинатом, положил сверху огонёк, потом переложил омлет в тарелку и сказал:

— Славный вышел омлет. Я думаю, он тебе понравится.

Омлет был такой вкусный, что прямо таял во рту.

Так же быстро пан Клякса приготовил жареного цыплёнка с солёными огурцами и пирог с ягодами.

— А вы что будете есть, пан профессор? — спросил я робко.

Вместо ответа пан Клякса достал из кармана коробку с таблетками для ращения волос, проглотил несколько штук сразу и сказал:

— Вот я и сыт. А для души съем что-нибудь цветное.

Он сорвал листок герани, обмакнул его подряд в зелёную, красную, голубую и серебристую краску и с аппетитом съел.

— Сейчас я тебе всё объясню, — сказал пан Клякса, заметив моё удивление. — Много-много лет назад я побывал в столице Китая, городе Пекине. Там я подружился с доктором Пай Хи-во. Тебе, вероятно, приходилось слышать это имя. Так вот, доктор Пай Хи-во открыл мне секрет. Оказывается, вкус еды заключается в её цвете. Голубой цвет — кислый, зелёный — сладкий, красный — горький, жёлтый — солёный, а смешивая цвета, можно получить всякие оттенки. Например, смесь зелёного с белым и серым придаёт еде привкус

ванили; коричневый цвет с жёлтым напоминает шоколад, а серебристый с чёрным — салат.

Во всём этом рассказе больше всего меня поразило то, что пан Клякса был знаком с доктором Пай Хи-во, тем самым лекарем, который подарил Матеушу волшебную шапку богдыханов. Тут крылась какая-то тайна.

Между тем пан Клякса продолжал:

— Доктор Пай Хи-во открыл мне и другие секреты. Ему я обязан почти всеми своими знаниями. Он открыл мне тайну человеческих имён.

Вот я принимаю в академию мальчиков только с именами на букву «А», а почему? Да потому, что они идут первыми по списку, а первыми, как известно, бывают самые способные и прилежные ученики. Имя «Матеуш» приносит счастье, поэтому я назвал так моего скворца. А самое счастливое — моё собственное имя: Амброжи. Но это неважно, — закончил он неожиданно. — Пойдём в парк. Ребята нас заждались.

После обеда мы обычно собираемся в парке, и пан Клякса придумывает какую-нибудь интересную игру.

Вчера мы искали клад.

— Кто ищет, тот всегда найдёт! — сказал многозначительно пан Клякса.

Ребята разбрелись кто куда. Я предложил Артуру пойти со мной. Он согласился, и мы разработали общий план.

Я уже говорил, что академию окружал огромный парк. Столетние дубы, вязы, грабы, каштаны, тополя переплетались пышными кронами, так что свет почти не проникал на землю. Заросли крапивы, лопухов, малины, шиповника и разнообразных трав делали чащу непроходимой и преграж-

дали путь к многочисленным пещерам и гротам. Некоторые уголки парка напоминали джунгли, где не ступала человеческая нога. Ночами из парка доносились таинственные шорохи и голоса.

Раньше мы никогда не углублялись далеко в чащу, хотя нам давно хотелось её исследовать. Иногда мы забирались в ближайшие пещеры, влезали в дупла столетних дубов, но это нас не удовлетворяло. Мы мечтали зайти поглубже, в самые дебри таинственного парка.

Захватив с собой фонарики, верёвку, охотничий нож, горсть цветных стёклышек на случай, если проголодаемся, мы отправились в путь.

Пробираться сквозь заросли крапивы и лопухов было делом нелёгким, и нам часто приходилось пускать в ход острый охотничий нож. И вот после долгого и трудного пути мы очутились в самом сердце таинственной чащи.

Со всех сторон доносились тревожные шорохи, похожие на хриплый кашель или смех. Шурша листьями, пробегали ящерицы.

Я взглянул вверх. Над нами простирались ветви гигантского дуба. В стволе на высоте двух метров от земли заманчиво зияло дупло.

— Неплохо бы туда забраться, — мечтательно произнёс Артур.

— Ещё бы! — поддержал я.

Не говоря ни слова, Артур достал из мешка верёвку, сделал на конце петлю, забросил на самый толстый сук и, с кошачьей ловкостью взобравшись на дерево, исчез в дупле. Я последовал за ним и очутился на верхней площадке винтовой лестницы.

— Спустимся, — предложил Артур.

— Давай, — согласился я.

Мы зажгли фонарики и стали медленно спускаться. Когда мы спустились вниз на двести тридцать ступенек, перед нами возник узкий тёмный коридор. Мы продолжали путь, стараясь ступать как можно осторожней. От страха у меня дрожали колени. Я слышал, как колотится моё сердце и даже как колотится сердце у Артура. Коридор поворачивал то вправо, то влево и наконец вывел нас в большой зал, слабо освещённый зелёной лампочкой. Посреди зала стояло три окованных железом сундука. Я с большим трудом открыл первый. На самом дне, к моему великому удивлению, я увидел зелёную лягушку с крошечной короной на голове.

— Не прикасайтесь ко мне, — предупредила лягушка. — Я знаю, вы из академии пана Кляксы. А я Царевна-лягушка. Всякий, кто до меня дотронется, навсегда превратится в лягушку. Моя сказка, конечно, довольно интересная, но она слишком затянулась. Вот уже пятьдесят лет я жду принца, который на мне женится. Я знаю, что вы не в силах мне помочь: вы ещё маленькие и к тому же не принцы. Опустите крышку, а в награду возьмите всё, что найдёте в двух других сундуках.

Мы поблагодарили Царевну-лягушку и закрыли сундук.

Во втором сундуке вместо ожидаемых сокровищ я увидел маленький самодельный свисток, больше ничего. Я разозлился и сказал Артуру:

— Возьми его себе! Мне он не нужен!

Артур взял свисток и стал его рассматривать, я тем временем открыл третий сундук. На самом дне лежал маленький золотой ключик, каких у пана Кляксы видимо-невидимо.

— Хорош клад, нечего сказать! — проговорил

я со злостью и, выхватив у Артура свисток, поднёс к губам и засвистел.

Мы моргнуть не успели, как какая-то неведомая сила подняла нас в воздух и перенесла на старое место возле дуба. Верёвка ещё болталась на суку, но дупла мы, сколько ни искали, найти не смогли.

Взволнованные нашим приключением, мы вернулись в академию. У пруда на условленном месте мы увидели пана Кляксу, окружённого ребятами. Они все уже успели вернуться. Рядом с ними на земле лежали их находки. Тут были и золотые монеты, и жемчужные ожерелья, и скрипки с золотыми струнами, и аметистовые чаши, и табакерки, и перстни, усыпанные бриллиантами, и серебряные подносы, и разные изделия из янтаря, слоновой кости, и другие ценные вещи.

При виде этих богатств нам стало ужасно стыдно.

— Ну, а вы что нашли? — спросил, улыбаясь, пан Клякса.

Мы протянули ему ключик и свисток.

Пан Клякса схватил их так, словно увидел нечто необычайное.

— Вашей находке нет цены! — сказал он после минутного молчания. — Этот ключик открывает все замки на свете, а свисток наделён небывалой волшебной силой: стоит свистнуть, и очутишься где захочешь. Молодцы, хорошо постарались! Объявляю вам благодарность!

Он достал из табакерки две веснушки и дал одну мне, другую Артуру.

Ребята с интересом присматрива-

лись к нашим вещам, а когда мы рассказали про Царевну-лягушку, даже позавидовали.

— Пусть каждый возьмёт себе то, что нашёл, — сказал пан Клякса. — А теперь не будем терять время. Пусть Адась Несогласка расскажет, как он научился летать. Очень занятная история!

До этого я никогда никому не рассказывал о своих приключениях. Я боялся, что мне не поверят. Но теперь, когда меня попросил сам пан Клякса, трудно было отказаться, и я стал рассказывать всё по порядку.

Ребята слушали затаив дыхание.

МОЁ УДИВИТЕЛЬНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Мне всегда казалось, что летать нетрудно. Главное — подняться повыше, а там только размахивай руками, как птица крыльями.

Но я жестоко ошибся.

Сначала всё шло хорошо. Сделав глубокий вдох, как меня учил пан Клякса, я почувствовал себя необыкновенно лёгким. Мне казалось, что больше ничего и не нужно. Я надул щёки и взлетел. Академия пана Кляксы стала сразу отдаляться, парк уменьшился, словно провалился в пропасть, ребята превратились в крохотных букашек. Чем выше я поднимался, тем больше меня охватывал страх. Мне захотелось как можно скорее обратно на землю, но, увы, я совсем не умел управлять своим полётом. Я поднимал и опускал руки, дрыгал ногами, повторял движения птиц, задерживал дыхание, но всё без толку.

Я болтался в воздухе, как воздушный шарик, и ветер гнал меня неведомо куда. Внизу, вокруг академии, простирались усеянные цветами луга да несколько лесистых холмов. Никаких сказок не было видно.

Через несколько минут эта картина сменилась другой. Я увидел большой город, где дома были похожи на спичечные коробки и стояли правильными рядами. По узеньким улицам скользили крохотные трамваи, а люди были не больше муравьёв. Моё появление вызвало в городе большой переполох.

На площадях столпилось множество народа. Все задирали голову, карабкались на телеграфные столбы, влезали на крыши, разглядывали меня в длинные телескопы. Позднее на меня даже направили прожектор. А я всё летел и летел, не зная, как мне вернуться на землю.

Стало смеркаться, похолодало. Меня знобило от холода и страха. Я знал, что пан Клякса не сможет мне помочь, потому что его всевидящее око находится на Луне, а больше надеяться было не на кого. С наступлением ночи меня охватил такой ужас, что я заплакал. Кругом были одни звёзды. Наконец, устав от долгого полёта, от страха и слёз, я заснул. Проснулся я от сильного толчка в плечо. Я открыл глаза и увидел длинную стену. Подо мной была твёрдая почва, но почва эта была прозрачная и голубая, как небо. Огромное золотистое солнце сияло снизу, и его лучи сильно припекали.

Стена была из голубого матового стекла. Я двинулся вдоль неё в поисках входа. Долго шёл я по прозрачной земле и наконец набрёл на большие ворота, тоже из матового стекла. После недолгого

колебания я постучал. В воротах приоткрылось окошко, и показалась свирепая морда бульдога. Он рявкнул три раза, окошко закрылось, но тут же распахнулось снова, и на этот раз я увидел белого лохматого пуделя. Он приветливо оскалился и вдруг так ласково заскулил, словно встретил старого друга.

Я невольно улыбнулся и свистнул. Года два назад у меня был мопс, по имени Рекс, и я обычно подзывал его таким свистом.

Каково же было моё удивление, когда мне в ответ раздался звонкий лай и вместо пуделя в окне показалась знакомая мордочка моего Рекса! Он готов был выскочить из шкуры. Я так обрадовался, что поцеловал его в нос, а он так нежно лизнул меня в губы, что у меня сердце ёкнуло.

— Рекс! — воскликнул я. — Неужели это ты?

— Гав-гав! — отвечал мне Рекс.

Ворота тут же открылись, и глазам моим предстала необыкновенная картина.

Прямо от ворот вела широкая улица. Вдоль неё по обеим сторонам стояли собачьи будки, вернее домишки с маленькими крылечками и круглыми окошками, сооружённые из разноцветного кирпича и кафеля. Они были окружены чудесными палисадниками. По улице разгуливали собаки разных пород. Они весело лаяли, виляли хвостами, а из окошек высовывались смешные пушистые мордочки щенят.

Рекс всё время ластился ко мне, и я тоже был очень рад нашей встрече. Другие собаки с любопытством поглядывали на меня, дружелюбно обнюхивали, а некоторые лизали мне лицо и руки.

Я чувствовал себя неловко, мне было стыдно, что я не могу ответить им тем же.

Я не знал их языка. Тогда, прислушавшись к внутреннему голосу, я опустился на четвереньки, чтобы хоть чем-нибудь уподобиться окружающим меня животным, и это вышло у меня почти естественно. Я попробовал что-то пролаять, но вместо этого вдруг заговорил на незнакомом мне языке. Такие же слова раздавались вокруг меня. Я услышал знакомый голос Рекса:

— Не удивляйся, Адась, всякий, кто попадает к нам, очень быстро усваивает наш язык. Знаешь, где ты?

— Понятия не имею, — ответил я. — Дорогой Рекс, объясни мне, пожалуйста, да кстати познакомь со своими друзьями, чтобы я не чувствовал себя таким чужим.

— Не беспокойся. Ты быстро привыкнешь к новому окружению. Это собачий рай. Все собаки попадают сюда после смерти. Здесь у нас нет ни забот, ни печалей.

Рекс рассказал мне, что несколько месяцев назад угодил под машину и, как всякий добродетельный пёс, попал в собачий рай.

— А теперь, — сказал он, — позволь представить тебе моих друзей. Это бульдог Том, наш привратник. Когда-то он верой и правдой служил английской королеве, поэтому пользуется у нас большим уважением. Это пудель Глю-Глю. Ты уже видел его. Он прекрасно выдрессирован и часто показывает нам всякие фокусы.

В подтверждение этих слов пудель Глю-Глю перевернулся пять раз в воздухе, а Рекс продолжал:

— Вон того шпица зовут Трезор, а ту овчарку Туба. Моську зовут Альфа, болонку — Бета, а вон та борзая — наша райская гордость, её зовут

Ящерка. На бегах она всегда занимает первое место. Постепенно ты перезнакомишься и с остальными собаками, потому что мы живём очень дружно.

Не прошло и часа, как я почувствовал себя в собачьем раю почти как дома, даже лучше.

Вдруг ко мне приблизился чёрный маленький пинчер и подчёркнуто любезно произнёс:

— Разрешите представиться. Моё имя — Лорд.

— Очень рад,— ответил я.— Адам Несогласка.

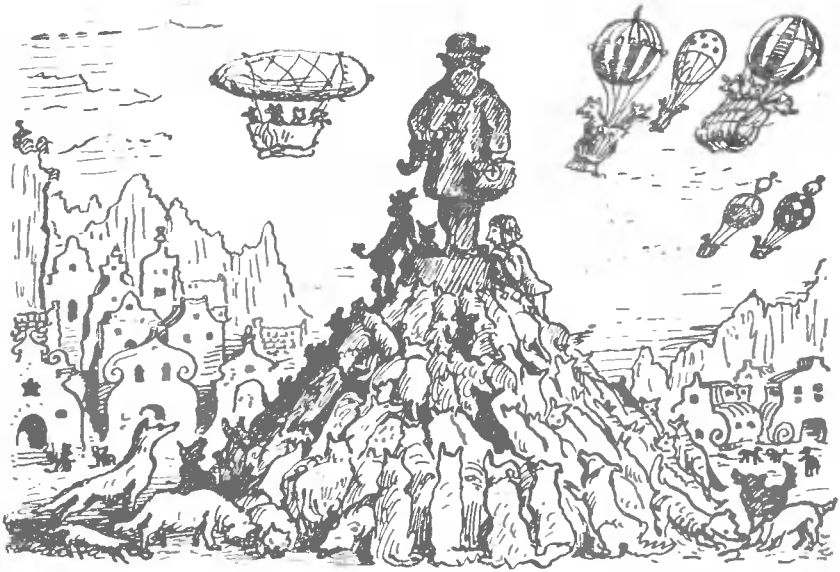
— Как странно,— продолжал пинчер,— что людям непонятен наш язык! Ведь мы говорим довольно внятно. Кроме того, меня всегда удивляло, для чего на некоторых домах висят таблички: «Злая собака». Собаки не бывают злыми. Это клевета! У нас доброе сердце. Мы любим людей. Это они часто поступают с нами несправедливо и жестоко.

— Послушай, Лорд,— прервал его Рекс,— ты не очень тактичен. Пан Несогласка — мой гость. Когда-то он был моим хозяином, и у него я чувствовал себя не хуже, чем здесь, в раю. Как видишь, Адась,— сказал он, обращаясь ко мне,— не всякий Лорд ведёт себя, как надлежит лорду. Пойдём, я покажу тебе наш райский город.

Мы сухо раскланялись с Лордом и отправились осматривать собачий рай, о котором я никогда прежде не слыхал.

— Мы бежим сейчас по улице Белого Клыка,— сообщил мне Рекс.— Она тянется от Райских ворот до площади Доктора Айболита. Видишь там памятник доктору Айболиту?

Площадь была великолепна. Со всех сторон её окружали чистенькие белые домишки. Перед ними на мягких подушках нежились только что вы-



купанные щенята. Некоторые из них играли в мяч, другие грызли сахар, третьи, щёлкая зубами, ловили мух. Посреди площади высился большой памятник, а под ним было написано:

Доктору Айболиту,
спасителю и лекарю зверей
от благодарных собак.

Памятник был из чистого шоколада, и огромная толпа собак, окружив памятник со всех сторон, лизала его. Мы с Рексом протолкались к памятнику. И, как это ни стыдно, я должен признаться, что тоже вместе со всеми стал лизать шоколад. Даже отгрыз у доктора Айболита полбашмака, то есть съел почти полкило шоколада. Ел я с большим аппетитом, так как успел здорово проголодаться.

— Каждый день, — объяснил мне Рекс, — мы съедаем памятник доктору Айболиту и каждый день строим его заново. Шоколада у нас вдоволь, ведь мы в раю.

— А где тут можно напиться? — спросил я. — Ужасно пить хочется.

— Нет ничего легче! — рассмеялся Рекс. — Мы стоим как раз напротив моего особняка. Пойдём, я угощу тебя молоком.

Дом Рекса был из зелёного кафеля. На веранде лежали ковры и подушки, на которых резвились щенята, вероятно дети моего приятеля.

За домом, в саду, росли кусты сарделек и колбасы. Я сорвал кусок краковской колбасы, две сардельки и съел их с большим удовольствием. Под окнами дома я увидел маленькие деревца из кости с чудесным костным мозгом внутри.

Как только мы вошли в гостиную, Рекс подвёл меня к стене, открыл кран, и оттуда, к великому моему удивлению, вместо воды прямо в стакан хлынуло молоко. Оно было очень холодное и по вкусу напоминало сливочное мороженое. Я выпил залпом три стакана, и мы с Рексом двинулись дальше осматривать город.

Рекс то и дело с кем-нибудь раскланивался и о каждом встречном находил что сказать:

— Это легавая, госпожа Ноля. Она всегда ходит с зонтиком, хотя у нас не бывает дождей, а солнце светит снизу. А того дога зовут Танго. Он объедается сардельками и пьёт касторку. А это таксы Самбо и Бимбо. Они всегда ходят вместе и уверяют всех, что кривые ноги — самые красивые.

Вдруг Рекс остановился и сказал шёпотом:

— Смотри! Мы выходим на улицу Мучителей. Сейчас ты увидишь кое-что любопытное.

В самом деле, улица представляла не совсем обычное зрелище. По обеим сторонам её, на каменных пьедесталах, стояли мальчики разного возраста.

Все они по очереди каялись в своих грехах.

— Я мучитель — я своей собаке Фильке выбил глаз камнем! — кричал один.

— Я мучитель — я своего Джека бросил в яму с известью! — вторил другой.

— Я мучитель — я своей Розетке насыпал в рот перцу! — отзывался третий.

— Я мучитель — я свою собаку Рысь всегда дёргал за хвост! — ныл четвёртый.

Так каждый из мальчиков признавался в своём преступлении.

Рекс объяснил мне, что мальчишки, которые мучают собак, во сне попадают в собачий рай, а потом возвращаются домой и думают, что это им только приснилось.

Но всякий побывавший на улице Мучителей больше никогда не мучает собак.

Я был счастлив, что никогда не подвергался такому наказанию, хотя не всегда обращался с Рексом, как положено, а однажды даже выкрасил его в красный цвет.

У меня отлегло от сердца, когда, покинув ули-

цу Мучителей, мы вышли на площадь Светлячков. Здесь я увидел качели, карусели, колесо смеха и прочие собачьи аттракционы. Мне сразу стало весело.

Но вскоре я проголодался, да и Рекс начал с беспокойством ко всему принюхиваться.

— Зайдём перекусим чего-нибудь, — предложил он мне, — а потом отправимся домой обедать.

Он привёл меня на Бисквитную улицу, где прямо на мостовой лежали груды пирожных с мёдом. Пирожные были такие вкусные, что я не мог от них оторваться.

— Воздержись! — предостерёг меня Рекс. — Нам, обитателям рая, это не вредит, но ты можешь заболеть.

Мне было интересно, откуда в собачьем раю берутся шоколад, пирожные, мёд и другие лакомства; кто строит собачьи дома и памятник доктору Айболиту; кто делает зонты, шляпы, попоны. Но спросить об этом я считал неприличным. Это могло показаться вмешательством в райские дела. На то и существует рай, подумал я, чтобы всё появлялось само собой, ниоткуда.

Мы побывали с Рексом во многих интересных местах: в Собачьем цирке, в Собачьем кино, на улице Мыльных пузырей, в переулке Остряков, на улице Повидла, на Собачьих бегах, в Театре Трёх пуделей, в оранжерее Каши и Паштета, на плантации Ливерной колбасы, в Щенячьих банях и других райских заведениях.

По дороге мы завернули в парикмахерскую на улице Томатного сока. Два цирюльника с гор Святого Сен-Бернара мастерски нас постригли. Один из них сказал мне с гордостью:

— Вы заметили, что здесь не водятся блохи?

— Разумеется, — ответил я. — У вас тут райская жизнь.

К моему удивлению, за стрижку с нас не потребовали платы, но, уходя, я, по примеру Рекса, благодарно лизнул парикмахера в нос.

Мы вышли на улицу. Солнце всё так же пекло. Рекс сказал, что оно здесь никогда не заходит. Когда мы вернулись домой, Рекс согнал с подушек щенят и предложил мне отдохнуть. Мы лежали, мирно беседуя и наблюдая за тем, что творится на площади.

— Как вы различаете дни, — спросил я Рекса, — если солнце у вас никогда не заходит и не бывает ночей?

— Проще простого, — ответил с улыбкой Рекс. — Мы съедаем памятник за один день и столько же времени строим новый. Вместе это соответствует земным суткам. Так мы и ведём счёт времени. Неделя — это семь памятников. Месяц — тридцать памятников. Год — триста шестьдесят пять памятников, и так далее. На площади Таблицы умножения живут двести фокстерьеров. Они ведут счёт времени и составляют наш собачий календарь.

От Рекса я узнал много любопытных подробностей о загробной жизни собак.

Мне было очень хорошо, и всё-таки я затосковал по дому. Мне надоели пирожные, шоколад, колбасы, я мечтал о ложке морковного супа, который так ненавидел раньше. Но больше всего мне хотелось хлеба.

Я с грустью вспоминал об академии пана Кляксы и очень боялся навсегда остаться в собачьем раю.

Однажды я лежал в саду и грелся на солныш-

ке вместе со щенятами Рекса. Мы лежали под кустом сарделек, которые вызывали у меня отвращение.

— Я ворец! Я ворец! — послышался знакомый голос.

Я вскочил на ноги и увидел Матеуша. Он сидел на ветке мозгового дерева и держал в клюве конверт.

— Матеуш! Неужели это ты? — воскликнул я вне себя от радости. — Какое счастье, что ты меня нашёл!

Матеуш спустился и подал мне конверт. Письмо было от пана Кляксы. В нём говорилось о том, как я должен управлять своим полётом.

Собаки сбежались посмотреть на Матеуша, и, воспользовавшись этим, я выступил перед ними с речью, в которой благодарил их за радушный приём. Потом, обняв на прощанье моего любимого Рекса и всю его семью, я направился вместе с бульдогом Томом к Райским воротам. Матеуш летел над нами, весело посвистывая.

Я выпросил у Тома пуговицу с его ливреи, окинул прощальным взглядом собачий рай и навеки оставил его гостеприимный порог.

Следуя указаниям пана Кляксы, я легко парил в воздухе.

Долго до меня доносился жалобный лай собак и постепенно затих. Собачий рай, отдаляясь, превратился в маленькое голубое облачко, которое вскоре растаяло в воздухе.

Через несколько часов в лучах заходящего солнца я увидел крыши домов и улицы нашего города.

— Демия на зонте! — крикнул мне на ухо Матеуш.

Это означало: «Академия на горизонте!»

В самом деле, мы увидели академию с окружающей её оградой и пана Кляксу, который летел нам навстречу. От радости он кувыркался в воздухе и смешно размахивал руками.

С наступлением сумерек мы были уже дома.

Я отсутствовал двенадцать дней.

Не могу описать, какое я испытывал блаженство, вернувшись на землю. Ребята мне очень обрадовались, а пан Клякса взял с меня слово, что я больше никогда не буду летать.

Я дал слово и непременно его сдержу.

ЗАВОД ДЫР И ДЫРОЧЕК

Я собирался рассказать вам, как проходят дни в академии пана Кляксы. Я подробно описал один из таких дней, с утра до полудня, то есть урок кляксописания, буквовязания, кухню пана Кляксы и то, как мы искали клад. Я рассказал о моих приключениях в собачьем раю. Всё свободное время я отдаю дневнику, а дошёл только до четырёх часов дня, то есть до того времени, когда мы по указанию пана Кляксы собрались у ворот.

— Мальчики! — сказал нам пан Клякса. — Сегодня мы проведём экскурсию на самый интересный в мире завод. Этим заводом руководит мой друг, инженер Богумил Копоть. Он обещал показать нам все цеха, ознакомить с работой людей и машин. Это будет очень поучительная экскурсия. А теперь постройтесь по четыре в ряд. Пошли!

Анастази открыл ворота, и мы направились в город.

На площади Четырёх Ветров мы сели в трамвай. Мест не хватало. Тогда пан Клякса достал увеличительный насос, немножко расширил трамвай, и мы доехали с полным комфортом. Сначала дорога вела через город, потом мы свернули на набережную и переехали через Музыкальный мост. Пан Клякса сказал, что тяжесть трамвая приводит в движение механизм, установленный под мостом, и поэтому мост играет. Мост сыграл «Марш оловянных солдатиков».

На другой стороне реки мы увидели небольшой красивый городок. Это были дома заводских рабочих. Мы сошли на последней трамвайной остановке. От неё к заводу вели движущиеся тротуары. Кататься на них было одно удовольствие, хотя мы то и дело теряли равновесие и падали, потому что не привыкли к такому виду транспорта.

На противоположном тротуаре навстречу нам ехал инженер Богумил Копоть.

Это был долговязый человек с растрёпанными волосами и острой козлиной бородкой. У него были такие худые ноги и руки, что издалека он походил на огородное чучело.

Поравнявшись с нами, инженер ловко перескочил на наш тротуар и принялся обнимать и целовать пана Кляксу.

— Разреши, дорогой Богумил, познакомить тебя с моими двадцатью четырьмя учениками, — сказал пан Клякса.

— А ворец? — раздался голос Матеуша из кармана сюртука.

— Да, а это мой скворец Матеуш, — добавил пан Клякса, доставая Матеуша из кармана.

Инженер Копоть внимательно на нас посмотрел, погладил Матеуша и сказал, играя своей бородкой:

— Я очень рад тебя видеть, Амброжи, и, конечно, покажу твоим ученикам мой завод дыр и дырочек. Но с условием, ребята, — обратился он к нам, — на заводе ничего не трогать.

Сказав это, он обвил левой ногой правую, сцепил пальцы рук, и мы все вместе молча поехали на завод.

Завод состоял из двенадцати корпусов с прозрачными стенами и стеклянными крышами. Уже издалека мы увидели мощные машины, грохот которых раздавался далеко вокруг.

В первом же цехе мы чуть не ослепли от искр, сыпавшихся с приводных ремней, электрических свёрл и токарных станков.

Станки стояли в несколько рядов, а некоторые из них висели в воздухе, подвешенные на канатах. Возле станков суетились рабочие в кожаных фартуках и тёмных очках.

Работа кипела вовсю. Шум станков заглушал слова инженера Копоти, который что-то объяснял своим писклявым голосом.

Я понял только одно, что в этом цехе делают дырки для ключей, для колец, для ножниц и совсем маленькие дырочки.

Мы с восхищением следили за работой станков и удивлялись мастерству рабочих, которые одним поворотом резца ухитрялись сделать от десяти до двенадцати великолепных дырочек.

Готовую продукцию складывали в маленькие вагонетки, после чего большие подъёмные краны переносили их на склад, в соседний корпус.

В других цехах вырабатывали дырки поболь-

ше: для локтей, для колен, для мостов и даже для неба. Они были такие большие, что станки, на которых их вытачивали, возвышались до самого потолка и рабочим приходилось вставать на подмостки.

Дырки для локтей и колен были с обтрёпанными краями. Это требовало от мастеров большого искусства. Инженер Копоть показал нам проекты и чертежи молодых техников-конструкторов, разрабатывавших новый способ производства дыр.

В одном из заводских корпусов находилась сортировочная, где опытные контролёры замеряли и испытывали готовые дыры и дырочки. Треснутые, плохо отшлифованные и прочие бракованные дырки контролёры бросали в большой котёл и отправляли на переплавку.

В последнем корпусе находилась упаковочная. Там особые специалисты взвешивали дырки на больших весах и упаковывали по пять или десять штук в коробку.

Инженер Копоть подарил нам две коробки дырок от бубликов. По возвращении в академию пан Клякса приготовил сладкое ванильное тесто и испёк нам из дырок много вкусных бубликов.

Мы были в восторге от завода. Глаз нельзя было оторвать от раскалённых докрасна свёрл, токарных станков и других сложных установок, названия которых мы не знали.

Когда мы покинули завод, было уже темно. Сквозь стеклянные стены завода вспыхивали целые фонтаны голубых, зелёных и красных искр. Они освещали окрестность, как фейерверки.

— Эх, какая бы вышла из этих искр вкусная еда! — вздохнул пан Клякса.

Инженер Копоть провожал нас до трамвайной

остановки. По дороге он очень много рассказывал о себе. Выяснилось, что в свободное от работы время он выступает канатоходцем в цирке, чтобы не разучиться заплетать ногу за ногу.

Когда тротуар довёз нас до конца, мы увидели на остановке трамвай. Тот самый, который когда-то починил пан Клякса. Трамвай ни за что не хотел без нас ехать и, когда увидел нас, радостно заскрежетал колёсами.

Мы сели в трамвай и поехали, а пан Клякса летел рядом, чтобы в трамвае было свободней.

Долго ещё мы видели стоявшего на остановке инженера Копоть. Он махал на прощанье рукой, пальцы которой были заплетены в косички. В наступивших сумерках, на фоне сияющей луны, его длинная тень вытянулась и доставала почти до самого неба.

Вскоре трамвай свернул на улицу Незабудок, и инженер Копоть исчез из виду. Мы снова переехали через играющий мост, который исполнил «Марш мухоморов».

Пан Клякса, вторя ему, мурлыкал под нос.

Уже стемнело, когда мы приехали на площадь Четырёх Ветров. Пан Клякса достал из жилетного кармана свечные огоньки и каждому дал по огоньку. Вот так мы и добрались домой, в нашу академию.

Там нас ожидала неприятность.

Во все комнаты, залы, коридоры набились мухи.

Проклятые насекомые, воспользовавшись нашим отсутствием, через открытые окна вторглись в помещение, облепили стены, мебель, потолки и, как только мы вошли, с присущим им нахальством набросились на нас. Они лезли в рот, в нос,

в глаза, путались в волосах, кружили чёрной тучей под потолком, метались из угла в угол. Чтобы перейти из одной комнаты в другую, надо было зажмуриться, задержать дыхание и изо всех сил отбиваться руками. Никогда в жизни я не видел такого скопища мух.

Они летели в полном боевом порядке, как настоящие эскадрильи, и жужжали, как настоящие самолёты. Вожаки выделялись большим размером крыльев, воинственностью и отвагой. Их укусы свидетельствовали о том, что мухи решили драться не на жизнь, а на смерть.

В комнату, где я находился, с громким жужжанием ворвалась королева мух, отдала несколько коротких приказаний своим военачальникам, мимолётом укусила меня в нос и умчалась на другой фланг сражения.

Свет лампы не мог пробиться сквозь чёрную, нависшую в воздухе тучу. Мы передвигались ощупью, топча и убивая полчища атакующих нас мух, но их ничуть не убывало.

Не помогло и размахивание полотенцами и платками. Вместо убитых поднимались новые полчища и бросались на нас с ещё большей яростью.

Пан Клякса перелетал из комнаты в комнату, вёл с противником ожесточённую борьбу. Наконец он устал и, глубоко задумавшись, застыл в воздухе, положив ногу на ногу. Мухи тут же облепили его со всех сторон, и он исчез в их окружении.

Это окончательно рассердило пана Кляксу. Он выпорхнул в окно и спустя несколько минут вернулся, неся в руках паука-крестовика. Потом приставил к нему увеличительный насос, и вскоре паук достиг размеров кошки. Тогда пан Клякса поднялся в воздух и посадил паука на потолок. Паук тут же стал плести паутину, и вскоре она разделила комнату надвое. Сотни тысяч мух попали в эту ловко расставленную сеть, но ничто не могло ослабить их воинственный дух. Паук с жадностью набрасывался на мух, попавших в паутину, пожирал их целыми отрядами, высасывал из них кровь, давил своими огромными мохнатыми лапами. Но скоро он насытился, и действие насоса сразу прекратилось. Паук снова стал маленьким, уменьшилась также и его паутина, и мухи в мгновение ока разорвали его в клочки, отомстив за гибель своих боевых товарищей. А королева мух сняла с него крест, как скальп, и унеслась со своим трофеем, издавая победный воинственный клич.

Тогда пан Клякса призвал нас к себе и сказал, что придумал новый вид мухоловок, которые очистят нашу академию от подлых захватчиков.

Он принёс в зал большой таз с водой, тюбик гуммиарабика, мыло и стеклянную трубку. Мы прикрыли его от мух, а пан Клякса тем временем развёл в тазу с водой клей и мыло, взял трубку и стал пускать мыльные пузыри. Один за другим пузыри поднимались в воздух.

Эти мухоловки принесли небывалые результаты.

Мухи, привлечённые радужной оболочкой пузырей, бросались на них и сразу приклеивались. Не в силах оторваться, они вместе с пузырями падали на пол. Пан Клякса работал не покладая рук. Он пускал всё новые и новые пузыри, а мы, вооружившись мётлами, выметали мух из помещения на улицу.

Вскоре все комнаты и коридоры наполнились мыльными пузырями.

Час спустя во всей академии не было уже ни одной мухи, только несколько красивых мыльных пузырей витало в воздухе, над головой.

Мёртвых мух мы сложили во дворе в большие чёрные кучи, а на следующее утро из треста по очистке города приехали три грузовика и вывезли эту мерзость на свалку.

Так окончилась война пана Кляксы с мухами.

Только одно озадачило нас тогда. Когда большая часть мух была уничтожена, в кабинете пана Кляксы мы увидели спящего на диване парикмахера Филиппа. Сначала мы его не заметили — мухи облепили Филиппа с ног до головы, — потом кто-то из ребят увидел его. Мы удивились, как это

он может спать в таких условиях. Парикмахер громко храпел, и этот храп говорил о том, что снится Филиппу не очень-то приятный сон.

Уничтожив мух, пан Клякса разбудил парикмахера, велел нам выйти, а сам заперся с ним в кабинете, и они о чём-то долго разговаривали.

Через некоторое время дверь кабинета с шумом отворилась, оттуда выскочил очень сердитый Филипп и заявил пану Кляксе:

— Можете искать другого парикмахера! Я не стану стричь ни вас, ни ваших ученичков! Хватит с меня обещаний! Я приведу его на этой неделе! Это моё последнее слово! Именно ему и надо учиться в академии, а не этим вашим оболтусам. До свиданья, пан Клякса! — И, не обращая на нас никакого внимания, он ушёл из академии, громко хлопая дверьми.

Вскоре из сада донёсся его зловещий хохот. При свете луны мы увидели, как он выбежал за ворота на улицу.

Ужинали мы очень поздно. Пан Клякса всё время о чём-то думал. Он был так рассеян, что приготовленную для нас цветную капусту выкрасил в чёрный цвет, а по вкусу она напоминала печёные яблоки.

После ужина пан Клякса велел двум Анджеям принести в спальню две кровати и постелить. Он сказал, что со дня на день ожидает новых учеников.

Когда Анджеи исполнили поручение, мы отправились в спальню и вскоре погрузились в глубокий сон.

На этом кончается описание одного дня, проведённого в академии пана Кляксы.

СОН ПРО СЕМЬ СТАКАНОВ

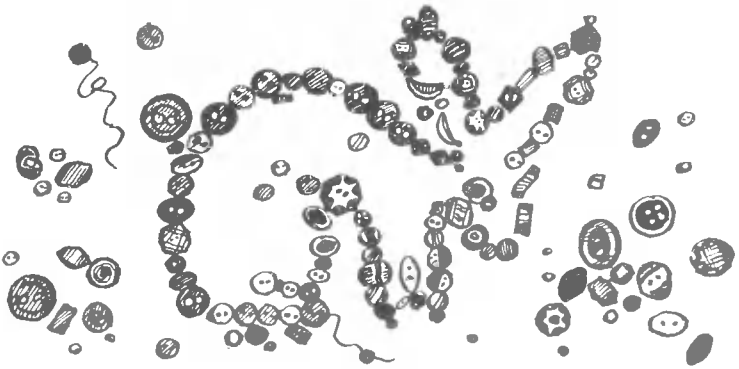
Первого сентября произошли очень важные события. Было воскресенье, и каждый занимался любимым делом. Артур учил своего дрессированного кролика считать, Альфред вырезал дудку, Анастази стрелял из лука по мишени, один из Антониев, сидя на корточках возле муравейника, изучал жизнь муравьёв, Альберт собирал жёлуди и каштаны, а я играл со своими пуговицами и строил из них всякие фигуры.

Пан Клякса был не в духе. После ссоры с Филиппом он вообще сильно изменился. Я не понимал, что может связывать пана Кляксу с Филиппом. Меня удивляло, как это парикмахер, поставщик веснушек, осмелился кричать на пана Кляксу и хлопать дверьми. Что ни говори, а с этого дня всё в академии пошло кувырком. Пан Клякса стал немного ниже ростом, сильно помрачнел и все дни напролёт чинил свой увеличительный насос. Уроки всё чаще вместо него вёл Матеуш. В кухне у пана Кляксы подгорала еда, раскрашивал он её в какие-то безвкусные цвета, а всякий раз, заслышав звонок в ворота, подбегал к окну и нервно теребил бровь.

В тот день, о котором я рассказываю, я составил из пуговиц фигуру зайца. Пан Клякса подошёл ко мне, склонился над зайцем и посыпал его бронзовым порошком. Заяц ожил, вскочил на ноги и юркнул в дверь, утащив все мои пуговицы.

Это позабавило пана Кляксу, он громко рассмеялся, но тут же помрачнел и сказал:

— Что толку знать тайны красок, порошков, стёклышек, если я не в силах справиться с этим



негодным Филиппом! Да, он принесёт мне немало горя и забот!

Меня удивили слова пана Кляксы. Я не знал, что взрослый человек может быть таким беспомощным.

Пан Клякса угадал мою мысль, наклонился и сказал мне на ухо:

— Одному тебе могу довериться, потому что ты мой лучший ученик. Филипп хочет, чтобы я принял в академию двух его сыновей. В противном случае он грозит отнять у нас все веснушки. Он даже придумал своим мальчикам имена на букву «А». Чует моё сердце, это плохо кончится.

Тут пан Клякса вынул из кармана горсть пуговиц, швырнул на пол, так что они сами образовали фигуру зайца, и, прыгая на одной ноге, вышел из комнаты.

Этот разговор меня очень удивил. Я решил разыскать Матеуша и разузнать во всех подробностях, почему пан Клякса боится Филиппа.

По воскресеньям Матеуш обычно улетал в сказку про Соловья и Розу, на урок соловьиного пения. Я пошёл в парк, надеясь встретить Матеуша, когда он будет возвращаться.

Войдя в парк, я услышал странный шум. Листья шуршали, кусты качались, трава колыхалась, словно полчища невидимых существ передвигались по земле, минуя аллеи и тропинки.

Я побежал на шум и очутился у пруда. Только тут я понял, что произошло. Воды в пруде не было. Рыбы в отчаянии бились об илистое дно, а бесчисленное множество лягушек и раков уходило искать себе новое пристанище.

Я двинулся рядом с процессией и увидел впереди большую лягушку с маленькой короной на голове. Это была уже знакомая мне Царевна-лягушка.

— Я узнала тебя, мальчик. Ты недавно был в моей сказке и произвёл на меня хорошее впечатление. Видишь, какое случилось несчастье? Пан Клякса почему-то выкачал всю воду из пруда, оставив его обитателей на произвол судьбы. Я покинула свой подземный дворец, чтобы помочь им. Лягушка, даже если она из другой сказки, скорей поймёт лягушку, нежели пан Клякса.

— А куда ты их ведёшь, Царевна-лягушка? — спросил я, растроганный её словами.

— Сама не знаю, — ответила она. — То ли в сказку про заколдованное озеро, то ли в пруд из сказки про Зелёную русалку.

— Мы хотим в пруд! — загалдели хором лягушки.

Они прыгали так высоко, что это было похоже на лягушиный цирк, если такой бывает.

Раки шли молча, немного поодаль, с трудом двигая клешнями. Их было очень много. Гораздо больше, чем лягушек. Некоторые из них совершенно запарились и стали красными, будто их ошпарили кипятком.

Глаз нельзя было оторвать от этой печальной процессии. Но я вовремя вспомнил про рыб, оставшихся без воды, и, попрощавшись, побежал к ним. Царевна-лягушка окликнула меня жалобным голосом:

— Адась, не уходи, послушай! Помнишь, я дала тебе ключик? Верни мне его. Без него я не попаду ни в одну сказку. Прошу не ради себя, а ради этих несчастных.

— Ключик? — переспросил я. — Ключик? Я с радостью верну его тебе. Он мне совсем не нужен. Только бы вспомнить, куда я его дел. Кажется, он остался у пана Кляксы. Подожди, я сейчас сбегаю.

Я не знал, с чего начать. Мне искренне хотелось помочь лягушкам, но ещё больше меня беспокоили рыбы. Я помчался в академию, по дороге встретил ребят и рассказал им о случившемся. Рыб они взяли на себя.

Пана Кляксу никто из них не видел. Я обежал всю академию, но ни в кабинете, ни в классах, ни в зале, ни на кухне его не было. Тогда я поднялся наверх и заглянул в лечебницу больных вещей.

Пан Клякса был там. Но чем он занимался, вообразить трудно. Крошечный, не больше Мальчика с пальчик, он, уцепившись за маятник ножками и ручками, учил часы ходить. Он раскачивался на маятнике, как на качелях, и без умолку твердил:

— Тик-так, тик-так, тик-так!

В это время раздался бой часов, и пан Клякса стал вторить ему густым басом:

— Бим-бам-бом!

Увидев меня, он спрыгнул с маятника и тут же на моих глазах вырос.

— Вечно вы мне мешаете! — сказал он серди-

тым голосом. — Чего тебе? Не видишь разве — я занят, учу часы разговаривать.

Но тут же взял себя в руки и сказал обычным ласковым голосом:

— Прости, Адась! Не смотри на меня так. Во всём виноват Филипп. Он меня погубит. Я стал уменьшаться. Мне всё трудней сохранять свой рост. А тут ещё одна неприятность. Свечные огоньки загорелись у меня в кармане. Пришлось их заливать водой. Тяжело всё это, ох как тяжело! Прошу, если любишь меня, никому не рассказывай об этом. Ладно? А что привело тебя ко мне?

Я рассказал пану Кляксе о том, что он наделал, выкачав воду из пруда, и попросил вернуть мне ключик.

Мой рассказ очень огорчил пана Кляксу.

— Жаль! Очень жаль! — сказал он, помолчав. — Лягушки не будут больше складывать нам стишки. Но у меня не было другого выхода. Если бы я не погасил огоньки, вся академия сгорела бы дотла. Придётся сделать себе несгораемый карман. Как же быть с рыбами? Ладно, что-нибудь придумаем!.. Да, ты просил вернуть тебе ключик... сейчас... сейчас...

Он стал шарить по карманам.

— Знаешь, — сказал он шёпотом, — у меня ещё одна неприятность. После истории с Филиппом мои карманы стали глубже. Я с трудом достаю дно... Вот, наконец-то ключик нашёлся! На, передай Царевне-лягушке и извинись за меня.

Тут он снова уцепился за маятник и стал раскачиваться, повторяя:

— Тик-так, тик-так, тик-так.

Я вернулся в парк и положил ключ к ногам Царевны-лягушки.

— Я тебе очень признательна, — сказала Царевна-лягушка. — В награду за ключ возьми Лягушонка-Послушонка. В трудную минуту он тебе поможет.

Она сказала несколько слов по-лягушачьи. Из толпы выскочил маленький лягушонок, величиной с муху. Он был ярко-зелёного цвета и блестел, как лакированный.

— Возьми его, — сказала Царевна, — спрячь в волосы и каждый день давай ему по одному рисовому зёрнышку.

Я взял лягушонка, посадил к себе на голову, поблагодарил Царевну и, перепрыгивая через лягушек и раков, побежал к пруду. Там я увидел пана Кляксу, окружённого ребятами. Он выглядел хорошо, но был чуть меньше ростом.

По его указанию ребята принесли несколько больших корзин и сложили туда рыб.

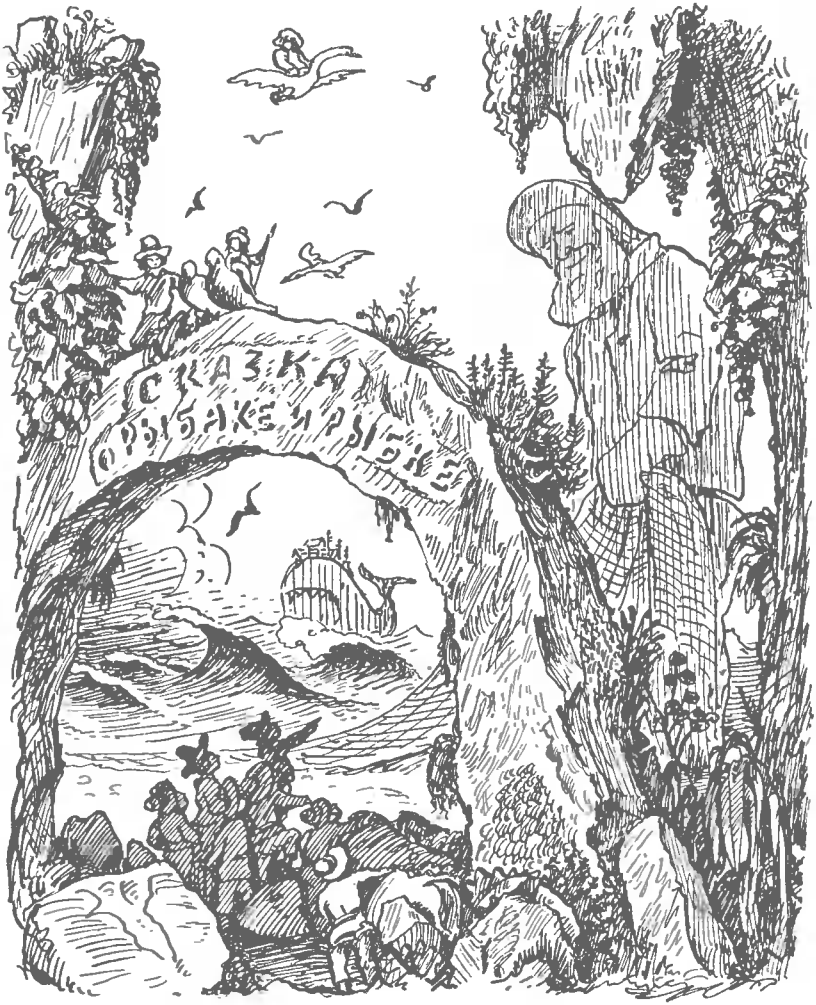
— За мной! — скомандовал пан Клякса.

Сгибаясь под тяжестью корзин, мы прошли по каштановой аллее, пробрались через заросли малины и вышли к ограде. Пан Клякса остановился перед дверцей с надписью «Сказка о рыбаке и рыбке» и открыл замок. Уже издали мы увидели Рыбака, закидывающего в море невод. Рыбак улыбнулся и, не вынимая изо рта глиняной трубки, поздоровался с нами.

Мы бросили рыб в море, а потом по совету Рыбака выкупались. День стоял жаркий, и вода была очень тёплая.

Когда мы вернулись к пруду, лягушек и раков там уже не было. По влажному илу ползали лишь черви да улитки.

Вдруг над нами появился Матеуш. Он был очень взволнован и кричал что есть мочи:



— Душный рик! Душный рик!

Пан Клякса первый догадался, в чём дело, и посмотрел на небо. Потом он тоже закричал:

— Воздушный шарик! Воздушный шарик!

Высоко в небе показалась маленькая точка. Она быстро приближалась, и вскоре мы явственно увидели голубой шарик с привязанной к нему корзиной.

Пан Клякса очень радовался, потирал от удовольствия руки и всё время повторял:

— Мой глаз летит с Луны!

Когда шарик опустился, пан Клякса отклеил пластырь и вставил глаз на место.

— Нет! Это что-то невероятное! — воскликнул он, захлёбываясь от восторга. — Такого ещё никто не видывал! Ну и ну! Ну и чудеса! Жизнь на Луне занимательней любой сказки.

Мы с завистью смотрели на пана Кляксу, а он упивался картинами, которые запечатлел его глаз, побывавший на Луне.

Наконец пан Клякса овладел собой и сказал:

— Сказка про лунных жителей затмит все сказки на свете! Дайте только время.

— А может быть, вы её сейчас расскажете, пан профессор? — предложил Анастази.

— Всему своя пора! — ответил пан Клякса. — В особенности сказкам. А теперь пойдём обедать. После обеда я прочитаю вам сон, который приснился Адасю Несогласке.

Услышав это, ребята очень обрадовались.

Мы наскоро пообедали и собрались в школьном зале.

Пан Клякса сел за кафедру, раскрыл толстую книгу, содержащую описание лучших снов, и начал читать:

— Сон про семь стаканов.

Мне снилось, что я проснулся.

Пан Клякса превратил все стулья, столы, табуретки, кровати, вешалки, шкафы, полки и другие вещи в мальчиков, так что всех вместе нас было больше ста учеников.

— Сегодня мы поедем в Китай, — сообщил нам пан Клякса.

Я выглянул в окно. Во дворе стоял маленький поезд, составленный из спичечных коробков, а паровозом служил голубой эмалированный чайник. Он был на колёсах, и из него валил пар.

Мы сели в вагоны, и, как ни странно, все уместились.

Пан Клякса сел верхом на чайник, и поезд загудел к отправлению. Вдруг в небе появилась огромная туча. Поднялся страшный ветер. Он перевернул все вагоны, то есть спичечные коробки. Надвигалась гроза.

Тогда я побежал на кухню, достал из буфета семь стаканов, поставил на поднос, вытащил из сарая лестницу и принёс всё это во двор.

Пар, валивший из чайника, соединялся с тучей, она угрожающе росла, и пан Клякса тщетно пытался заткнуть пальцем носик чайника.

— Адась, спаси мой поезд! — воскликнул пан Клякса, подпрыгивая вместе с крышкой чайника.

Я приставил лестницу к стене и, держа в левой руке поднос со стаканами, поднялся на самый верх.

Когда я достиг последней перекладины, лестница вдруг вытянулась и оперлась на тучу, так что я легко мог достать до неё рукой.

Я взял ложку, которую тоже захватил на кухне, и стал разрыхлять тучу.

Сначала я собрал в первый стакан дождь, потом соскоблил снег и насыпал во второй стакан.

В третий стакан я собрал град, в четвёртый — гром, в пятый — молнию, в шестой — ветер.

Таким образом, я собрал в стаканы всю тучу, снял её с неба, как снимают пенку с молока, и небо сразу прояснилось.

Я не понимал только, зачем мне седьмой стакан.

Когда я спустился вниз, поезда на месте не оказалось. Мальчики превратились в серебряные вилки и лежали рядком на земле.

Только пан Клякса по-прежнему сидел верхом на чайнике, пытаясь заткнуть его носик.

Я поставил поднос на землю и накрыл платком, как делают фокусники в цирке.

— Что ты наделал! — закричал пан Клякса.— Ты похитил тучу. Теперь никогда не будет ни дождя, ни снега, ни даже ветра. Мы погибнем от зноя.

Я взглянул на небо. На нём не было ни облачка. И вдруг я понял, что это не небо, а голубой эмалированный чайник, точно такой же, на каком сидит пан Клякса, только гораздо больше. Из чайника на землю струились лучи солнца, вернее золотой кипяток. Жара становилась невыносимой.

Пан Клякса не выдержал и стал быстро раздеваться, но на нём было столько сюртуков, что раздеванию, казалось, не будет конца. Вдруг я заметил, что из волос пана Кляксы повалил дым. Я испугался, что пан Клякса сгорит, и, схватив с подноса стакан с дождём, вылил пану Кляксе на голову. Хлынул проливной дождь. Он шёл снизу вверх, как бьющий из земли фонтан.

— Снега! — кричал пан Клякса. — Снега, а то сгорю!

Я схватил второй стакан, зачерпнул ложкой снег и стал обкладывать голову пана Кляксы.

Неожиданно снег стал разлетаться по парку. Из-под снега выскочили серебряные вилки и, бегая как сумасшедшие, стали играть в снежки. Я узнавал в них поочерёдно то Артура, то Альфреда, то Анастази, то ещё кого-нибудь из ребят.

Вилки подняли такую метель, что ничего не было видно. Тогда я решил сдуть снег ветром. Я взял третий стакан и выплеснул оттуда ветер.

Трудно передать, что это был за ветер. Он дул одновременно со всех сторон и сметал всё, что попадалось на пути. Он развеял снег и поднял вилки так высоко, что они повисли в небе, как звёзды. Стало очень холодно. Я взглянул на пана Кляксу и в первую секунду даже не узнал его. Он превратился в снежную бабу и весело распевал:

Едет, едет Дед-Мороз,
Тянет снега целый воз.

Я решил, что пан Клякса отморозил себе ум, и дал ему подержать чайник, как грелку.

Снег растаял, стало тепло, и пан Клякса расцвёл.

Сначала у него появились почки, потом листья, а потом он весь с головы до ног покрылся цветами. Он срывал их с себя, громко чавкая, ел и во всё горло распевал:

Вот когда я съем всё это,
Превратится осень в лето.

Но хорошего настроения хватило ненадолго. Пчёлы, привлечённые цветами, окружили пана Кляксу со всех сторон, а одна даже ужалила его. Пан Клякса ахал и охал, а из глаз у него текли густые капли мёда.

Недолго думая я схватил четвёртый стакан, с градом. Град был похож на крупную дробь.

Я высыпал град на ладонь и стал натирать им лицо пана Кляксы. Ему сразу полегчало.

В это время эмалированный чайник в небе повернулся закопчённым дном книзу. Наступила темнота. Только серебряные вилки ярко мерцали.

Тогда я вынул из пятого стакана молнию, выпрямил её, как свечку, и воткнул в землю.

Молния давала столько света, что было видно, как днём.

— Я хочу есть! — вдруг капризно произнёс пан Клякса.

У меня ничего не было, кроме стакана с громом.

— Отлично! — воскликнул пан Клякса. — Нет ничего вкуснее грома! Подай-ка сюда!

Я достал гром и подал пану Кляксе. Это был большой красный шар, похожий на гранат.

Пан Клякса достал из кармана перочинный ножик, снял с грома кожуру, разделил на дольки и, причмокивая языком, съел.

Вдруг раздался страшный грохот. Пан Клякса взорвался и разлетелся на мелкие кусочки. Каждый из них превратился в самостоятельного пана Кляксу. Они очень весело приплясывали на траве и смеялись тоненькими голосами.

Я взял одного из них, положил в седьмой стакан и отнёс в академию.

Вдруг, откуда ни возьмись, с громкими воплями в форточку влетели серебряные вилки и стали отнимать у меня пана Кляксу.

Я изловчился, поставил стакан в буфет и захлопнул дверцу.

Тут я и проснулся.

Перед собой я увидел настоящего, живого пана Кляксу. Он рассматривал моё сонное зеркальце и, теребя бровь, приговаривал:

— Сон про семь стаканов. . . любопытно. . . сон про семь стаканов. . . ну и ну! . .

АНАТОЛЬ И АЛОЙЗИ

Весь сентябрь шли проливные дожди. Кончились игры на площадке в парке, мы не выходили из дому. Пан Клякса был угрюм и неразговорчив. Одним словом, в академии стало очень скучно.

Однажды вечером пан Клякса заявил, что не может жить без бабочек и цветов и поэтому будет раньше ложиться спать.

Мы с ним попрощались и тоже отправились в спальню.

— Мне скучно, — вздохнул один из Александров.

— Мне кажется, — сказал вдруг Артур, — что у пана Кляксы случилось несчастье. Вы заметили, что он стал ниже ростом?

— Да, да! — подтвердил один из Антониев. — Пан Клякса уменьшился.

— А может, у него испортился увеличительный насос? — высказал предположение Анастази.

Я не принимал участия в разговоре. Мне очень хотелось спать. Я лёг в постель и тут же уснул.

Мне приснилось, что я молоток и пан Клякса разбивает мною пуговицы. Стук молотка раздавался по всей академии. Я проснулся, но удары

молотка по-прежнему отдавались у меня в ушах. Я прислушался и понял, что стучат в ворота.

Тогда я разбудил Анастази, и мы, накинув плащи, выбежали во двор. За воротами мы увидели парикмахера Филиппа с двумя незнакомыми мальчиками. Все трое до нитки промокли. Анастази открыл ворота и впустил ночных посетителей.

— Знакомьтесь! Новые ученики пана Кляксы! — сказал Филипп и расхохотался. — Будущая гордость знаменитой академии, ха-ха! Одного зовут Анатоль, другого Алойзи. Оба на «А», ха-ха! Анатоль, поздоровайся, покажи, что ты воспитанный мальчик!

Один из мальчиков кивнул нам головой и сказал:

— Я Анатоль Кукареку. А это мой младший брат Алойзи. — Он указал на другого мальчика, которого они с Филиппом вели под руки.

— Мы очень рады познакомиться, — вежливо сказал Анастази. — Но зачем стоять под дождём? Входите, пожалуйста.

Мы оставили мокрые плащи в прихожей и отвели гостей в столовую. Видно, они очень устали, потому что Алойзи сразу уснул, качаясь на стуле, как китайский болванчик.

Филипп сказал, что хотел привести ребят вечером, но долго плутал и только в полночь разыскал Шоколадную улицу.

— Вы, наверно, проголодались? — сказал я. — Я пойду разбужу пана Кляксу и скажу о вашем прибытии.

— Да, да, обязательно разбуди пана Кляксу! — воскликнул Филипп и снова расхохотался. — У меня припасены для него свеженькие веснушки,

ха-ха! Вы ведь хотите увидеть пана Кляксу, ха-ха! А, Анатоль?

— Это для нас большая честь, — вежливо ответил мальчик.

Я поднялся наверх и постучал в спальню пана Кляксы. Никто не отозвался. Я постучал сильнее. Снова молчание. Тогда я постучал третий раз. Пан Клякса продолжал спать или просто не хотел отзываться. Я подёргал дверь. Она была заперта. Я постучал что есть силы в надежде, что разбужу Матеуша. Но мне никто не отвечал.

Тогда я решил пойти на кухню и сам приготовить гостям ужин. Я достал из кладовки крынку молока, хлеб, масло, кусок сыра и жареную курицу, поставил всё на поднос и открыл буфет, чтобы достать приборы. Вдруг я заметил в одном стакане что-то серое. Я подумал, что это мышь, и, накрыв стакан ладонью, поднёс к свету. То, что я увидел, привело меня в неописуемый ужас. В стакане сидел пан Клякса, крохотный пан Клякса. Я ясно увидел его лицо, его странный костюм, даже веснушки на носу. Он сидел в стакане как ни в чём не бывало и спал.

Осторожно двумя пальцами я вынул его оттуда и положил на тарелку. Прикосновение к холодному фарфору разбудило его. Он вскочил на ноги, огляделся по сторонам, достал насос, приставил к уху и тут же стал увеличиваться. Потом спрыгнул с тарелки на стул, со стула на пол и превратился в пана Кляксу нормальных размеров.

Я стоял ошеломленный, не зная, что делать.

Пан Клякса посмотрел на меня с досадой и сердито проговорил:

— Это сон! Понимаешь? Дурацкий сон! Совершенный бред! Я запрещаю тебе об этом рассказывать! Пан Клякса тебе запрещает! Понятно? И чтоб больше такие сны не повторялись!

Я попросил прощения у пана Кляксы — что мне оставалось делать? — потом рассказал ему о прибытии Филиппа с мальчиками.

— Управитесь и без меня, — сказал пан Клякса. — Накорми их и уложи спать, а утром я с ними поговорю. Филиппу можешь постелить в моём кабинете, на диване. Спокойной ночи! — И он вышел, хлопнув дверью.

Я выбежал следом и видел, как он въезжал по перилам наверх.

«Ну и дела творятся в академии!» — подумал я, возвращаясь на кухню. Я взял поднос с едой и отнёс в столовую.

Алойзи продолжал спать. Филипп и Анатоль принялись есть, не обращая на него никакого внимания.

— Не разбудить ли вашего брата? — спросил Анастази Анатоля. — Он ведь тоже, наверно, голоден.

— Нет, нет, не надо, — ответил Анатоль. — Сон вполне заменит ему еду. Алойзи терпеть не может, когда его будят.

— Вот увидите, ребята, этот спящий царевич станет гордостью вашей академии! — хихикнул Филипп, уплетая курицу.

После ужина Анастази проводил Филиппа в кабинет, а я отправился в спальню приготовить постель мальчикам.

Только я кончил стелить, как в дверях показа-

лись Анастази и Анатоль. Анатоль нёс на руках спящего братишку.

— Он не любит, чтобы его будили, — снова сказал Анатоль. — Не надо его раздевать, пусть спит одетый.

Мы осторожно уложили Алойзи в кровать, потом сами разделись и крепко уснули.

Проснулся я довольно рано, толкнул спящего рядом Альфреда и рассказал о прибытии новых учеников. Альфред разбудил Артура, Артур — Александра, и через несколько минут спальня гудела, словно пчелиный улей.

Когда Матеуш пришёл нас будить, мы все уже были на ногах.

Ребята с любопытством разглядывали новеньких. Анатоль проснулся от нашего шума, а его братишка Алойзи продолжал спать.

Вдруг дверь отворилась, и вошёл пан Клякса.

— Доброе утро, мальчики! — сказал он весело. — Ну-ка, где тут новенькие?

— Я здесь, пан профессор. Меня зовут Анатоль Кукареку, а это мой младший брат.

Пан Клякса молча взглянул на Анатоля и подошёл к Алойзи.

Он немного постоял над ним, о чём-то размышляя, потом наклонился и крикнул Алойзи на ухо:

— Тебя зовут Алойзи, да?

Алойзи даже не дрогнул.

— Ты слышишь меня, Алойзи? — повторил пан Клякса.

Алойзи лежал не шевелясь.

Пан Клякса приподнял ему веки, посмотрел в глаза, стал тереть ему щёки, лоб, хлопать по рукам.

Алойзи не просыпался.

— Так, так! — пробормотал про себя пан Клякса. — Оказывается, Алойзи не человек, а кукла. Я всегда был против приёма кукол в мою академию. Но теперь уже поздно. Алойзи был приведён ночью, обманным путём. Да, с ним придётся повозиться. Его придётся научить думать, чувствовать, говорить. Что ж, попробуем. Адась, возьми в помощь Альфреда, двух Антониев и перенесите Алойзи в лечебницу больных вещей. Сегодня уроков не будет. Я занят. Если нет дождя, пойдите с Матеушем в парк.

Он повернулся и вышел из комнаты.

Мы решили тут же перенести Алойзи. Ничья помощь мне не понадобилась: Алойзи был легче пушинки. Когда я взял его на руки, меня окружили ребята и стали его разглядывать. Если бы не эта лёгкость и неподвижность, Алойзи ничем не отличался бы от живых людей. Голова, волосы, лицо, губы, глаза, лоб, нос, подбородок, руки и даже ногти на пальцах — всё было как настоящее. С первого взгляда невозможно было догадаться, что Алойзи кукла.

Его лицо и руки были сделаны из тёплой эластичной массы, похожей на человеческое тело.

Изобретатель этой необыкновенной человекоподобной куклы был достоин всяческого восхищения.

Мы были в восторге. Нам было интересно, сумеет ли пан Клякса оживить Алойзи и подружимся ли мы с куклой, когда она оживёт.

Молчавший до этого Анатоль включился в разговор и очень толково стал объяснять устройство куклы, которую он любил, как брата. Воспользовавшись этим, я потихоньку отнёс Алойзи наверх,

в лечебницу больных вещей. Пан Клякса давно с нетерпением меня ждал.

— Положи его на стол, — сказал он, когда я вошёл. — Надо немедленно взяться за работу.

— А можно мне остаться? — спросил я робко.

— Даже нужно!— ответил пан Клякса.— Мне понадобится твоя помощь.

Так как мы не завтракали, пан Клякса сначала угостил меня таблетками для ращения волос, после чего велел мне раздеть Алойзи.

Оказалось, что всё тело куклы покрыто тонким слоем розоватого металла.

Пан Клякса достал из кармана банку с мазью и сказал:

— Натирай Алойзи до тех пор, пока под металлической кожей не проступят кровеносные сосуды. Вооружись терпением, работать придётся долго. Начни с ног, а я пока займусь лёгкими и сердцем.

Мы работали несколько часов подряд. Пан Клякса снял пластинку, прикрывавшую грудную клетку, и долго копался в механизме.

У меня от натирания совсем онемели руки, но я добился своего. Под металлической кожей мало-помалу выступили жилки и кровеносные сосуды.

— Довольно, — сказал пан Клякса, не глядя в мою сторону. — Теперь займись руками.

Я стал натирать мазью плечи и руки Алойзи. Кончил я работу одновременно со звонком на обед.

Пан Клякса, раскрасневшийся от удовольствия, распрямил плечи, привинтил обратно пластинку и сказал восторженно:

— Красота! Блеск! Иди обедать, а я ему, голубчику, пока мозги вправлю.

Я нехотя покинул лечебницу и отправился в столовую. Первым подбежал ко мне Анатоль, за ним все остальные ребята. Они забросали меня вопросами:

— Алойзи уже ходит?

— Он говорит?

— Что делает пан Клякса?

— Когда он спустится вниз?

— А что у Алойзи в голове?

— Он научился думать?

Я рассказал по порядку всё, что видел, и принялся за еду, чтобы поскорей вернуться назад в лечебницу.

Когда я доедал третье, в коридоре послышались шаги. Двадцать пар глаз устремились на дверь.

Она тихо отворилась, и перед нами предстал Алойзи, поддерживаемый паном Кляксой.

Робко и неумело перебирая ногами, он шёл прямо к нам, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону и неестественно размахивая левой рукой.

— Вот он! — воскликнул торжествующе пан Клякса. — Познакомьтесь с новым товарищем.

— Добрый день, Алойзи, — произнёс Анатоль, с восхищением глядя на куклу.

— Здравствуй, — ответил Алойзи, отчеканивая каждый слог.

— Скажи, как тебя зовут! — крикнул ему на ухо пан Клякса.

— А-лой-зи Ку-ку-ку-ку. . . — закуковал он вдруг, повторяя первый слог своей фамилии.

Пан Клякса открыл ему рот, завинтил какой-то винтик под языком.

— Ну-ка, ещё разок попробуй.

Кукла облегчённо вздохнула и ответила более плавно:

— Алойзи Ку-ка-ре-ку. Меня зовут Алойзи Кукареку.

— Прекрасно! — захлопал в ладоши пан Клякса. — Изумительно! А теперь садись за стол. Мальчики, дайте ему что-нибудь поесть.

Алойзи таким же медленным, осторожным шагом приблизился к столу, уселся на стул и сказал глухим голосом:

— Дай-те мне есть.

Один из Антониев подал ему тарелку с макаронами и вилку.

Алойзи зажал вилку в кулак и стал есть. Ел он очень неуклюже, макароны падали на пол, вываливались изо рта. Но те, что попадали в рот, он с удовольствием жевал и проглатывал.

— Вкусно! — сказал он, когда тарелка опустела.

Он очень быстро научился есть, ходить, разговаривать.

Через час он уже составлял сложные предложения. А вечером завёл с паном Кляксой долгий разговор про академию.

На другой день мы повели его гулять в парк. Ходил он уже как все и даже попробовал бежать с Анатолем наперегонки, но зацепился ногой за ногу и упал.

Он научился есть ножом и вилкой, а на третий день сам умылся, причесался и оделся.

Через неделю никому бы в голову не пришло, что Алойзи обыкновенная кукла, оживлённая паном Кляксой.

СКАЗКА ПРО ЛУННЫХ ЖИТЕЛЕЙ

Когда мы утром, как обычно, принесли пану Кляксе наши сонные зеркальца, он торжественно объявил:

— Слушайте, мальчики! Завтра ровно в одиннадцать часов утра у нас начнётся большой праздник. Вы, наверно, догадываетесь, в чём дело. Я расскажу о том, что мой правый глаз видел на Луне, то есть сказку про лунных жителей. Я пригласил на праздник все соседние сказки и втрое увеличил школьный зал, чтобы всем хватило места. На сегодня назначаю уборку. Вы должны быть причёсанными, нарядными и красивыми. В академии должен быть образцовый порядок. За указаниями обращайтесь к Матеушу. Я буду готовить угощение. Прошу мне не мешать. Надеюсь, я могу на вас рассчитывать?

— Можете, пан профессор! — ответили мы хором.

И тут же взялись за работу.

Одни выколачивали кресла и диваны, другие вытряхивали ковры и дорожки, третьи натирали мастикой пол и чистили обувь, четвёртые мылись. Словом, работа кипела вовсю.

Матеуш всё время кружил над нами, заглядывал во все щели, поторапливал нас, следил, чтобы мы всё выполняли добросовестно.

Работа шла полным ходом, и, казалось, ничто не могло ей помешать.

Но вышло иначе.

На чистом, недавно натёртом полу в кабинете пана Кляксы невесть откуда появилась черниль-

ная лужа. Из подушек, проветривавшихся во дворе, вырвался пух и облепил все ковры, диваны, кресла, одежду, так что всё пришлось чистить заново. Казалось, чья-то невидимая рука разрезала подушки ножом. Но это ещё не всё. Постели, занавески, бельё в спальне были перепачканы сажей. Один из Адамов, присев на диван, разорвал штаны, потому что под обивкой дивана торчали острые гвозди.

Стулья были вымазаны клеем. В ванной кто-то пооткрывал краны, и вода залила не только ванную, но и кухню, так что пану Кляксе пришлось надеть глубокие галоши.

Мы никак не могли понять, чьих это рук дело. Было обидно, что вся работа идёт насмарку, и мы подозрительно косились друг на друга.

После обеда всё выяснилось.

Поднимаясь на второй этаж, Артур увидел в приоткрытую дверь, что Алойзи перерезает ножницами электропроводку. Артур тотчас позвал меня. Увидев нас, Алойзи глупо рассмеялся, но продолжал своё гадкое занятие.

Я вырвал у него из рук ножницы. Это его так взбесило, что он пнул ногой столик и перевернул его вместе со всем, что на нём стояло.

— Алойзи, опомнись! — сказал Артур.

— Не хочу опомниться!— закричал Алойзи.— Я буду всё ломать, мне так нравится. Это я вылил чернила, я распорол подушки, я напустил сажи. Ну, что вы мне сделаете? Ничего! Только попробуйте мне мешать, я сожгу тогда всю вашу казарму, вот!

Мы испугались и побежали на кухню жаловаться пану Кляксе.

От неожиданности он выронил из рук торт.

— Я знал, что Алойзи что-нибудь натворит, — грустно сказал он. — Скверно. Но оставьте его в покое, мальчики, тут виноват механизм. Алойзи нарочно сделали таким. Это дело рук Филиппа. И тут я бессилен. Понимаете? Бес-си-лен!

Наступило длительное молчание, после чего пан Клякса продолжал:

— Механизм Алойзи для меня загадка. Это секрет Филиппа. Мы должны быть снисходительны и терпеливы. Ведь, по сути дела, он вас всех превзошёл в науках. Это просто чудо! Он выучился уже всему. Он даже умеет говорить по-китайски. Я подозреваю, что он съел мой китайский словарь. Нигде не могу его найти... Идите работать. Я думаю, Алойзи сам образумится, если увидит, что на него не обращают внимания.

Мы ушли из кухни очень огорчённые. Анатоль был славным мальчиком и хорошим товарищем, а Алойзи был прямо-таки невыносим. Он издевался над нами, дерзил пану Кляксе, не давал нам спать ночью, вырывал у Матеуша перья из хвоста. Сначала мы старались не обращать на него внимания, но вскоре стали избегать его, так что свободное время он проводил в одиночестве или в обществе Анатоля, которого всегда мучил, бил, щипал.

Алойзи был отвратительным существом, хотя ему нельзя было отказать в способностях.

Надо было на время отвлечь его. Я решил пожертвовать собой для пользы дела и позвал его в парк ловить щеглов.

Алойзи согласился. Мы сорвали несколько стебельков чертополоха для приманки, поставили силки, а сами залегли в кустах.

— Скучно в академии, — разоткровенничался Алойзи. — Дураки вы, что терпите своего пана

Кляксу. При первой же возможности я сбегу. Это решено.

Я ничего не ответил, а он продолжал свои признания:

— И зачем пан Клякса научил меня думать? Можно было обойтись без этого. Я знаю, я не похож на вас, хотя на вид ничем не отличаюсь. За это я вас и ненавижу, особенно пана Кляксу. Я ещё такого натворю, вот увидишь! Вы меня долго помнить будете!

Он расходился, потом устал, сник, положил голову на руки и неожиданно заснул.

Я потихоньку встал, выпустил попавшего в силки щегла и на цыпочках побежал в академию.

Ребята уже кончали уборку. Комнаты и залы сверкали чистотой так, что приятно было смотреть.

Мы рано поужинали и пошли спать.

Алойзи с нами не было, и никто о нём не вспомнил. Наверно, он решил провести ночь в парке. Я этому ничуть не удивился: ведь его тело не чувствовало холода.

На следующий день мы принарядились в ожидании гостей. Пан Клякса вместо обычного сюртука надел коричневый фрак с зелёными отворотами и молча расхаживал по академии. Он был чуть ниже, чем накануне, но в новом наряде это было почти незаметно.

В десять часов стали съезжаться гости. Весь двор наполнился разными диковинными существами, каких теперь можно увидеть только в кино или в театре.

Была поздняя осень, но в саду пригревало солнце. Клумбы и оранжереи неожиданно расцвели.

К крыльцу подъезжали повозки, золочёные кареты, в воздухе парили ковры-самолёты, летающие сундучки. Королевы и принцессы шли в сопровождении придворных и пажей. Все аллеи парка заполонили гномы и карлики; их было не меньше, чем лягушек в тот день, когда пан Клякса осушил пруд. Прибывали персонажи самых известных сказок: Кот в сапогах, Курочка ряба, Глупый медвежонок, Серенький козлик, Гуси-лебеди, Хитрая лиса, Журавль и Цапля, Кузнечик и Муравей. Русалка приехала в стеклянной карете-аквариуме, наполненном водой, а вокруг неё плескались Золотые рыбки.

Со всеми гостями пан Клякса был лично знаком. Даже самые знатные принцы почитали за честь приглашение пана Кляксы. Какое счастье, думал я, быть учеником такого знаменитого человека!

Школьный зал, после того как пан Клякса его расширил, стал таким просторным, что, если бы даже гостей было втрое, а то и вчетверо больше, всем хватило бы места.

Нам было поручено ухаживать за гостями. Мы разносили на подносах и в вазах угощение, приготовленное паном Кляксой. Тут были торты, печенье, шоколад, цветы, цукаты, орехи, пряники, мороженое, варенье, виноград, специальные блюда, приготовленные для гостей из восточных сказок, и даже компот из цветных стёклышек, бабочек и герани.

Гурманов и тонких знатоков мы угощали таблетками для ращения волос, сонными пилюлями и зелёной настойкой.

Лягушонок-Послушонок, сидя у меня за ухом, подсказывал, кого чем угощать.

Когда все гости собрались и заняли места, мы выстроились у стены. Ровно в одиннадцать часов пан Клякса взошёл на кафедру. В коричневом фраке, с Матеушем на плече, с развевающимися волосами и множеством новых веснушек на лице он был прекрасен.

В зале наступила тишина.

Пан Клякса откашлялся и начал:

— За долиной, за рекой, между небом и землёй, на Луну ведёт тропинка, а тропинка — невидимка. С каждым шагом тропка круче, то бежит она по туче, то под радугой-дугой, то по глади голубой. И примерно через месяц всех приводит нас на Месяц. Правый глаз мой там бывал, очень многое видал, и о том, что видел глаз, поведу, друзья, рассказ...

Поверхность Луны покрыта горами из меди, серебра и железа. Горы пересечены внутри длинными извилистыми коридорами, ведущими в пещеры.

А в пещерах живут обитатели Луны, называемые луннами.

На поверхности Луны царит страшный холод, поэтому лунны никогда не покидают своих пещер. По узким коридорам лунны спускаются в глубь планеты и долбят металлический грунт. Они упорны и трудолюбивы, как муравьи.

Растительности на Луне нет, и нет никаких других существ, кроме луннов.

Тело у луннов состоит из мутной жидкости облачного цвета, покрытой тонкой эластичной кожицей, напоминающей желатин. Лунны могут придавать своему телу любые формы.

У каждого лунна есть стеклянный сосуд, в котором он проводит всё своё свободное время. Каж-

дый сосуд имеет особую форму, благодаря этому лунны отличаются друг от друга.

Жилища луннов обставлены необычными предметами из меди и железа. Тут круги, квадраты, кубы, тарелки, миски, установленные на треногах или развешанные по стенам.

Огнём лунны не пользуются. Они сами излучают свет. Питаются они зелёными шариками, вырабатываемыми из меди, а переговариваются при помощи звуков, похожих на звон серебряного колокольчика.

Лунны не ходят, как мы, а плавают, как облака. Для работы они используют не инструменты, а лучи, исходящие из них самих.

В южном полушарии Луны, в Большой Серебряной Горе, живёт грозный и могущественный повелитель луннов, король Неслух. Это единственный лунн, тело которого имеет определённую форму, и поэтому он не пользуется стеклянным сосудом. Король Неслух очень похож на человека. У него есть руки, ноги, но пока ещё нет лица. Его голова представляет собой большой гладкий шар.

У короля Неслуха есть длинный узкий меч. Этим мечом он пронзает провинившихся подданных.

Однажды король Неслух нарушил обычай своего народа и вышел на поверхность Серебряной Горы. Тогда-то и случилось событие, которое никто не в силах был предвидеть. . . — Тут пан Кляксa вдруг прервал рассказ и насторожился.

Тревога пана Кляксы мгновенно передалась всем остальным. Из парка донёсся крик, треск ветвей, звон разбиваемого стекла. Там творилось что-то неладное.

Шум быстро приближался. Вдруг двери с треском распахнулись, и на пороге возник Алойзи.

Растрёпанный, грязный, он в ярости размахивал толстой суковатой палкой.

Лицо его перекосилось от бешенства.

— Так вот вы где, пан Клякса! — закричал он таким голосом, что у меня мурашки по коже забегали. — Пируете без меня? А?! Меня, значит, отправили щеглов кормить, а сами сказочки рассказываете? Чтоб духу вашего тут не было!.. — При этом он замахнулся палкой на гостей.

Пан Клякса нервно теребил бровь.

Не удерживаемый никем, Алойзи подскочил к пиршественному столу и что есть силы ударил по нему палкой. Раздался треск. Осколки стекла, фарфора, фаянса вместе с вареньем и кремом брызнули прямо в лицо сидящим поблизости гостям.

Анатоль пытался удержать Алойзи, но одним ударом кулака был опрокинут на пол.

В зале поднялся страшный переполох.

Одна королева и две юные принцессы упали в обморок, остальные гости вскочили с мест и бросились кто в дверь, кто в окно.

Пан Клякса с ужасом глядел на Алойзи, он не мог выговорить ни слова и только стал чуточку ниже ростом.

— Эй вы, господа и дамы! — не унимался Алойзи. — Пошевеливайтесь! Ах ты, Гадкий утёнок, ну-ка улепётывай, пока цел! А тебе, Муравей-музыкант, особое приглашение нужно, что ли? Ну, живо! Теперь я командую! Ха-ха-ха!

Вдруг из толпы взволнованных гостей вышла высокая красивая дама с гордой осанкой. Она приблизилась к Алойзи и сказала грозно:

— Я Повелительница кукол! Приказываю тебе убраться отсюда!

Но Алойзи ведь не был обычной куклой, и Повелительница кукол не имела над ним власти. Он рассмеялся прямо ей в лицо, повернулся спиной и, расталкивая гостей, закричал:

— Это ещё не всё, пан Клякса! Я всю академию в щепки разнесу! Соображаете? В щепки!

Альфред был не в силах вынести эту сцену и расплакался.

Ребята стояли, как громом поражённые, во все глаза глядя на пана Кляксу. Я дрожал от обиды и негодования.

Зал постепенно опустел.

Со двора доносился грохот отъезжающих экипажей. Упавшую в обморок королеву пажи вынесли на руках.

Мы остались одни с паном Кляксой. Он стоял всё так же, не меняя позы, и глядел в одну точку.

Зал снова уменьшился и стал таким, как прежде. Небо заволокло тучами, пошёл мелкий осенний дождь.

Алойзи с нескрываемым торжеством развалился в кресле напротив пана Кляксы и вызывающе засвистел.

Наконец пан Клякса очнулся, оглядел пустой зал, посмотрел на нас, всё ещё неподвижно стоявших у стены, потом на Алойзи и сказал как ни в чём не бывало:

— Жаль, мальчики, что я не докончил сказку про лунных жителей. Придётся отложить её до следующей книжки. Жаль. Кажется, пора обедать. Правда, Матеуш?

— Авда, авда! — воскликнул Матеуш и полетел в столовую.

Пан Клякса прошёл мимо Алойзи, не обращая на него внимания, поднялся в воздух и улетел вслед за Матеушем, придерживая руками развевающиеся полы коричневого фрака.

Вот какой это был благородный человек.

ТАЙНЫ ПАНА КЛЯКСЫ

Когда полгода назад я начал вести дневник, мне и в голову не приходило, что он займёт столько места и что я расскажу о стольких удивительных событиях.

Особенно много происшествий было в последние дни. Мне даже трудно упорядочить их в памяти.

Самое главное то, что с паном Кляксой творилось что-то неладное.

У него испортился увеличительный насос. Это отразилось на росте пана Кляксы: с каждым днём он уменьшался. Оттого он становился всё мрачнее и рассеянней, задумывался в самое неподходящее время. Однажды он задумался, въезжая наверх, и несколько часов подряд просидел верхом на перилах между двумя этажами. В другой раз, летая над столом с лейкой в руках, он погрузился в глубокое раздумье, свалился в тарелку с бараниной и, не заметив этого, пролежал там почти до самого вечера.

И всё-таки главным было то, что рост пана Кляксы шёл на убыль. Даже самый маленький из нас, Альфред, был выше его на целую голову.

— Вот увидите, пройдёт месяц, и пана Кляксы совсем не станет! — издевался Алойзи.

Последнее время Алойзи творил в академии нечто невообразимое. После скандала со сказками он совсем распоясался. Никто не был в силах с ним справиться, а пан Клякса смотрел на всё сквозь пальцы.

Алойзи вставал когда хотел, прогуливал уроки, рисовал пана Кляксу в карикатурном виде на сонных зеркальцах, без разрешения приходил на кухню, бросал в кастрюли лягушек и тараканов, прокалывал воздушные шары и ко всем приставал. Мы ненавидели его и отдыхали только тогда, когда он спал или уходил из дому.

Пан Клякса всё позволял ему, словно чего-то боялся. И, по мере того как росло нахальство Алойзи, слабели воля и сила пана Кляксы. Он всё реже появлялся на кухне, забывал готовить обеды, не заботился о веснушках и даже перестал принимать таблетки для ращения волос, так что вскоре облысел.

Перемена произошла не только с паном Кляксой, но и со всей академией. Потолки опустились, мебель стала невзрачной, кровати — короче. Парк, напоминавший когда-то джунгли, заметно поредел. Могучие дубы и вязы превратились в мелкие, хилые деревца.

Перемена эта произошла, разумеется, не сразу, а постепенно. Однако через месяц она стала настолько ощутимой, что мы все почувствовали тревогу и страх.

Только Алойзи не утратил бодрости. Он распевал во всё горло, свистел, хлопал дверьми, бил стёкла витражей, дразнил Матеуша и никому не давал проходу.

Пан Клякса молча наблюдал за ним, почёсывал лысину и забывал по утрам пить зелёную настойку.

Мы понимали, что академии приходит конец.

В канун Нового года пан Клякса собрал нас в школьном зале и сказал дрожащим от волнения голосом:

— Дорогие мальчики, вы не могли не заметить, что делается вокруг. Вы видите, конечно, как ужасно я изменился. Мне приходится вставать на стул, чтобы вы меня видели из-за кафедры. Но уменьшился не я один. Всё вокруг уменьшилось. И вы, конечно, догадываетесь, в чём дело. Да, да, друзья мои, сказка про мою академию подходит к концу. Готовьтесь к этому! Скоро академия совсем исчезнет, и от меня тоже ничего не останется. Горько мне расставаться с вами. Мы провели вместе почти целый год, нам бывало весело и интересно, но ведь всему когда-нибудь приходит конец.

— Что же с нами будет, пан профессор? — спросил Анастази, чуть не плача.

— Милый Анастази, — сказал пан Клякса, — у каждого из вас есть свой дом. Сегодня в полночь обязательно открой ворота, а ключ брось в речку. Я специально для этого вырубил у берега прорубь. На этом кончится сказка про академию пана Кляксы.

Всем стало очень грустно. Мы окружили пана Кляксу, целовали ему руки, которые были похожи на ручки пятилетнего ребёнка.

Пан Клякса обнимал нас, тряс лысой головкой и украдкой утирал слёзы.

Это была очень трогательная картина. Я никогда её не забуду.

Наступил вечер. Начался снегопад. Серебряные снежинки ложились на подоконник.

Пан Клякса открыл форточку, поглядел на небо и сказал:

— Не надо грустить, мальчики. Я приготовил вам сюрприз. Пойдёмте наверх.

Легко, как пёрышко, въехал он по перилам на третий этаж, а мы, перескакивая через несколько ступенек, поспешили за ним. Там пан Клякса достал связку ключей и открыл все двери. Мы вошли в какое-то тёмное помещение.

Пан Клякса торжественно достал из несгораемого кармана свечные огоньки.

Стало светло как днём. Мы стояли в огромном зале, где посредине высилась великолепная ёлка, вспыхнувшая внезапно сотнями огней. Она была украшена игрушками небывалой красоты. Вокруг неё тянулись золотые цепочки и серебряные нити. Вся она была посыпана хлопьями искусственного снега. Рядом с ёлкой стоял празднично накрытый стол.

Мы шумно расселись.

Приглядевшись, я понял, что мы находимся в том самом помещении, где когда-то была лечебница больных вещей. Здесь были столы, стулья, табуретки, часы, вылеченные паном Кляксой.

Пан Клякса вопреки своему обыкновению поужинал вместе с нами.

После ужина мы столпились у ёлки, и пан Клякса, нарядившись Дедом-Морозом, раздавал нам новогодние подарки.

Когда подошла очередь Алойзи, оказалось, что его среди нас нет. Тут мы вспомнили, что не было его и за ужином.

Пан Клякса забеспокоился.

— Где Алойзи? Что с ним? Матеуш, найди его немедленно!

Анатоль, испуганный, вскочил со стула.

— Пан профессор! — закричал он. — Я знаю, где он! Я просил его, умолял не делать этого! Он меня не послушал.

Пан Клякса подбежал к Анатолю, бледный как полотно, и вцепился ему в плечо:

— Говори, говори! . . Где Алойзи?!

— Он в комнате тайн, пан профессор, — пролепетал испуганный Анатоль и упал без чувств.

Я невольно взглянул на потолок. Наверху раздавались чьи-то шаги.

Пан Клякса одним прыжком достиг окна, открыл форточку и выскочил на улицу.

Мы были в ужасе. Никто из нас никогда не решился бы посягнуть на тайны пана Кляксы. Мы знали, чем это грозит. По меньшей мере исключением из академии. Решиться на такой поступок мы не могли хотя бы потому, что очень любили и уважали пана Кляксу. На это был способен только Алойзи, эта ненавистная нам, наглая, самоуверенная и зазнавшаяся кукла.

Мы с тревогой ждали, что будет дальше.

Вдруг дверь распахнулась, на пороге появился Алойзи. Он был весь в саже и в руках держал маленькую шкатулку из чёрного дерева.

— Вот! Тайны пана Кляксы! — крикнул он. — Не угодно ли взглянуть? Тайны! Ха-ха-ха!

Он опрокинул шкатулку над столом, и оттуда посыпались тоненькие фарфоровые таблички, исписанные мелкими иероглифами. Конечно, мы не могли знать, что там написано. Никто из нас не знал китайского языка. Мы были ошеломлены неприглядным видом Алойзи и его дерзостью.

— Один я читаю по-китайски! — воскликнул хвастливо Алойзи. — Один я могу открыть тайны пана Кляксы. Сейчас мы узнаем, кто этот напыщенный болван! Ха-ха-ха!

Вдруг в форточке показалось бледное, искажённое гневом лицо пана Кляксы. Он влетел в комнату. За эти несколько минут он стал почти вдвое меньше. Его можно было принять за трёхлетнего мальчика.

Алойзи, сообразив, что ему не удастся прочесть, что написано на табличках, одним движением сбросил их на пол и стал топтать ногами, так что от них остались одни осколки.

Никто не успел ему помешать.

— Ты уничтожил мои тайны, Алойзи, — раздался вдруг спокойный, но суровый голос пана Кляксы, — а я уничтожу тебя.

Сказав это, он приставил увеличительный насос к уху, принял несколько таблеток для ращения волос и мгновенно превратился в прежнего, большого и красивого пана Кляксу.

Храбрость покинула Алойзи.

Пан Клякса достал из шкафа большой кожаный чемодан, поставил его на стол и открыл. Затем он поднял Алойзи и посадил рядом с чемоданом.

Мы следили за происходящим затаив дыхание. Сначала пан Клякса отвинтил правую руку Алойзи и бросил её в чемодан. Потом отвинтил вторую, потом обе ноги. На столе остались лишь туловище да голова.

Алойзи молчал и с ужасом следил за действиями пана Кляксы.

Пан Клякса взял двумя пальцами голову Алойзи и повернул влево. Винт легко подался, и

голова Алойзи отделилась от туловища. Тогда пан Клякса отвинтил темя и высыпал содержимое головы в чемодан. Там были буквы, пластинки, стеклянные трубочки, множество колёсиков и пружин.

Потом пан Клякса разобрал по частям туловище Алойзи, все части сложил в чемодан и опустил крышку.

Мы с облегчением вздохнули: Алойзи, эта мерзкая карикатура на человека, перестал существовать.

У одного Анатоля были слёзы на глазах.

— Боже мой! — шептал он. — Боже мой! Что я скажу Филиппу? Ведь он велел мне беречь Алойзи. Такая красивая кукла!.. Такая красивая!..

Тем временем пан Клякса снова уменьшился и, повернувшись к нам, сказал:

— Не огорчайтесь, мальчики. Я знал, что так окончится наша сказка. Алойзи уничтожил все мои тайны. Теперь я не смогу больше готовить обеды из цветных стёклышек, летать по воздуху, угадывать чужие мысли, увеличивать предметы, лечить больные вещи. Я потерял волшебную силу, которой славился во всех сказках... Да уж ладно!.. Главное — не унывать!.. Давайте лучше споём на прощанье новогоднюю песню...

Но не успел пан Клякса открыть рот, как дверь отворилась, и вошёл парикмахер Филипп. Шуба и шапка его были в снегу.

— Что это вы не отворяете ворота? Оглохли, что ли? — закричал он, багровея от злости. — Пришлось лезть через забор. Идиоты! Надоела мне ваша академия! Анатоль, собирайся домой. Где Алойзи?

Анатоль робко приблизился к Филиппу.

— Алойзи... Алойзи... там, в чемодане, — пролепетал он.

Филипп кинулся к чемодану, открыл его и в ужасе отшатнулся.

— Так вот оно что, пан Клякса! — прошипел он сквозь зубы. — Вот вы как выполняете свои обещания? Двадцать лет я работал над этой куклой. Я приносил вам веснушки, цветные стёклышки, отдавал всё состояние, чтобы вы могли открыть эту проклятую академию. А чем вы отплатили мне? Я думал, вы сделаете Алойзи человеком, а вы что сделали? Уничтожили труд всей моей жизни! Нет, это вам даром не пройдёт! Я вам отомщу! Вы ещё не знаете, на что способен Филипп в ярости! Вы не знаете!

Тут он вынул из кармана бритву, раскрыл её и подбежал к ёлке.

Пан Клякса молчал, только снова чуть уменьшился.

Филипп срезал с ёлки все свечи и рассовал по карманам шубы. В зале наступила темнота. Что случилось дальше, я не знаю. В ужасе я выскочил в коридор, скатился по лестнице вниз и выбежал во двор.

Стояла морозная декабрьская ночь. При свете луны и сверкающей белизне снега вся академия, ограда и парк были как на ладони.

Мимо меня пробежал Анастази, и я услышал звук открываемого замка. Анастази открыл ворота, и, как сквозь сон, я видел пробегавших мимо товарищей.

Я хотел крикнуть им: «До свиданья, ребята!», но слова застряли в горле.

Луна светила мне прямо в глаза, и всё вокруг тонуло в её таинственном сиянии.

Я опустился на скамейку и почувствовал страшную усталость. Я крепился изо всех сил, чтоб не уснуть.

И вот я стал свидетелем странного события: академия, которая уже не была прежним высоким красивым зданием, а была вполовину меньше, стала уменьшаться у меня на глазах. То же происходило с парком и окружающей его оградой.

У меня помутилось в глазах, зашумело в голове.

Академия беспрерывно уменьшалась.

Когда она стала не больше обыкновенного шкафа, из дверей выскочила маленькая человеческая фигурка и приблизилась ко мне. Это был пан Клякса. Такой же маленький, каким я его видел когда-то в стакане.

Тем временем небо надо мной опустилось и стало похоже на потолок, а луна превратилась в лампочку.

Стена, окружавшая академию, настолько приблизилась, что я отчётливо различал дверцы, ведущие в соседние сказки.

Время бежало быстро, и всё вокруг продолжало уменьшаться. Веки мои слипались, меня охватывала дремота.

Когда я снова открыл глаза, превращения подходили к концу.

Я находился в комнате, освещённой сверху большим шарообразным абажуром. Академия

превратилась в клетку, где сидел погружённый в раздумье Матеуш. Вместо парка я увидел прекрасный зелёный ковёр с вытканными на нём деревьями, зарослями кустарника, цветами. Ограда превратилась в книжные полки, а дверцы — в корешки книг с тиснёнными золотом названиями. Тут были все сказки Андерсена и братьев Гримм, сказки о Щелкунчике, о Рыбаке и Рыбке, сказка про Серого волка, про Белоснежку и Семь гномов и много-много других.

Я сидел на диване, а рядом на полу стоял пан Клякса. Он был ростом с мизинец. Его руки и ноги невозможно было различить, и только лысая головка поблёскивала при свете лампы.

Я осторожно взял его двумя пальцами и поставил на ладонь. Едва слышным голоском пан Клякса пропищал:

— Прощай, Адась. Пора нам расстаться. Ты славный и добрый мальчик. Желаю тебе удачи в жизни. Кто знает, может быть, мы ещё встретимся в какой-нибудь другой сказке.

После этого он уменьшился ещё вдвое.

Он стал меньше сливы, почти как лесной орешек.

И вдруг случилось чудо!

Существо ростом с орешек перестало быть паном Кляксой и превратилось в пуговицу. Обыкновенную костяную пуговицу розового цвета.

Матеуш, казалось, только этого и ждал.

Он выскочил из клетки, сел ко мне на плечо, потом спрыгнул на ладонь, схватил в клюв пуговицу и опустился с ней на пол.

Вы, наверно, уже догадались, что это была пуговица с шапки богдыханов, волшебная пуговица доктора Пай Хи-во, которая должна была превра-

тить Матеуша в принца. А не приходило ли вам раньше в голову, что пан Клякса был той самой пуговицей, которую доктор Пай Хи-во превратил в человека?

Что касается меня, то я об этом догадался только после чудесного превращения Матеуша. Он вдруг стал расти. Его крылья превратились в руки, ноги удлинились, вместо клюва появилось человеческое лицо.

Матеуш менялся на глазах. Через несколько секунд он стал выше меня. Прежде чем я сообразил, что произошло, передо мной стоял высокий человек средних лет, с волосами, тронутыми сединой.

Я низко поклонился и сказал:

— Рад первым поздравить ваше высочество с успешным превращением. Желаю вам поскорей занять трон вашего отца.

Я говорил не совсем складно, но ведь у меня не было времени придумать что-нибудь более путное. Матеуш в облике человека внимательно выслушал меня, потом вдруг от души расхохотался и, погладив меня по лицу, сказал:

— Дорогой мальчик! Никакой я не принц. Просто я рассказывал тебе сказку, а ты в неё поверил. Историю про короля волков я придумал.

— Ну, а король? А принц? А доктор Пай Хи-во? — спросил я удивлённо.

— Сказка остаётся сказкой, мой мальчик, — ответил он с улыбкой.

— Кто же ты такой, Матеуш? И что всё это значит? — спросил я, совершенно сбитый с толку.

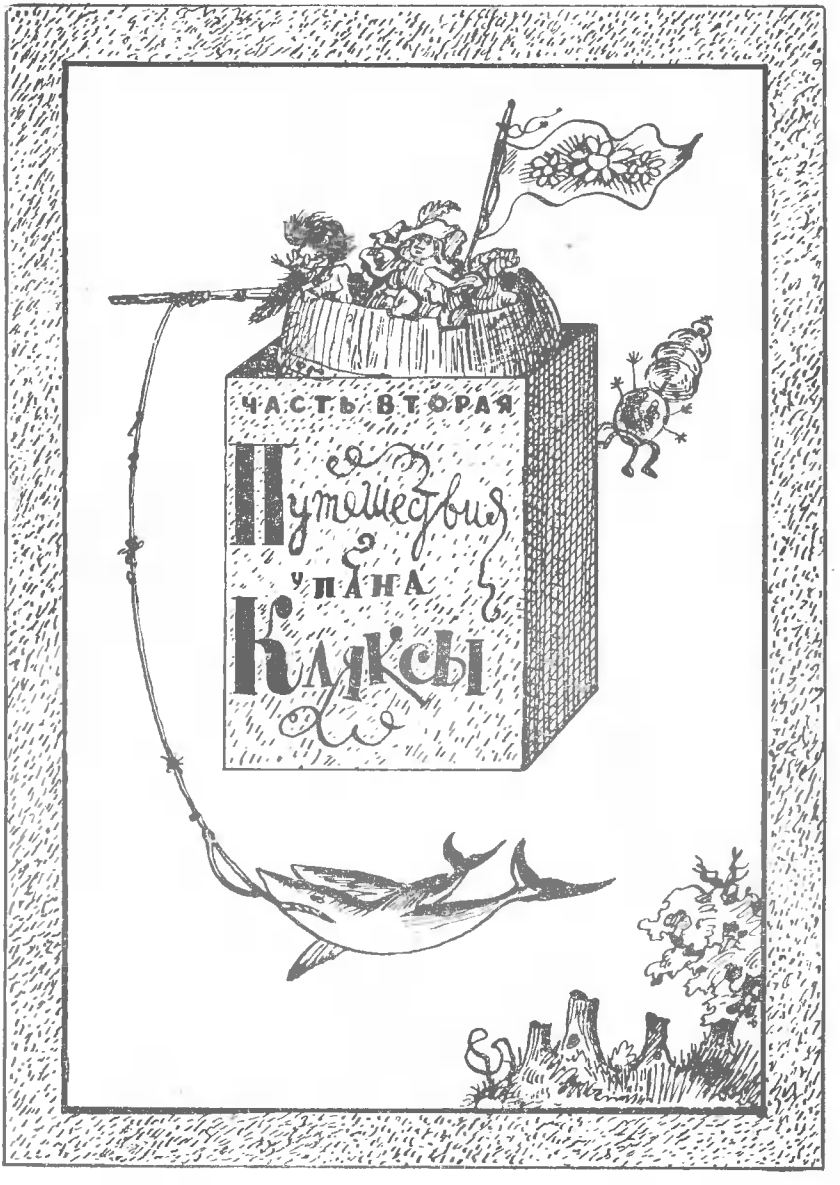
— Я автор книги про пана Кляксу, — ответил человек. — Я написал эту повесть, потому что

люблю всякие фантастические истории и сам очень радуюсь, когда пишу их.

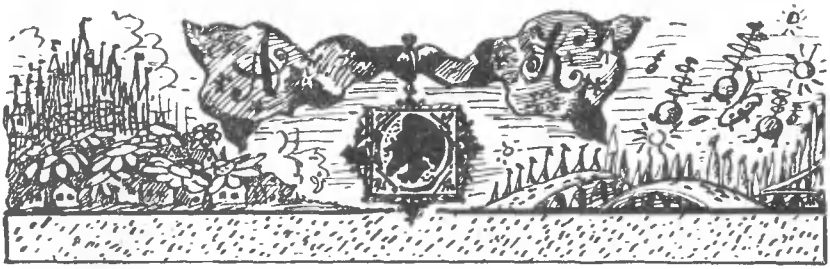
С этими словами он взял со стола книгу, закрыл её и поставил на полку рядом с другими.

На корешке книги я увидел надпись:

Академия пана Кляксы.


ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Путешествия
Пана
Кляксы

Карта
Путешествий
пана
Кляксы
Сказанция
Патентония
Вершителя
Земля
Металлоразъ
Абецуя



СКАЗАНДИЯ

Эта история произошла ещё в те времена, когда чернила были совершенно белыми, а мел — чёрным. Да, да, друзья мои, абсолютно чёрным. Представляете себе, какая из-за этого царила путаница и неразбериха! Приходилось писать белыми чернилами на белой бумаге и чёрным мелом — на чёрной доске. И вы, конечно, догадываетесь, друзья мои, что такие буквы были совсем-совсем не видны. Ученик, бывало, напишет сочинение, а учитель не знает, написано оно или нет. И ученики писали всякую чепуху, а проверить их никто не мог. И писем нельзя было прочесть, оттого-то мало кто и писал их в те времена.

Правда, чиновники в канцеляриях вели толстые книги, но там тоже нельзя было найти ни одной буквы, ни одной цифры. Их просто не было видно. И, наверно, от этой кропотливой и ненужной работы отказались бы давным-давно, если бы не старая канцелярская привычка вести книги.

Люди подписывали всякие бумаги и документы, хотя отлично знали, что никому и даже им самим не удастся разглядеть эти подписи. Они прекрасно понимали, что даже самые замысловатые завитушки всё равно пропадут зря. Но ещё с незапамятных времён им очень нравилось подписываться, поэтому они не обращали внимания на то, что белые чернила не видны на белой бумаге. И неизвестно, как долго продолжалось бы всё это, если бы не пан Амброжи Клякса.

Как-то раз этот прославленный мудрец, чудак и путешественник, ученик великого доктора Пай Хи-во, основатель знаменитой академии, высадился в одном из портов Сказарского полуострова.

После долгих странствий пан Клякса добрался до Сказандии, большой и богатой страны, лежащей на западном побережье полуострова. Добродушие и гостеприимство жителей, мужество юношей и красота девушек, их любовь к сказкам покорили сердце пана Кляксы, и он захотел поближе познакомиться с жизнью и обычаями этого народа.

И вот пан Клякса поселился в столице Сказандии, городе Исто-Рико, расположенном у подножия горы Сказувий. Большинство жителей Исто-Рико занималось разведением цветов. В парках, оранжереях и скверах росли цветы самых редких сортов. Утопающий в зелени город казался волшебным садом.

Воздух Исто-Рико, напоённый ароматом роз, левкоев, жасмина и резеды, одурманивал жителей, и, наверно, поэтому они больше всего на свете любили сочинять сказки. В аллеях парков сказочники, увенчанные цветами, в нарядных одеждах рассказывали сказки. И сказки эти были так необычны, что ни один человек в мире не смог бы их повторить.

Язык сказандцев был очень похож на другие языки, только в нём не было буквы «у». Да, да, друзья мои, буква «у» была им совершенно неизвестна. Поэтому вместо «угол» сказандцы говорили «гол», вместо «ухо» — «хо», вместо «сурок» — «срок», а вместо «упряжка» — «пряжка». Пан Клякса быстро освоился с особенностями сказандского языка и уже через несколько дней владел им в совершенстве.

Сказандцы жили в небольших двухэтажных домиках, окружённых зеленью и цветами, над ко-

торыми порхали тысячи пёстрых бабочек, и от этого город казался ещё краше. Почти круглый год — с раннего утра до позднего вечера — здесь пели птицы: ведь осень и зима в Сказандии длились недолго — всего лишь один месяц, пять дней и два часа.

Раз в двадцать лет все сказочники страны собирались на съезд и выбирали Великого Сказителя. Как вы легко можете догадаться, им становился автор самой интересной сказки. Гости разбивали шатры в Долине Тюльпанов, аромат которых необычайно нежен и дурманит меньше, чем запах других цветов. Один за другим сказочники поднимались на башню, возведённую посредине долины, и рассказывали самую лучшую из своих сказок. Чтобы всем было слышно, им приходилось говорить очень громко, поэтому для укрепления голосовых связок сказочники всё время пили мёд и тутовый сок. Их слушали затаив дыхание, ибо для сказандцев не было ничего прекраснее и интереснее сказок.

Да, да, друзья мои, больше всего на свете они любили сказки. А так как в стране было очень много сказочников, то и рассказывали они свои сказки два, а иногда даже три месяца подряд. С раннего утра и до позднего вечера. Но слушатели были на редкость терпеливы — ведь съезд происходил только раз в двадцать лет. Они сидели тихо-тихо, а уж если кто-нибудь чихал, то лишь потому, что никак не мог удержаться.

Каждый слушатель получал маленький шарик из слоновой кости и потом отдавал этот шарик автору самой лучшей, по его мнению, сказки. Тот, кто собирал больше всего шариков, становился Великим Сказителем. Ему вручали огромное золо-

тое перо — символ высшей власти в Сказандии, и под звуки музыки торжественно провожали в мраморный дворец, возвышавшийся на вершине горы Сказувий. Там Великий Сказитель усаживался на прекрасный резной трон из благоуханного сандалового дерева и с этой минуты становился главой сказандского государства на целых двадцать лет. Семь других лучших сказочников, которых называли сказарями или государственными советниками, помогали ему управлять страной.

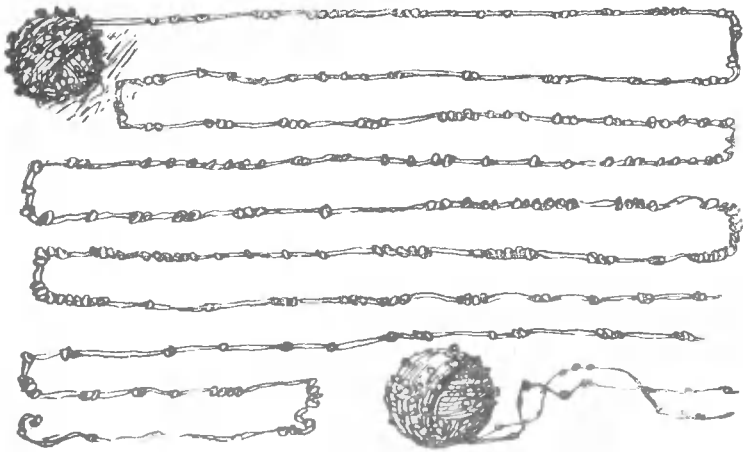
Народ почитал Великого Сказителя и во всём повиновался ему.

Знаменитые садовники посылали ему самые редкие цветы и душистый мёд со своих пасек. Юные сказандские танцовщицы, похожие на легкокрылых бабочек, разыгрывали для него красочные пантомимы на дворцовых лужайках. Лучшие музыканты, укрывшись в тени деревьев, играли ему на сказолинах — инструментах с одной серебряной струной. Они подражали шуму ветра, журчанию ручья, шороху птичьих крыльев, шелесту листьев, жужжанию пчёл.

Каждый старался как мог украсить жизнь Великого Сказителя, чтобы не гасло его сказочное вдохновение.

Но сказки, величайшее богатство сказандского народа, гибли без следа. Их не могли услышать не только другие народы, но даже потомки самих сказандцев. Никто не мог запомнить всё новые и новые сказки, а как записать их, не знали, потому что чернила были белыми. Да, да, друзья мои, в те времена ещё не было чёрных чернил.

Один из сказандских учёных предложил завязывать узелки, которые обозначали бы отдельные буквы, а то и целые слова.



Таким сложным способом сказочники стали переносить свои творения на клубки верёвок, а чтением узелков занимались обученные этому искусству девушки. Сразу же появилось много библиотек, где хранились клубки верёвок с узелками, так же как в наши дни хранятся книги. Так были увековечены тысячи сказандских сказок. И постепенно искусство вязания узелков совершенствовалось всё больше и больше.

Но случилось несчастье, которого не могли предвидеть даже самые мудрые люди в стране. Однажды, в конце лета, в Сказандии появились узлоеды — насекомые, которые питались только узелками. Они были совсем крохотные, меньше комара, но размножались с необычайной быстротой. Уже через несколько часов тучи малюсеньких, почти невидимых вредителей проникли во все библиотеки, и не успели сказандцы опомниться, как узлоеды сожрали все узелки — сокровище Сказандии.

Когда охваченный ужасом Великий Сказитель прибыл вместе с советниками в народную библиотеку Исто-Рико, он увидел там только клубы пыли и тучи малюсеньких мушек, распухших от обжорства.

Великий Сказитель уселся в своё кресло, глубоко задумался и целую неделю не занимался государственными делами. Тщетно старались советники вспомнить сказки своего повелителя. Потом окна мраморного дворца закрылись, и на долгие месяцы в стране был объявлен всенародный траур.

Наконец сказандцы справились со своей печалью и вернулись к повседневным занятиям, а учёные стали опять думать, как же всё-таки сохранить сказки.

Но новые поиски ни к чему не привели. Жизнь сказок по-прежнему была коротка, как жизнь бабочек, порхающих над садами Исто-Рико.

Происходило всё это во времена царствования Великого Сказителя, по имени Аполлинарий Ворчн, что по-русски следует читать Аполлинарий Ворчун. Он снискал себе славу величайшего в истории Сказандии сказочника, и народ почитал его больше всех его предшественников.

Это был толстячок лет пятидесяти, с коротенькими ножками: когда он сидел на своём резном троне из благоуханного сандалового дерева, они не доставали до земли. Он отличался необыкновенной мягкостью и добродушием. У него было круглое лицо, лысина, окружённая венчиком седеющих волос, маленькие смеющиеся глазки и нос, напоминающий красную редиску, которая осталась на тарелке только потому, что была последняя.

Раз в неделю Великий Сказитель появлялся на балконе мраморного дворца и рассказывал толпам, собравшимся в саду, свою новую сказку. Но сказки эти были слишком волшебные, чтобы кто-нибудь смог их запомнить. Да, да, друзья мои, уж очень это были необыкновенные и удивительные сказки. Вот почему народ Сказандии не мог примириться с тем, что их никогда не услышат жители других городов и стран.

И вот однажды в мраморном дворце на горе Сказувий появился неизвестный чужеземец и заявил, что желает говорить с Великим Сказителем.

Его провели в зал, где на троне из сандалового дерева, болтая коротенькими ножками, сидел Великий Сказитель Аполлинарий Ворчн. Пришелец низко склонился пред ним в знак глубокого уважения к его таланту и сказал:

— Я много путешествовал, много видел, но знаю ещё больше. Я не раз слышал сказки Вашего Сказительского Величества и вместе со всем вашим народом скорблю о том, что вдохновенное творчество Вашего Сказительского Величества не стало достоянием жителей всего мира. Но если мне будет позволено предложить свои услуги и если Ваше Сказительское Величество пожелает ими воспользоваться, я берусь в течение года достать вещество, от которого чернила станут чёрными.

Великий Сказитель вытаращил глаза и широко раскрыл рот, а незнакомец продолжал:

— Я знаю дороги, которые ведут к богатейшим залежам чёрной и белой краски, и не позже чем через год я могу привезти в Сказандию столько краски, что её с избытком хватит всем сказочникам вашей страны.

Великий Сказитель от волнения покраснел, потом побледнел и наконец, овладев собою, спросил:

— Какой награды ты потребуешь, любезный чужеземец?

Но чужеземец снисходительно усмехнулся и ответил с достоинством:

— Только скупердяи и бездельники мечтают о богатстве, а мы, учёные, думаем о благе человечества. Пусть Ваше Сказительское Величество отдаст в моё распоряжение один из своих кораблей, опытного капитана и тридцать человек команды. И всё. Остальное предоставьте моей находчивости, знаниям и опыту. Я уверен, что смогу выполнить своё обещание.

Великий Сказитель ещё раз покраснел и ещё раз побледнел, спрыгнул со своего резного трона, обнял незнакомца и, не в силах сдержать волнение, воскликнул:

— Чёрные чернила! Настоящие чёрные чернила! Благородный чужеземец, назови мне своё имя, я хочу, чтобы его узнал мой народ.

Незнакомец одёрнул сюртук, пригладил волосы, откашлялся и сказал:

— С этого я должен был начать. Я Амброжи Клякса, доктор философии, химии и медицины, ученик и ассистент великого доктора Пай Хи-во, профессор математики и астрономии университета в Саламанке.

Сказав это, он выпрямился и гордо поднял голову.

— Я сегодня же отдам распоряжения, а завтра сам проверю, как их выполнили, — промолвил Великий Сказитель со слезами на глазах.

На следующий день, в первом часу пополудни, от порта отчалила новенькая, великолепно осна-

щённая бригантина «Аполлинарий Ворчн». На берегу стоял Великий Сказитель, и пятнадцать мортир троекратными залпами салютовали пану Кляксе, отплывающему в далёкое удивительное путешествие, навстречу неизвестным приключениям.

Да, да, друзья мои. Видите чёрную, едва заметную фигуру на вершине мачты? Это и есть пан Амброжи Клякса.

Пожелаем же знаменитому путешественнику попутного ветра и спокойного моря.

ШТИЛЬ НА МОРЕ

Юго-восточный ветер раздувал паруса, и судно, скользя по волнам, мчалось к неизвестным землям. Пан Клякса стоял на марсе и внимательно всматривался в даль. На носу у пана Кляксы торчали очки собственного изобретения. Вместо обычных тонких стёкол в них были вставлены стеклянные шарики с многочисленными сферическими углублениями. Внутри стеклянные шарики, словно пчелиные соты, были заполнены искусно отшлифованными ячейками — конусами и шестигранниками. Благодаря своим очкам пан Клякса видел намного дальше, чем в самую сильную подзорную трубу.

Энергично размахивая руками, пан Клякса указывал направление и то и дело выкрикивал названия мысов, гаваней и островов, которые он замечал в безбрежной шири. Да, да, друзья мои, просто поразительно, как далеко видел пан Клякса в своих очках!

Чайки, удивлённые его видом и манерами, старались держаться подальше от корабля.

Команда, спасаясь от изнурительного зноя, отсиживалась в трюме, матросы были зверски голодны и проклинали кока, но ничего не могли с ним поделать. Как истый сказандец, кок Телесфор был сказочником, а когда он складывал сказки, то забывал про всё на свете, а уж про сковородки и кастрюли — подавно. Если кто-нибудь из поварят, желая спасти обед, прерывал его, Телесфор впадал в страшный гнев и весь обед выбрасывал в море. Правда, вскоре он приходил в себя, извинялся перед капитаном за свою вспыльчивость и начинал стряпать заново, но, увы, обед или опять пригорал, или снова шёл на съедение морским рыбам и дельфинам. Однако все терпеливо сносили чудачества Телесфора, потому что в своих сказках он рассказывал про такие роскошные пиршества, что даже самые обыкновенные сухари приобретали вкус превосходного жаркого.

Капитан корабля тоже сочинял сказки. Чаще всего это были сказки о таких удивительных морских приключениях, что невозможно было разобрать, куда он вёл корабль: к цели их путешествия или к несуществующим, вымышленным землям. Порой он и сам не мог понять, где кончается сказка и начинается действительность. Тогда корабль блуждал в безграничном морском просторе и никак не мог добраться до цели.

Один лишь рулевой не был сказочником. Старый морской волк, он слыл когда-то опытным мореплавателем, но, потеряв зрение в битве с корсарами, управлял кораблём на авось.

Пану Кляксе приходилось быть и капитаном и рулевым, а часто во время обеда заменять и

кока, потому что в тонкостях гастрономии он разбирался не хуже, чем в движении небесных светил.

Вскоре команда прониклась к пану Кляксе полным доверием, и матросы целыми днями спали или резались в карты и лишь изредка поглядывали на марс, чтобы проверить, не заснул ли пан Клякса. В конце концов даже чайки привыкли к странной фигуре пана Кляксы, садились ему на плечи, дёргали за бороду и кричали, передразнивая его.

В свободное время пан Клякса прямо с марса ловил сачком летающих рыб и потом готовил из них ужин всей команде.

На девятнадцатый день путешествия у капитана испортился компас. Тогда пан Клякса нашёл в одном из многочисленных карманов своего жилета огромный магнит и потёр им бороду. Теперь она указывала направление и была обращена прямо на север, хотя чайки всё время тянули её в разные стороны: то на запад, то на восток, то на юг.

Иногда пан Клякса, стоя на марсе, поджимал одну ногу, раскидывал руки, как крылья, и в такой позе дремал, поскольку ночью ему было не до сна. Уже через несколько минут он просыпался совершенно бодрым, надевал на нос свои знаменитые очки и кричал:

— Капитан, мы отклонились от курса на полтора градуса! Поверните на северо-запад и ориентируйтесь по моей бороде.

— Что вы там видите? — кричал в ответ капитан, задрав голову кверху.

— Я вижу ущелье Недобрых Предчувствий и архипелаг Святой Пасхи. Вижу маяк на острове Конфитюр; на маяке стоит смотритель, а на носу

у смотрителя четыре веснушки... Но до острова шестьсот сорок миль, и сомневаюсь, чтобы мы добрались туда раньше чем через три месяца.

— А нет ли где пиратского судна?

— Есть одно, но опасаться нечего: у него изодранные паруса, а на палубе ни души.

Затем пан Клякса снимал свои чудесные очки и орал изо всех сил, стараясь перекричать чаек:

— Как с обедом?

Тут капитан разводил руками и, сложив ладони рупором, кричал:

— У Телесфора опять всё пригорело! Есть невозможно. Акула и та выплюнула.

Рулевой, прислушиваясь к разговору, давал кораблю нужное направление, грыз сухари и сердито ворчал:

— Пора выкинуть Телесфора за борт, а то все передохнем с голоду! Сегодня он сжёг уже двадцать фунтов баранины, четыре цесарки и целый телячий огузок. Сказки, сухари — разве это еда для моряка!

Так шли неделя за неделей. Но внезапно в день святого Панкратия ветер стих. В день святого Серватия на море наступил полный штиль, и парусник застыл на месте. А в день святого Бонифация пан Клякса покинул марс, соскользнул по мачте на палубу и объявил:

— Мы попали в полосу мёртвого штиля. Теперь до конца мая можно спать спокойно.

И, поджав ногу, он тотчас же заснул.

Капитана и матросов охватил ужас.

Как известно, мёртвый штиль образуется из-за огромных трещин в морском дне. Такие трещины засасывают находящийся над ними столб воды вместе со всем, что там находится.

— Надо уходить с этого проклятого места, иначе мы погибли! — крикнул капитан и приказал спустить спасательные шлюпки.

Но матросы, верившие в мудрость и опыт пана Кляксы, взялись за руки, окружили его и хором запели песню, которая начиналась словами: «Отец Вергилий любил своих детишек...»

Солнце стало багровым, небо как будто запылало. Солнечные лучи окрашивали пурпуром крылья чаек, и они, напуганные собственным видом, кружили над головой пана Кляксы и тревожно кричали.

Капитан отдавал всё новые и новые приказания, но никто их не выполнял. В конце концов он охрип, уселся на бухту каната и застывшим взглядом уставился на танцующих матросов.

А пан Клякса, раскинув руки и поджав ногу, спал как ни в чём не бывало. Борода его, как всегда, указывала на север.

Пение обезумевших матросов становилось всё громче и громче и наконец перешло в невообразимый рёв. Но ничем невозможно было нарушить мёртвое спокойствие моря и глубокий сон пана Кляксы.

Всеобщее внимание было сосредоточено на фигуре спящего, поэтому никто и не заметил, что судно начало медленно опускаться вниз.

Казалось, спасения нет.

Но тут пан Клякса очнулся и, увидев, что им грозит катастрофа, закричал изо всех сил:

— Все в трюм! Задраить двери и законопатить отверстия! Живо! Не робей! Я с вами!

Матросы, толпясь и толкаясь, бросились вниз. Последним сошёл капитан и захлопнул за собой крышку люка. Пан Клякса отдавал приказы, ко-

торые команда выполняла с молниеносной быстротой. Даже кок забыл про свои сказки и принялся за работу наравне со всеми. Никто не произнёс ни слова. Спасая корабль, матросы с кошачьей ловкостью перебегали из каюты в каюту. Пан Клякса ухватился рукой за потолочную балку и, раскачиваясь над головами матросов, внимательно следил за чётким выполнением своих приказов. Только поварёнок Петрик, самый молодой из всех, не мог сдержать любопытства. Он прильнул к иллюминатору и всматривался в фантастические картины, которые сменялись перед ним, как в калейдоскопе.

Корабль вместе со столбом воды медленно и плавно опускался вниз, и Петрику казалось, что он съезжает на лифте. Корабль как бы очутился в колодце с водяными стенами. Небо над колодцем стало совсем чёрным, и на нём вспыхнули звёзды.

Петрик удивлённо следил за происходящим: стены колодца не смыкались над кораблём, как будто они были из стекла, а не из воды. Впрочем, не только поварёнок Петрик, но и никто вообще, кроме пана Кляксы, не мог и никогда не сможет этого понять.

Тем временем корабль опускался всё ниже и ниже, а за стеклом иллюминатора проносились морские чудовища, о которых слышали только учёные и сказочники.

Сначала были видны лишь водоросли, растения-животные и разноцветные рыбы самых причудливых форм, но чем глубже погружался корабль, тем необычнее становилось зрелище.

Толщу воды пронизывал зеленоватый свет морских звёзд, сцепившихся друг с другом в длинные

кружащиеся цепи. Ежи и морские коньки фосфоресцировали голубовато-жёлтыми огнями. В этих мерцающих отблесках возникали картины, от которых захватывало дух.

Огромные крылатые рыбы на двух слоновых ногах яростно сражались с прожорливыми двухголовыми тритонами. Рыбы-носороги, рыбы-пилы, рыбы-торпеды бросались в вихрь схватки, нанося тритонам смертельные удары. Время от времени проплывали раковины, внутри которых находился большой глаз. Раковины раскрывались, глаз внимательно оглядывал всё вокруг, и раковина быстро плыла дальше.

Вскоре картина изменилась. Появились косматые морские головы, которых пан Клякса назвал карбандами.

Головы скалили зубы и высовывали необыкновенно длинный язык, заканчивающийся пятью когтями. Вытаращенные глаза карбандов были окружены ресницами из рыбьих костей, нос напоминал львиный хвост, а уши, словно вёсла, быстро двигались в воде.

Проплывавшие мимо кусты и цветы поражали своей величиной. Чаши морских лилий были так огромны, что там свободно уместился бы взрослый человек. В лилиях обитали морские карлицы — зелёные пузатые арбузы с маленькими девичьими личиками. Эти несчастные существа, полудевушки-полурастения, были соединены с лилиями длинными стеблями, скрученными словно спираль, и они могли отплывать от цветка лишь на небольшие расстояния.

С ветвей коралловых деревьев свешивались чудовища, похожие на хамелеонов; они выплёвывали из разноцветных пастей огненные снаряды,

которые разрывались с огромной силой, уничтожая всё вокруг.

Один из таких снарядов угодил в палубу корабля. Начался пожар, но матросам удалось быстро погасить его.

Когда работа была закончена, пан Клякса подозвал всех к иллюминатору и стал объяснять непонятные явления морских глубин и перечислять названия двигающихся растений и морских чудищ.

— Смотрите! — восклицал пан Клякса. — Эти осьминоги могли бы проглотить слона, как муху. А вот эти бронированные шары называются термидолями. Из них вылупляются жар-птицы. Раз в три месяца термидоля всплывает на поверхность, и из неё появляется на свет новая жар-птица. А там, видите, это так называемый накойкотутрон. Он питается собственным хвостом, который потом отрастает вновь. Мы приближаемся к морскому дну. А сейчас внимание! Смотрите... Эти странные создания — чернилицы. Они выделяют чёрную краску, из которой можно сделать чёрные чернила. Теперь вы догадываетесь, зачем я привёз вас сюда? Мы раздобудем чёрные чернила и привезём их в Сказандию.

Все с интересом разглядывали чернилиц и не заметили, как корабль неожиданно коснулся морского дна. Перед путешественниками возникли улицы, застроенные рядами янтарных куполов. Эти странные жилища без окон и дверей напоминали гигантские кротовые норы. Вдруг, точно по сигналу, бесчисленные куполообразные колпаки начали медленно подниматься вверх. Но, прежде чем пан Клякса и его товарищи успели что-либо рассмотреть, корабль провалился в зияющую в

морском дне расщелину. Расщелина сомкнулась над ними, а вода с оглушительным рёвом и грохотом обрушилась вниз.

Внутри корабля стало темно. Матросов охватил панический страх. Одни звали на помощь, другие ругали пана Кляксу, а кок Телесфор проклинал всех поварят на свете, потому что никак не мог найти спички. Началась паника.

Но вот раздался зычный голос пана Кляксы:

— Дорогие друзья! Успокойтесь! Вы сейчас напоминаете мне стадо обезьян во время лесного пожара. Но думаю, что вы всё-таки не обезьяны, если умеете так хорошо ругаться. Надеюсь, вы заметили, что на плечах у меня как-никак голова, а не кочан капусты. Я буду снисходителен и постараюсь забыть ваше недостойное поведение.

— Замолчите, дьяволы! — гневно крикнул капитан.

Матросы утихомирились, и пан Клякса продолжал:

— Сейчас мы поднимемся на палубу. Вы увидите много диковинного. Ничего не бойтесь, выполняйте мои указания и всё делайте, как я вам скажу. Хочу лишь предостеречь вас: не пейте никаких напитков, которыми вас будут угощать жители этой неизвестной страны. Это самое важное. Поняли?

— Поняли! — хором закричали матросы.

— А теперь следуйте за мной, — сказал пан Клякса и, перепрыгивая через несколько ступенек, вышел на палубу.

За ним поднялись капитан и матросы.

То, что они увидели, напоминало скорее сказку, чем действительность.

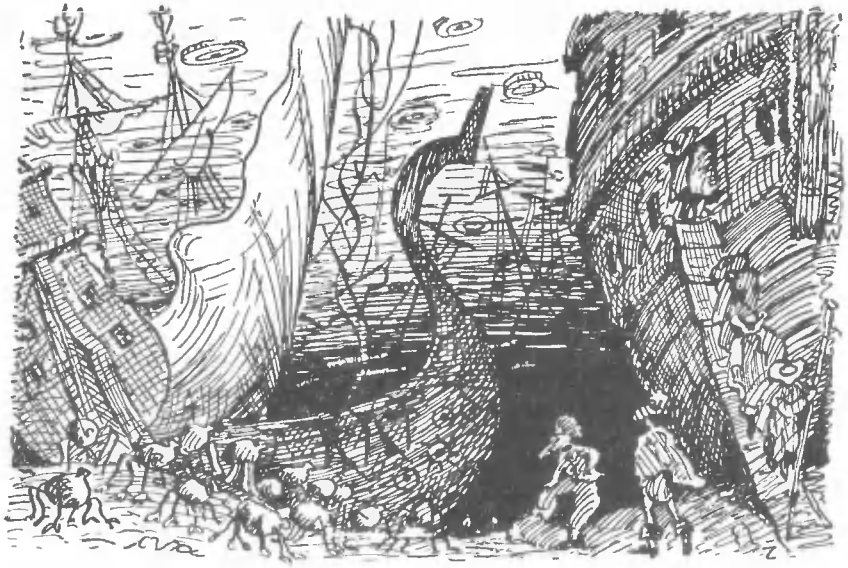
Корабль находился на огромной площади, залитой голубоватым светом. По обеим сторонам тянулись бесконечные вереницы судов различной формы и величины: от мощных военных галер с пушками и митральезами до маленьких рыбачьих лодок. Их подпирали янтарные брусья, и со стороны могло показаться, что это ярмарка или выставка кораблей.

Высоко наверху простирался свод, выложенный раковинами, между которыми виднелись круглые отверстия, закрытые янтарными крышками.

Площадь, границы которой исчезали в полумраке, была покрыта малахитовыми плитами, а посредине в громадном бассейне весело плескались чернилицы.

Вокруг корабля сновали какие-то странные существа, не похожие ни на людей, ни на зверей. Больше всего они напоминали огромных пауков. У них были круглые животики, маленькая головка с одним-единственным глазом и шесть лапок с человеческими ладонями. Они двигались с необыкновенной ловкостью, всё время приплясывая. Кроме того, прямо на туловище было два рта, по одному с каждой стороны. Один рот произносил звук «а», другой — «б». Звуки произносились попеременно то одним, то другим ртом, и различные их сочетания и составляли язык этих удивительных подводных жителей.

Уже через несколько минут пан Клякса различал отдельные слова: АА, БА, АБАБ, БААБ,



БААБАБ, БАБААБ, АБАБАБ, БАБА, АББА, ББАА и т. д., а через час свободно разговаривал с абетами — так из-за особенностей их языка назывались загадочные обитатели этой страны.

Абеты были приветливым народом и встречали путешественников очень радушно. Беседуя с ними, пан Клякса узнал много интересного об их жизни. У некоторых абетов, пользовавшихся особым уважением, была ещё и седьмая рука со стальными когтями. Этим абетам разрешалось раз в день выплывать через янтарные люки в море на охоту. Они плавали быстрее, чем обитатели морских глубин, а вооружённая когтями седьмая рука служила им и для нападения, и для защи-

ты. Вся их добыча справедливо делилась между жителями страны. Абеты питались рыбой, медузами, различными ракообразными, а пили чёрное молоко чернилиц и коралловый сок. Еду они готовили на янтарных электрических плитках, а ток брали от электрических рыб.

— А как сюда попадает воздух? — спросил пан Клякса, дыша полной грудью.

— Страна наша, — ответил один из абетов, — соединяется длинным туннелем с островом Изобретателей. Оттуда и поступает к нам необходимый воздух. Жители острова знают дорогу в Абецию и часто приходят сюда. Но никто из нас не отважился подняться на поверхность. Свет солнца и луны смертелен для нас.

Рассказав всё это, абеты вприпрыжку двинулись в зал, приглашая гостей следовать за ними.

В зале лежали циновки из морской травы, а янтарные столики были уставлены прекрасной посудой из китового уса, перламутра и малахита.

Абетки в ожерельях из кораллов и жемчуга и в фартучках, сплетённых из морской травы, внесли подносы с яствами и янтарные кувшины с вином. Подносы они держали двумя руками, а двигались на остальных четырёх, которые были одеты не то в башмачки, не то в рукавички из акульей кожи.

Проголодавшиеся гости с аппетитом принялись за еду. Больше всего им понравились жареные медузы в соусе из морской лилии, тушёные плавники кита и салат из осьминога.

Помня наказ пана Кляксы, никто не притрагивался к абецким напиткам, хотя всех мучила жажда. Коралловое вино заманчиво алело, но капитан всё же послал поварят за водой и фруктами на корабль.

Моряки и абеты объяснялись жестами, и оказалось, что это совсем не трудно, особенно хозяевам: ведь у каждого из них было по тридцать пальцев. Иногда всё-таки приходилось обращаться за переводом к пану Кляксе. Тут выяснилось, что гигантскую западню, в которую попал корабль сказандцев, построили абецкие инженеры с помощью жителей острова Изобретателей.

— Мы не желаем зла людям, — сказал один из абетов, улыбаясь одновременно двумя ртами,— мы только хотим перенять у людей их знания и опыт. Они научили нас ремёслам, мы многое узнали о подводном мире, о солнце и звёздах, об удивительных земных животных и растениях. Но больше всего мы благодарны людям за то, что они научили нас получать энергию от электрических рыб.

— И люди никогда не обижали вас? — спросил пан Клякса.

— Никогда, — ответил абет, — они ведь хорошо знали, что без нашей помощи не смогут выбраться отсюда. А впрочем, мы никого не задерживали насильно.

Внесли новые кушанья, но уже никто не мог есть. Только кок Телесфор, известный обжора, положил себе громадный кусок тритоньей печёнки, нашпигованной салом морского ежа, и стал уплетать за обе щеки. Еда была очень острой и возбуждала жажду. Телесфор жадно схватил со стола кувшин с коралловым вином и залпом осушил его. Он почувствовал, как ему обожгло рот, и, прежде чем он сообразил, что случилось, его сразил сон. Абеты не скрывали радости, а пан Клякса опечалился и грустно сказал своим спутникам:

— Мы потеряли Телесфора. Теперь он останется здесь навсегда.

И действительно, когда путешественники решили покинуть Абецию, Телесфор не захотел ехать с ними. Он сказал, что чувствует себя настоящим абетом и что никогда больше не сможет вынести солнечных лучей и лунного света. Кстати, когда он проснулся, он отлично говорил по-абецки и плясал на четвереньках с поразительной ловкостью.

Таково было действие кораллового вина.

После обеда пан Клякса с нескрываемым любопытством стал расспрашивать абетов о чернилицах: вы, конечно, помните, что они-то и были главной целью путешествия. Он хотел изучить цвет и густоту молока и выяснить, можно ли из него делать чёрные чернила.

Наш учёный был непривычно оживлён. Он бе-

гал вокруг бассейна и свистел на разные лады, приманивая чернилиц. Те скоро привыкли к нему, подплывали к его рукам и ластились, словно кошки. При этом они издавали звуки, похожие на скрип рассохшегося шкафа.

Пан Клякса радовался, как ребёнок. Он снял с головы шляпу, наполнил её доверху густой чёрной жидкостью и унёс на корабль. Вскоре он уже мчался обратно, размахивая листочком бумаги, испещрённым словами, рисунками и кляксами.

Сомнений не оставалось: молоко прекрасно подходило для письма! Пан Клякса тут же распорядился освободить все корабельные бочки и наполнить их чёрным молоком. Абеты с интересом наблюдали за странными хлопотами пана Кляксы и вежливо улыбались двумя ртами.

— Вы только посмотрите, какое густое молоко! — захлёбывался от восторга пан Клякса. — Из одного стакана такой жидкости выйдет сто бутылок настоящих чернил. Великий Сказитель сможет увековечить свои изумительные сказки! Каждый сможет писать чёрными чернилами! Вы заслужите благодарность всего народа. Да здравствуют чернилицы!

Сказандцы запрыгали от радости. А капитан, не теряя времени, начал писать новую сказку. Наполнив двенадцать бочек чернильным молоком, моряки спели сказандский национальный гимн, который начинался словами:

Слава Великому Сказителю,
Сказки его поразительны!

Только кок Телесфор сидел в сторонке и разговаривал сам с собой по-абецки:

— Я остаюсь здесь навсегда. Я хочу до конца

своих дней быть абетом. Буду пить коралловое вино и чёрное молоко. Буду придумывать для абетов новые кушанья из морских звёзд и водорослей. Во как! Тра-ля-ля!

Пан Клякса смотрел на него с глубоким состраданием: он знал о пагубном действии коралового вина и понимал, что Телесфора не спасти. И действительно, на глазах у всех Телесфор становился всё меньше и меньше и вечером, ко всеобщему удивлению, превратился в настоящего абета.

— Мы потеряли товарища, — сказал пан Клякса, — но зато нашли чернила. Теперь можно возвращаться в Сказандию.

Затем он обратился к абетам:

— Дорогие друзья, мы тронуты вашим великодушием и надеемся, что вы позволите нам сесть на корабль и отправиться на родину. Спасибо за гостеприимство и чудесное чернильное молоко. АБАБА, АБААБ, АББАБ!

Это восклицание на абецком языке означало: «Да здравствует Абеция!»

— Вашу судьбу решит королева Аба, — сказал один из абетов. — Нам приказано привести вас к ней. Такова её воля. Идёмте.

Пан Клякса считал этот визит пустой тратой времени, но вежливость и любопытство взяли своё, и путешественники двинулись за проводником.

Долго шли путники по извилистому коридору, но вдруг они встали как вкопанные, поражённые неожиданным зрелищем.

Перед ними лежало озеро, противоположный берег которого исчезал где-то вдали. Лазурная вода была прозрачна, как стекло.

На берегу, вокруг озера, на равных расстояниях друг от друга возвышались янтарные гроб-

ницы умерших королей Абеции. На каждой сидела жар-птица, сверкая огненным оперением. У подножия гробниц среди пунцовых карликовых кустов деловито плели паутину серебряные и золотые пауки, преграждая путь к озеру.

Вдали от берега на плавучем острове жила королева Аба. Она лежала в огромной раковине, и прислуживали ей семь семируких абетов.

Путешественники низко поклонились, и остров подплыл к берегу. Королева Аба поднялась в своей раковине. При виде её даже пан Клякса ахнул от удивления. Все ожидали увидеть одноглазое шестирукое существо, а перед ними предстала молодая прекрасная женщина. Она приветливо взмахнула рукой и улыбнулась им. Абеты пали ниц, сказандцы склонили головы, а пан Клякса, не растерявшись, произнёс по-абецки изысканнейший комплимент, выразив своё восхищение и удивление необычайной красотой повелительницы Абеции.

Отвечая пану Кляксе, королева Аба свободно заговорила на его родном языке:

— Я не принадлежу к династии великих королей Абеции. Семь лет назад по просьбе этого народа я стала править страной. Я была женой Палемона, владыки весёлой и солнечной Палемонии. Однажды во время путешествия наше судно провалилось так же, как и ваше. Выпив коралового вина, мой супруг и все наши придворные превратились в семируких абетов и были вынуждены навсегда остаться в этой стране. Я вместе со всеми пила волшебный напиток, но он не подействовал на меня, и только я одна сохранила человеческий облик. Предыдущий король Абеции, Бааб-Ба, был так поражён этим, что замуровался в

своей гробнице, а народ провозгласил меня королевой. Я приняла предложенный мне сан, потому что не хотела покидать своего супруга. Я взяла абецкое имя Аба и стала жить на королевском острове в окружении палемонцев, превратившихся в абетов. Я покорилась судьбе и полюбила своих подданных. А теперь обещайте мне молчать о том, что вы здесь услышали, и я разрешу вам покинуть Абецию и вернуться на родину.

— Обещаем! — торжественно воскликнул пан Клякса.

— Обещаем! — повторили за ним сказандцы.

А капитан, зачарованный красотой королевы, бросился к острову. Но он запутался в паутине и барахтался там до тех пор, пока абеты не помогли ему выбраться.

— Никому нельзя приближаться ко мне, таков абецкий закон! — грозно произнесла королева Аба и добавила: — А сейчас мои стражники отведут вас к Китовой Грани и там передадут проводникам с острова Изобретателей.

— А как же наш корабль?! — взмолился пан Клякса.

— Корабль? — удивилась королева. — Он останется здесь: мы ещё не умеем поднимать корабли на поверхность моря. Но вы не огорчайтесь. Вот вам жемчуг: он вполне возместит вашу утрату.

И королева Аба бросила к ногам пана Кляксы мешочек из рыбьих чешуек, набитый жемчугом.

Не успел пан Клякса заглянуть в него и поблагодарить королеву за щедрость, как прекрасная властительница Абеции произнесла тоном, не терпящим возражений:

— Аудиенция окончена!

В ту же самую минуту разом погасли все жар-

птицы, и вокруг воцарилась темнота. Только королевский остров, отплывая от берега, мерцал голубоватым светом.

Абеты окружили путешественников и по широкому коридору, выложенному янтарными плитами, повели их к Китовой Грани.

Грохот бочек с чернильной жидкостью отдавался многократным эхом, мешая разговору. Однако путники больше молчали, занятые своими мыслями.

Но задумчивей всех был пан Клякса.

Он нервно теребил бровь и время от времени выкрикивал слова, лишённые всякой связи:

— Абба-абаба-аба-бба!

Абеты, не желая прерывать его размышления, семенили поодаль и шёпотом переговаривались между собой.

Так они шли несколько часов. Когда в конце коридора замерцал красный свет, один из абетов выбежал вперёд, движением руки остановил сказандцев и обратился к ним:

— Здесь кончаются наши владения. Сейчас вы покинете Абецию. От имени всего народа я прощаюсь с вами и желаю интересного и удачного путешествия. Мы были счастливы принять у себя такого знаменитого учёного, как пан Амброжи Клякса. Благодаря ему вы удостоились чести видеть великую королеву Абу. Никто из чужеземцев её ещё не видел. Но вы должны навсегда забыть королеву, иначе вы собьётесь с пути и никогда не вернётесь на родину. А сейчас следуйте за мной.

Абет подошёл к стене, замыкавшей коридор, оперся на две руки, а остальными четырьмя отвинтил четыре янтарных диска, освещённых красным светом.

Стена дрогнула и медленно раздвинулась. Абеты незаметно исчезли в мрачной пасти коридора. За стеной начиналась широкая, висящая над пропастью площадка, сделанная из китовой кости. Это и была Китовая Грань. Сказандцы неуверенно перешагнули порог Абеции. Когда последний из них ступил на площадку, стена с треском захлопнулась, и всё погрузилось в темноту. В этот момент сверху донёсся звук рожка и скрежет вращающихся колёс. Потом послышались гудки, и через минуту огромная кабина лифта, похожая на просторный зал, остановилась у Китовой Грани.

Кабина была ярко освещена и устлана пушистыми коврами, вдоль стен стояли глубокие мягкие кресла, и перед каждым — красиво сервированный круглый столик с дымящейся едой. Не раздумывая, путешественники вошли в лифт, вкатили бочки и с любопытством огляделись вокруг, надеясь кого-нибудь увидеть. Но, кроме них, в кабине никого не было. Двери сами закрылись, раздались сигналы, заскрежетали невидимые механизмы, и лифт начал легко подниматься вверх. Из репродукторов, висящих под потолком, полилась приятная тихая музыка.

На стенах лифта, в рамках, висели картины. Но это были совершенно необычные картины: в них всё жило и двигалось, как в кино.

— Давайте пообедаем, — сказал пан Клякса, — а потом займёмся этими чудесами. Наконец-то подходящая еда! Скажу вам откровенно — абец-

кая кухня мне совсем не понравилась. Капитан, не теряйте времени даром. Нас ещё ждут новые приключения... Что с вами? Вы похожи на аистов, испугавшихся лягушек.

Пан Клякса пытался шутить, но капитан упорно молчал. Наконец он сел за стол и мрачно уставился в тарелку. Перед его глазами всё ещё стояла королева Аба. Матросы тоже были задумчивы и печальны. Многие втайне завидовали Телесфору. Образ прекрасной королевы преследовал сказандцев. Казалось, они были равнодушны ко всему на свете. Капитан что-то бормотал себе под нос, складывая сказку в честь повелительницы Абеции, и в рассеянности пытался поддеть вилкой пустую тарелку. Только пан Клякса, рулевой и поварёнок Петрик с аппетитом уплетали вкусные антрекоты, запивая их золотистым ананасным вином.

— Ешьте, друзья, — весело уговаривал матросов пан Клякса. — Нас ещё ждёт дальняя дорога. Эй, капитан, выпьем! Какое счастье, что мы достали чёрные чернила! Настоящие чёрные чернила! А теперь мы завернём на остров Изобретателей. Я давно слышал о нём, но думал, что всё это сказки. Ну что вы нахмурились? Почему молчите? Петрик, выпей хоть ты со мной за компанию! За здоровье королевы Абы, живущей в раковине, как устрица! Ха-ха-ха!

Рулевой и Петрик расхохотались, и их настроение передалось остальным матросам. Многие наполнили бокалы.

— За здоровье королевы-устрицы! — продолжал насмехаться пан Клякса и до того развеселился, что даже не заметил, как его борода попала в тарелку.

Пан Клякса не зря старался. Капитан пришёл

в себя, протёр глаза и огляделся вокруг. Вскоре он присоединился к друзьям и выпил стакан ананасного вина. Чары королевы Абы, околдовавшей весь экипаж, постепенно слабели, а когда было выпито несколько кувшинов вина, развеялись совсем.

Пан Клякса встал и запел весёлую песню. Такое с ним случалось не часто. Это была песня его собственного сочинения. Матросы хором подхватили припев:

Как-то наша курица,
Тра-ля-ля,
Снесла яйцо на улице,
Тра-ля-ля.
Мимо глупый Марек шёл,
Думал, что часы нашёл.
Выпьем-ка ещё вина —
Наше дело сторона!

Плотно пообедав и спев несколько песен, пан Клякса начал рассматривать движущиеся картины. На первой он увидел себя и своих товарищей в Сказандии, садящихся на корабль, а потом всё, что происходило с ними дальше. Матросы вместе с капитаном окружили пана Кляксу и удивлённо следили за своими собственными приключениями. Перед ними постепенно, как в фильме, проходили все события минувших дней, их жизнь на корабле, пребывание в стране абетов и встреча с королевой Абой. Только королева Аба оказалась дряхлой старухой, похожей на бабу-ягу.

— Вот как на самом деле выглядит королева Аба, — сказал пан Клякса, — а то, что вы видели в Абеции, было просто обманом зрения, галлюцинацией. Думаю, теперь кое-кто перестанет мечтать о возвращении в эту страну.

Капитан покраснел до ушей, а матросы весело расхохотались, тем более что в ту же самую минуту на картине, как продолжение этого живого фильма, появилась красная физиономия капитана. На этом рассказ об их путешествии кончился, и начался другой, не менее интересный фильм. Они увидели Великого Сказителя, ожидающего в порту возвращения чернильной экспедиции. Он был расстроен, что-то говорил окружающей его свите и показывал на горизонт. Все печально кивали головами, потом Великий Сказитель, поддерживаемый с двух сторон советниками, возвратился во дворец.

Остальные картины рассказывали о жизни какой-то незнакомой страны. Пан Клякса объяснил сказандцам, что это остров Изобретателей, к которому с молниеносной скоростью приближается их необыкновенный лифт. Вдруг пан Клякса замолчал, подбежал к окну и отдёрнул портьеру. В кабину хлынул дневной свет, и лифт, словно поезд из мрачного туннеля, вырвался из темноты. Поднявшись на поверхность земли, лифт, не останавливаясь, изменил направление и со скоростью торпеды помчался по невидимым рельсам.

От неожиданного толчка несколько матросов упали, но тут же вскочили на ноги и прильнули к окнам. Вокруг простирался огромный, бесконечный город, но страшная скорость мешала что-либо различить.

— Отойдите от окон, а то закружится голова,— предупредил пан Клякса. — Мы несёмся со скоростью четыреста миль в час. Наше счастье, что на дороге нет поворотов.

Ошеломлённые матросы послушались пана Кляксу и уселись в кресла. Было странно, что при

такой огромной скорости не дребезжат стёкла и грохот не заглушает слов.

— Думаю, часа через два мы будем у цели, — сказал пан Клякса. — Я много слышал об острове Изобретателей. Там живут существа, чрезвычайно похожие на нас, только у них всего одна нога. Свою страну жители называют Патентонией, по имени их величайшего учёного Гаудента Патента. Морем к ним попасть нельзя, потому что они ревностно охраняют свои лаборатории и заводы. Единственная дорога в Патентонию ведёт через Абецию, оттого мы так мало знаем об этой стране. На острове Изобретателей были сделаны известные всему миру открытия. Патентонцы оповещают о них, транслируя движущиеся картины. К сожалению, мы не видели многих картин, потому что у нас нет нужных приёмников. Вы сможете познакомиться со многими изобретениями, о которых мы даже и не слыхали. Но помните, патентонцы очень подозрительны и не любят, когда подглядывают их тайны. Не суйте носа куда не надо, иначе навлечёте на себя беду. Не забывайте об этом. Вы можете спрашивать о чём угодно — патентонцы дадут подробные объяснения и даже покажут свои планы и проекты. Вам легко будет объясняться с патентонцами, так как они знают тысячи языков и наречий, в том числе и сказандский язык. Патентония страна богатая, люди живут там по сто лет, но, кроме работы, для них ничего не существует — ни песен, ни танцев, ни развлечений. А о сне они и понятия не имеют. Они принимают специальные пилюли, которые снимают сон и усталость. Вот и всё, что я могу пока рассказать вам о знаменитом острове Изобретателей, остальное вы увидите сами.

Слова пана Кляксы произвели на сказандцев огромное впечатление. Они долго сидели задумавшись, и даже Петрик не решался ничего спросить, хотя сгорал от любопытства.

Торпеда мчалась с прежней скоростью. Начало темнеть, и в городах, мимо которых она пролетала, вспыхивали бесчисленные огни, сливавшиеся в одну ослепительную ленту.

Вдруг в репродукторе стихла музыка, и голос диктора произнёс на сказандском языке:

— Внимание! Внимание! Гроссмеханик Патентонии приветствует подданных Великого Сказителя. В столице нашей страны уже началась подготовка к встрече знаменитого учёного пана Кляксы. Торжества в его честь состоятся во всех городах. Внимание! Внимание! Через час двадцать три минуты Стальная Стрела, в которой вы находитесь, прибудет к седьмой платформе Магнитного вокзала. Просьба до полной остановки Стальной Стрелы оставаться на местах... оставаться на местах. Внимание, внимание! Нажмите красную кнопку под громкоговорителем.

Капитан первым вскочил с кресла и нажал кнопку, которую вначале никто не заметил. Все уставились на репродуктор, ожидая оттуда нового сюрприза. Но, ко всеобщему удивлению, кнопка привела в движение механизм, вмонтированный в столики. Боковые стенки поднялись вверх, а когда они опустились, прежняя сервировка исчезла, а на её месте появились новые приборы, кувшинчики с шоколадом и подносы с пирожными.

В ту же минуту из репродуктора послышалось:

— Внимание, внимание! Просим к столу!

— Превосходная мысль! — воскликнул пан Клякса и первый принялся за еду.

Остальные последовали его примеру.

Тем временем наступила ночь, и в тёмном небе, ярко освещая землю, кружили самолёты-солнца.

Светло было как днём, но фонари продолжали гореть, окутывая торпеду тусклым сиянием.

После полдника путешественники прослушали последние известия из Сказандии. Удивлённые матросы услышали голоса своих жён, детей и близких, узнали, что происходит у них дома. Чаще всего упоминалось имя пана Кляксы как руководителя экспедиции — жители Сказандии с нетерпением ждали обещанных чернил.

— Везём, везём, — буркнул пан Клякса. — Наших чернильных запасов хватит лет на десять.

Время шло. Приближался конец путешествия.

Снова раздался голос:

— Внимание, внимание! Не вставайте с кресел!

Торпеда стала сбавлять ход, раздались сигналы, закружились красные огни, и Стальная Стрела с точностью до секунды подошла к седьмой платформе Магнитного вокзала.

Путешественники, оставаясь на местах, ждали дальнейших распоряжений.

Магнитный вокзал представлял собой огромное помещение под стеклянной крышей, выложенное металлическими плитами. Плиты то и дело автоматически передвигались, открывая переходы, коридоры и туннели, в которых мелькали всевозможные причудливые поезда.

Движение на вокзале регулировала сложная звуко-световая сигнализация. Каждую минуту в разных местах вспыхивали красные и зелёные огни, из громкоговорителей доносились названия городов и железнодорожных станций.

Всё это делалось необычайно точно и, казалось, без участия каких-либо живых существ.

На серебряном экране, висевшем на одной из стен, вспыхивали цифры и буквы, извещавшие о прибытии очередного поезда. Одновременно автоматически раздвигались плиты, загорались светофоры, и поезда на механических полозьях въезжали под своды вокзала.

ПАТЕНТОНИЯ

Не успели сказандцы рассмотреть вокзал и пассажиров, как потолок и стены Стальной Стрелы неожиданно поднялись вверх, а нижняя площадка вместе с креслами рванулась вперёд. Раздался звонок, плиты раздвинулись, и открывшийся широкий туннель поглотил путешественников. Но почти сразу же площадка вынырнула из здания вокзала и быстро помчалась по какой-то совершенно необычной улице.

Над улицей, в переплетении стальных конструкций и арок, возвышались дома патентонцев, а внизу с различной скоростью бежали восемь движущихся дорожек-тротуаров.

Внутренние тротуары предназначались для пешеходов, а внешние, более широкие, — для транспорта. Площадка сказандцев шла по правой стороне дороги, а рядом ехали жители этого механизированного города. Площадка двигалась почти с той же скоростью, что и соседний тротуар, поэтому сказандцы могли как следует рассмотреть местных жителей.

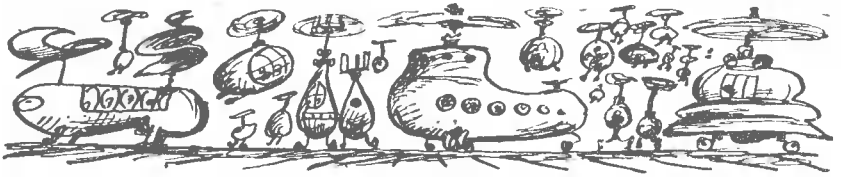
Патентонцы были на три головы выше сказандцев. У них была всего одна огромная нога и длинный подвижный нос. Казалось, что запахи для них важней всего на свете. Мужчины были совсем лысые, а у женщин на затылке росли рыжие волосы, заплетённые в три короткие косички. Дети внешне ничем не отличались от взрослых.

Одежда у патентонцев была одинаковая: кожаная куртка, широкая разноцветная пелерина, длинный шерстяной чулок и резиновый башмак с двойной пружинящей подошвой. Благодаря этим пружинам патентонцы прыгали как кузнечики, передвигаясь со скоростью до сорока миль в час.

Тротуары никогда не останавливались, а когда нужно было сойти с них, патентонцы ловко перепрыгивали на перроны, установленные вдоль мостовой, на небольшом расстоянии друг от друга. Точно так же патентонцы на ходу прыгали с перрона на тротуар.

Слева бежала самая быстрая дорога. Она была забита огромным количеством машин, напоминавших по форме шары, сигары и сплющенные огурцы. У всех машин вместо колёс были полозья, похожие на лыжи.

Шаровидные машины из тонкого прозрачного



металла назывались винтолётами — в центре их торчали винтообразные мачты. Винты с помощью атомного двигателя вращались со скоростью ста тысяч оборотов в секунду. Плоская резьба винта заменяла пропеллер: винтолёты легко поднимались вверх, застывали на месте и летали в любом направлении, как самолёты. Тучи винтолётов, круживших в небе, снизу казались разноцветными мыльными пузырями.

Другие машины предназначались для путешествий по воде и по суше. Внизу, под основанием, у них находились полозья, заменявшие железнодорожные рельсы. Поэтому они могли передвигаться по любой поверхности и, легко касаясь полозьями земли, на огромной скорости преодолевали все препятствия.

Сказандцы глядели на всё, широко раскрыв рот, и только вскрикивали от изумления, а пан Клякса расспрашивал едущих рядом патентонцев о различных особенностях этих машин. Все разговоры велись на сказандском языке, а патентонского вообще не было слышно, потому что местные жители общались между собой совершенно по-другому. Патентонцы носят очки с маленькими стёклами-экранами, в которых отражаются все их мысли. Поэтому разговаривать им совершенно незачем. Пан Клякса обещал своим товарищам достать такие очки.

— Но учтите, — предупредил пан Клякса, —

что у патентонцев нет мыслей, которые они хотели бы скрыть. Боюсь, что многие из вас скорее откажутся от волшебных очков, чем согласятся выдать свои мысли. Мы из другого теста, и не все здешние изобретения нам подходят.

На движущихся тротуарах появлялось всё больше и больше одноногих великанов. Некоторые, торопясь, скакали на своих пружинящих подошвах, как блохи, и мгновенно исчезали из виду. Дети ехали на складных стульчиках. Площадка сказандцев двигалась вперёд, мимо причудливых металлических конструкций. Самый город нельзя было разглядеть, потому что его дома и улицы размещались очень высоко.

Наконец путешественники остановились. Площадка поднялась вверх. Четыре стальных когтя одновременно схватили её и втащили на крышу громадного здания. Путешественники очутились на многолюдной площади, где им готовилась торжественная встреча.

Площадь была вымощена плитками из матового стекла. Из этих же самых плиток были сложены многоэтажные дома, которые сужались кверху и заканчивались вращающимися башнями. К башням были прикреплены вогнутые диски. Они поглощали солнечные лучи и вырабатывали тепло для обогревания жилищ и улиц. Благодаря солнечным дискам и электрическим холодильникам патентонцы в любое время года поддерживают в своих городах одинаковую температуру. Это необычайно важно, хотя бы уже потому, что из-за своих непомерно длинных носов патентонцы при малейшем ветерке схватывают насморк и чихают так громко, словно играют на трубе.

Площадь пересекала широкая улица с много-

численными ответвлениями и перекрёстками, которые были видны издалека. Над площадью висели тучи винтолётов, прикреплённых к балконам, как воздушные шары. Жители города высыпали на балконы. У каждого из них был небольшой каучуковый громкоговоритель. Все патентонцы были одеты в праздничные остроконечные капюшоны, увенчанные маленькими, как пуговички, антеннами.

Один из патентонцев, самый длинноносый, вышел из толпы и мелкими скачками приблизился к пану Кляксе. Сначала он низко поклонился, а потом, по патентонскому обычаю, поцеловал пана Кляксу в ухо. Это был знак особого уважения, и пан Клякса ответил на него точно так же, но при этом ему пришлось подпрыгнуть очень высоко — ведь патентонец был на добрых четыре головы выше его.

Остальных сказандцев приветствовали менее торжественно: дело ограничилось только взаимным дёрганьем за уши. Петрику страшно понравился этот обычай. Первый раз в жизни он мог дёргать за уши других. До сих пор дёргали только его, и вовсе не для того, чтобы оказать ему честь.

После церемонии, во время которой собравшиеся сыграли на носах «Марш Изобретателей», самый длинноносый патентонец поднёс ко рту сетку из стеклянной проволоки величиной с карманные часы и начал говорить.

Удивительным изобретением была эта сетка! Она переводила патентонскую речь на любой другой язык, нужно было лишь установить стрелку. Приветствие патентонцев сказандцы услышали на своём родном языке.

— Достопочтенный гость! — обратился оратор

Самый длинноносый вышел из толпы...

к пану Кляксе. — Отважные путешественники! Прежде всего я хочу сказать, что в Патентонии существует высокий сан Гроссмеханика, который соответствует сану Великого Сказителя в вашей стране. Три года назад, когда Патентное Бюро установило, что самое большое число изобретений принадлежит мне, я принял власть из рук моего предшественника, Патентоника Двадцать Восьмого, и правлю теперь под именем Патентоника Двадцать Девятого. Тому, кто превзойдёт меня числом изобретений, я передам власть как моему наследнику. Таков закон нашей страны.

Тут все хором закричали:

— Элла бэлла Патентоник адурэлла! — что по-патентонски должно было означать: «Да здравствует Патентоник Двадцать Девятый!»

Оратор продолжал:

— Я счастлив, что могу приветствовать в нашей стране такого великого учёного, как пан Амброжи Клякса, которого я хочу поблагодарить за его гениальные идеи. Они не могли быть осуществлены на его родине из-за недостатка материалов и отсталой техники. Но их описания и наброски, свидетельствующие о гениальности этого учёного, дошли до нас и позволили сделать много важных изобретений.

При этих словах Гроссмеханик низко поклонился, ещё раз поцеловал пана Кляксу в ухо и продолжал:

— Позволь, достопочтенный гость, перечислить изобретения, которыми мы тебе обязаны. Итак, на первом месте — увеличительный насос. Благодаря ему мы смогли увеличить наш естественный рост на одну треть. Я хотел бы продемонстрировать это изобретение.

Патентонец вынул из кармана насос, похожий на обыкновенную маслёнку, приставил его к уху пана Кляксы и несколько раз надавил на донышко. В то же мгновение наш учёный начал расти и через несколько секунд сровнялся с патентонцем. Это было просто поразительно! Сказандцы с завистью смотрели на пана Кляксу, который стал почти великаном. Они сразу окружили Гроссмеханика, подставляли уши, назойливо требуя, чтобы с ними сделали то же самое. Только рулевой стоял в стороне — ведь он не видел, что происходит вокруг.

Гроссмеханик догадался, что рулевой слеп, и, дотянувшись до слепого через головы матросов, нацепил ему на нос пенсне с призматическими стёклами. Невозможно описать радость рулевого. Он неожиданно прозрел и с изумлением огляделся вокруг. А когда Гроссмеханик приложил к его уху насос и увеличил его рост, счастью рулевого не было границ! Остальных сказандцев Гроссмеханик вежливо, но решительно отстранил рукой, поднёс сетку ко рту и продолжал прерванную речь:

— А вот ещё изобретения, основанные на идеях пана Кляксы, — ключик, отпирающий все замки, шкатулки для сохранения свечных огоньков, играющие мосты, автоматы против насморка и много-много другого. Вот только нам никак не удаётся наладить производство таблеток для ращения волос. У нас нет подходящих витаминных красителей. К сожалению, наша химическая промышленность не поспевает за развитием техники.

— Таблетки для ращения волос? Пожалуйста! — воскликнул пан Клякса и вынул из карма-

на серебряную шкатулку, с которой никогда не расставался. — Прошу вас! У меня их много!

Он тут же открыл шкатулку и угостил таблетками стоявших поблизости патентонцев. Шкатулка мгновенно опустела.

У тех, кому досталось угощение пана Кляксы, сразу же выросли буйные кудри.

Затем капелла сыграла на носах кантату, сложенную в честь пана Кляксы.

Но патентонец, видимо, ещё не окончил речь. Он сделал знак, чтобы все утихли, и продолжал:

— Мы никогда не развлекаемся, не веселимся — всё своё время мы посвящаем работе. Вы найдёте у нас много интересного, а кое-что даже сможете взять с собой в родную Сказандию. Вы наши гости, но дольше суток вы не должны находиться у нас, потому что мы не можем отрываться от работы. Таков закон нашей страны.

«Боятся, как бы мы чего-нибудь не подглядели», — подумал Петрик.

Как только Гроссмеханик закончил речь, все его подданные поднесли сетки ко рту и закричали хором:

— Да здравствует Амброжи Клякса!

— Да здравствует Патентоник Двадцать Девятый!

Потом они ещё раз сыграли на носах приветственную кантату.

Когда утихли последние звуки песни, слово взял пан Клякса и в короткой речи поблагодарил за сердечный приём. Он говорил по-сказандски, но патентонцы приложили к ушам каучуковые приёмники, которые сразу же переводили его слова на патентонский язык.

ГРОССМЕХАНИК

После окончания торжеств Гроссмеханик пригласил гостей в свой дворец, где для них уже были приготовлены отдельные апартаменты. Прежде всего пан Клякса вспомнил о бочках с чернилами и попросил доставить их во дворец.

— Уважаемый гость, — с грустью сказал ему Гроссмеханик, — я знаю, как огорчит тебя известие, которое ты сейчас услышишь: всё абецкое, оказавшись за пределами своей страны, моментально гибнет под действием солнечных лучей. Чернильное молоко тоже сразу теряет свой цвет и становится белым. Нас с Абецией давно связывают добрососедские отношения, и мне всё это хорошо известно. Сейчас ты сам убедишься в правоте моих слов.

По знаку Гроссмеханика один из патентонцев подкатил две бочки с чернильной жидкостью, поставил их перед паном Кляксой и сильным ударом вышиб дно. Из бочки хлынуло белое молоко. Не веря своим глазам, пан Клякса заглянул внутрь. Да, сомнений не оставалось: чернила потеряли цвет и превратились в никому не нужную белую жидкость. Пан Клякса окунул в неё руки и молча смотрел на белые капли, стекавшие с его пальцев на стеклянные плиты. Молчание великого учёного было красноречивее слов, и никто не посмел нарушить его.

В этот момент взгляд пана Кляксы встретился с глазами Петрика, полными слёз. Пан Клякса встряхнулся, присвистнул, как дрозд, и сказал:

— Жаль, конечно. Но наше путешествие ещё не окончено. Мы не можем вернуться в Сказандию с пустыми руками. Пойдёмте.

Он взял под руку Патентоника XXIX, и они направились во дворец. За ними последовали сказандцы, Придворный Совет и вся остальная свита.

Да, нужно признать, что пан Клякса был великим человеком — только великие люди никогда не теряют надежды.

Они вошли в высокие ворота и очутились перед дворцом. Несколько лифтов стояло наготове, ожидая гостей. Как ни странно, в домах у патентонцев не было лестниц. Нигде ни одной лестницы.

Патентонцы прыгали на верхние этажи при помощи пружинящих подошв, а тот, кто хотел, мог воспользоваться лифтами или кресло-планёрами.

Просторный зал, куда Гроссмеханик проводил гостей, был совершенно пуст. Только несколько рядов разноцветных кнопок на серебряной плите указывали на существование скрытого механизма. Стоило нажать кнопку, и с потолка, из пола и стен выдвигались различные предметы.

Сначала нажали голубые кнопки, и зал превратился в роскошную столовую: откуда-то появились столы со всякой снедью и кувшинами ананасного вина. Гроссмеханик подал знак, и начался пир, который продолжался всю ночь, до самого утра. К еде были примешаны какие-то приправы, которые снимали усталость, и сказандцы, не говоря уж о пане Кляксе, были бодры и не хотели спать.

Когда пир окончился, Гроссмеханик нажал красные кнопки, и столовая превратилась в меха-

ническую мастерскую. Она была заставлена аппаратами, точными приборами и инструментами, при помощи которых он разрабатывал и совершенствовал свои изобретения.

Гроссмеханик подарил всем гостям по металлической коробочке, которая одновременно была радиоприёмником, зажигалкой, электрическим фонариком, мухоловкой и машинкой для стрижки волос. Сказандцы не могли прийти в себя от изумления, увидев этот гениально задуманный сложнейший прибор.

А пан Клякса, которому беспрестанно оказывали всяческие знаки внимания, получил, кроме того, аппарат для угадывания мыслей, ларчик с семью тайнами Патентонии и пятнадцать винтолётов для себя и своих товарищей. Среди семи тайн Патентонии был способ находить эту страну на карте, модель увеличительного насоса, перечень изобретений Гроссмеханика и ещё четыре не менее ценных секрета.

Пан Клякса горячо поблагодарил за щедрые дары, но при этом деликатно намекнул, что среди подарков он не видит столь необходимых ему чёрных чернил.

Гроссмеханик помрачнел, пошептался о чём-то с Придворным Советом, приложил указательный палец к своему длинному носу и сказал:

— Нам никогда не нужны были чёрные чернила, мы и так запоминаем всякие слова, числа и идеи. Наша память нас никогда не подводит, поэтому мы ничего не записываем: ни сложнейшие чертежи, ни математические формулы. Хоть мне сейчас девяносто девять лет, но я отлично помню все сто тысяч правил, которые выучил в детстве. Поэтому неудивительно, что мы не изобрели

чернил и никогда их не изобретём. К тому же, как я уже говорил, у нас нет семи основных красителей. Но я удивлён, почему такой великий учёный, как пан Амброжи Клякса, до сих пор не смог изобрести такую простую вещь. Повторяю: я удивлён, а удивляться позволено каждому.

Пан Клякса обошёл молчанием эту колкость, ведь он прекрасно умел владеть собой, он только покраснел до самых ушей и нахмурил брови.

А Гроссмеханик как ни в чём не бывало предложил гостям прогуляться по городу, ещё раз напомнив им, что, к сожалению, их время истекает. Он взял пана Кляксу под руку и, подпрыгивая рядом с ним на своей единственной ноге, направился к выходу. За ними двинулись сказандцы и вся свита.

Главная улица проходила высоко над движущимися тротуарами. Она была похожа на широкий мост, мощённый стеклянными кубиками. С обеих сторон возвышались конусообразные здания. А из окон выглядывали горожане, похожие друг на друга, как близнецы.

На этой улице не было ни кафе, ни магазинов, ни ресторанов. Вместо них сплошным потоком тянулись автоматы. Гроссмеханик включал их длинной иглой, у которой было сто семьдесят семь насечек.

Гроссмеханик демонстрировал всевозможные автоматы и раздавал гостям фрукты, сладости, одежду, предметы первой необходимости, всякие мелочи и даже украшения и драгоценности. У одного автомата патентонцы задерживались немножко дольше. Каждый всовывал туда свой длинный нос, потому что это был знаменитый автомат против насморка. Им пользовались чаще

всего, так как местные жители постоянно страдали насморком и по нескольку раз в день дезинфицировали носы.

Здесь были также автоматы для измерения температуры, для пломбирования зубов, для штопания носков, для заплетания косичек и другие, не менее важные.

Сказандцы не скрывали восхищения изобретательностью патентонцев. Однако город без магазинов казался им серым, неинтересным, однообразным. Насколько привлекательнее были улицы Исто-Рико с их ярко освещёнными витринами, где каждый мог купить всё, что душе угодно! А изделия патентонцев, как и их одежды, выполненные по единому образцу, были все одного фасона и цвета, и это производило угнетающее впечатление.

На улице Автоматов Гроссмеханик внезапно остановился и сказал:

— То, что вы увидите сейчас, безусловно очень огорчит вас, но ничего не поделаешь — законы нашей страны обязательны для всех, даже для чужеземцев.

Сказав это, Гроссмеханик сделал несколько огромных прыжков и остановился перед фигурой, неподвижно стоящей среди других автоматов. Сказандцы поспешили за ним. Перед ними был... Петрик, который остекленевшим взором бессмысленно уставился вдаль. Руки его были скрещены на груди, а ноги прикованы к тротуару железными скобами.

— Этот мальчик, — сказал Гроссмеханик, — вопреки запрету подсмотрел одно из моих новейших изобретений: он привёл в движение механизм и тем самым выдал тайну. Он наказан за это. Он перестал быть человеком и стал автоматом,

автоматом для лизания почтовых марок. Я могу вам его продемонстрировать.

Тут Гроссмеханик воткнул свою иглу в отверстие под мышкой Петрика и трижды повернул её.

Петрик сразу же открыл рот и высунул язык. Патентонцы один за другим подскакивали к новому автомату, прикладывали к высунутому языку почтовые марки и потом наклеивали их на приготовленные заранее конверты. Когда Гроссмеханик вынул иглу, Петрик втянул язык, закрыл рот и опять застыл, бессмысленно глядя вдаль.

Пан Клякса был потрясён до глубины души. Он знал, что для Петрика уже нет спасения. Он долго стоял, не проронив ни слова, потом приблизился к несчастному мальчику, поцеловал его в холодный, как металл, лоб и, повернувшись к Гроссмеханику, произнёс дрожащим голосом:

— Только бесчеловечный закон мог допустить превращение любознательного мальчика в автомат. Его любопытство наказано слишком жестоко. Но раз ничего изменить невозможно, мы не хотим больше оставаться в стране, где у людей вместо сердца стальные пружины. Выпустите нас отсюда как можно скорее. Таково наше требование.

Сказандцы, возмущённые до глубины души, окружили пана Кляксу и тоже стали требовать немедленного отъезда с этого мрачного острова. Только рулевой стоял в стороне и кричал:

— Не хочу уезжать! Я не хочу быть слепым! Тут я, по крайней мере, вижу. Разрешите мне остаться!

— Я ничего не имею против, — сказал Гроссмеханик. — Я понимаю, что значит зрение для человека. Переливающиеся стёкла быстро выходят

из строя, и их приходится часто менять. А это можно сделать только в Патентонии. Позвольте вашему рулевому остаться у нас. Он будет работать, как мы, и жить, как мы. Ведь у вас никто не вернёт ему зрение.

Наступило молчание. Пан Клякса старался подавить в себе неприязнь к патентонцам, которых возненавидел за бесчеловечность. Он считал, что Гроссмеханик мог бы раскрыть тайну переливающихся стёкол. Но этот бездушный и надменный властелин счёл себя оскорблённым, и переубедить его было невозможно.

— Ладно, — сказал пан Клякса, — пусть рулевой остаётся. Правда, что касается меня, я бы предпочёл быть слепым в Сказандии, чем королём в Патентонии. Вот так!

И, повернувшись, он зашагал прочь. Сказандцы поспешили за ним. Над их головами промелькнули скачущие патентонцы.

На площади уже собралась огромная толпа. Все молча следили за работой механиков, которые хлопотали около новеньких сверкающих винтолётов, стоявших наготове.

Гроссмеханик подозвал сказандцев и подробно объяснил им, как обращаться с летающими шарами. Надо признать, что механизм их был необычайно прост. Даже ребёнок легко мог бы с ними справиться. Пан Клякса сел в машину, завёл мотор и провёл испытательный полёт. Опыт прошёл удачно.

Когда приготовления к отлёту закончились, Гроссмеханик обратился к пану Кляксе:

— Наша встреча останется у меня в памяти навсегда. Пройдёт время, и забудутся взаимные обиды, но никогда не забудется то глубокое вол-

нение, которое вызвало во мне даже столь недолгое общение с великим учёным. Памятник, который мы воздвигнем на этой площади, навсегда увековечит ваш замечательный визит, а площадь будет называться площадью Пана Кляксы.

Тут Патентоник XXIX дёрнул пана Кляксу за ухо и продолжал:

— Мы дали вам в дорогу большие запасы продовольствия; кроме того, каждый получит тёплую одежду, потому что наверху очень холодно. Смотрите, вот пальто моего изобретения. В каждую пуговицу вмонтирована маленькая батарейка, от неё по телу разливаются равномерные волны тепла. Температуру можно регулировать, включая одну, две или три пуговицы. А теперь мне остаётся только попрощаться с вами и пожелать счастливого пути.

Пока сказандцам раздавали пальто, пан Клякса произнёс короткую прощальную речь и поблагодарил Гроссмеханика за гостеприимство.

Рулевой был необычайно взволнован. Он подбежал к своим друзьям и, обнимая их по очереди, громко рыдал.

— Никогда я уже не услышу сказок Великого Сказителя! — всхлипывал он. — Простите меня, но если бы вы знали, как горько быть слепым! Может, я как-нибудь пообвыкну, буду присматривать за Петриком... Простите меня! Счастливого пути!

Пан Клякса, прослезившись, поцеловал рулевого, ещё раз поклонился Гроссмеханику и собравшимся патентонцам и отдал приказ садиться в винтолёты. В каждую машину село по два сказандца, а в последнюю — один пан Клякса.

Патентонцы сыграли на носах прощальный марш, и пятнадцать винтолётов поднялись вверх. И чем выше они поднимались, тем меньше и меньше становились люди на площади, а через несколько минут они уже казались копошащимися муравьями. Вскоре и весь остров Изобретателей выглядел сверху как тарелка, плавающая на поверхности моря.

БИТВА С САРАНЧОЙ

Пан Клякса даже не заметил, что снова стал нормального роста.

«Может быть, все изобретения этих бездушных умников сплошной обман?» — подумал он с горечью.

Но, включив обогревающие пуговицы, он почувствовал, как по всему телу разливается приятное тепло. Потом он испробовал аппарат для угадывания мыслей, и на маленьком экране появились однообразные серые картины. Это были мысли матросов, озабоченных своими будничными делами. Только капитан никак не мог забыть Патентонию, думал о рулевом, вспоминал Петрика и обрушивал громы и молнии на голову Гроссмеханика.

Пан Клякса надел свои волшебные очки, разложил автоматическую карту, подарок Патентоника XXIX, и повернул на северо-запад. Остальные винтолёты журавлиной стаей устремились за ним.

Небо было чистое, но в кабину врывался пронизывающий холод. К счастью, все обогревающие пуговицы работали исправно, и у сказандцев мёрзли только уши и носы. Пан Клякса закутывался в свою бороду, как в тёплый шарф. Он зорко всматривался в даль и передавал приказы и краткие сообщения о воздушной трассе:

— Летим на высоте восемнадцати тысяч футов. Справа — архипелаг Грамматических островов. Отсюда по всему свету расходятся правила правописания... Прямо по курсу — Бакланское море... Скорость двести двадцать миль в час. Приближаемся к Земле Металлофагов. Сейчас одиннадцать часов сорок пять минут... Передача окончена.

Сказандцы подкрепились питательными пастилками, которыми их щедро снабдили патентонцы. Пастилки эти заменяли сразу три мясных

блюда, три овощных и два фруктовых, а кроме того, в них был добавлен концентрат ананасного вина.

Так летели долгое время. С безоблачного неба струились яркие солнечные лучи. Воздух был кристально чист, и море внизу напоминало сморщенную клеёнку на столе.

Вдруг в приёмниках раздался взволнованный голос пана Кляксы:

— Внимание, внимание! С востока движется туча... Огромная туча... Она закрыла весь горизонт... Я не знаю точно, но думаю, что это водяной смерч... Снижаемся! Приготовить спасательные насосы! Без паники! Я с вами...

Пан Клякса протёр усами очки, вылез из кабины и повис в воздухе, держась одной рукой за руль винтолёта. Сюртук его надулся парусом, а борода, развевающаяся по ветру, казалась метлой бабы-яги.

Любой другой на месте пана Кляксы, чтобы избежать опасности, приказал бы сменить курс. Да, любой другой. Но не пан Клякса. Этот великий человек считал недостойным для учёного уклониться от курса и летел прямо навстречу туче.

Вскоре сказандцы увидели на горизонте чёрное пятно, к которому они быстро приближались. Их охватил ужас. Один из винтолётов оторвался от остальных и повернул на юго-запад.

В приёмниках раздался спокойный, но решительный голос пана Кляксы:

— Выровнять строй! Повторяю: выровнять строй!..

Пан Клякса никогда не сердился, не повышал голоса, но тем не менее все его слушались. Беглец

тотчас же вернулся назад, и винтолёты журавлиной стаей полетели дальше.

— Капитан! — закричал пан Клякса. — Барометр упал?

— Нет!

— А сила ветра изменилась?

— Нет!

— Всё ясно. Так я и думал. Это не водяной смерч... Это саранча... Голодная субтропическая саранча. Мы должны пробиться сквозь неё. Внимание... Полный вперёд!

Винтолёты рванулись вперёд и через несколько минут клином врезались в тёмную тучу насекомых, каждое из которых было величиной с воробья.

Винты врезáлись в плотные ряды саранчи. Круглые корпуса машин били её с сокрушительной силой, но всё новые и новые тучи вредителей лавиной захлёстывали сказандцев. Шелест миллионов стеклянных крыльев сливался в непрерывный, оглушающий рёв, похожий на весенний гром.

Пан Клякса свесился наружу и, держась одной рукой за борт, наносил саранче смертельные удары.

Сказандцы рвались вперёд, пикировали и орали как сумасшедшие, сея панику в рядах саранчи. Вдруг кого-то осенила великолепная идея: сказандцы полными горстями стали разбрасывать питательные пастилки. Изголодавшиеся насекомые набрасывались на еду и за каждую крошку дрались между собой насмерть. А те, кому удавалось проглотить концентрированную пищу, мгновенно распухали и с треском лопались, как воздушные шарики.

Наконец после двух часов упорной борьбы сквозь поредевшие ряды саранчи начали пробиваться лучи солнца. Снова показалось чистое голубое небо, и только отставшие кучки насекомых поблёскивали кое-где, как лёгкие облака.

— Так держать! — весело крикнул пан Клякса.

Но вдруг он заметил, что не хватает двух винтолётов. И тут же в наушниках раздался жалобный голос:

— Алло! Алло! Мы попали в плен... Не можем вырваться! Винты завязли в крыльях саранчи... О! О!

Пан Клякса протёр очки и увидел вдали тучу саранчи; она медленно опускалась на остров, выступавший из моря.

Пан Клякса молниеносно повернул назад и стрелой бросился на помощь винтолётам, которым угрожала опасность. Верные сказандцы повернули за ним.

— Нападайте снизу! — кричал пан Клякса, и голос его раздавался во всех приёмниках. — Постараемся их окружить. Но ни в коем случае не приземляться... Повторяю: не приземляться!

Благодаря энергичным мерам пану Кляксе удалось освободить один из захваченных винтолётов. Но другой медленно снижался, хотя дорога для возвращения была открыта. Его подхватила волна саранчи.

— Не приземляйтесь! — отчаянно кричал пан Клякса. — Ни в коем случае не приземляйтесь!

Но винтолёт улетал всё дальше и дальше, а из приёмника неслись голоса:

— Мы видим на острове чудесный город... Необыкновенный город... Мы решили здесь

остаться. Хватит с нас чернильной экспедиции! Алло, алло! Саранча полетела дальше. Снижаемся... Нас встречают флагами. Приземляемся! Вы слышите нас? Приземляемся...

Пан Клякса повернул руль и громко крикнул:

— Выровнять строй! Держаться курса!

Когда отряд точно выполнил приказ, пан Клякса передал очередное сообщение:

— Внимание, внимание! Мы оставили за собой Землю Металлофагов. Жители этой страны питаются металлом. Они не причинили бы нам зла, но съели бы все металлические части машин. Оттуда ещё не вернулась ни одна экспедиция. Мы потеряли двух товарищей. Их погубило любопытство... Я ценю в людях любопытство, когда оно помогает лучше узнать жизнь. Теперь вы понимаете, почему я не разрешал приземляться. С вашими соотечественниками не случится ничего дурного, но они уже никогда не вернутся в солнечную Сказандию. Внимание! Сейчас семнадцать часов двадцать пять минут. Включить обогревающие пуговицы! Мы приближаемся к побережью Вермишелии.

ГЛАВМАКАРОН

Быстро опустилась субтропическая ночь. Пан Клякса в последний раз взглянул на карту, проверил положение звёзд и в уме высчитал расстояние между ними.

— 67 254 386 257 100 356, — бормотал он. — Всё верно. Разделим это на расстояние от Земли. Получаем 21 375 162. Учитываем угол наклона и

— Не приземляйтесь! — кричал пан Клякса.

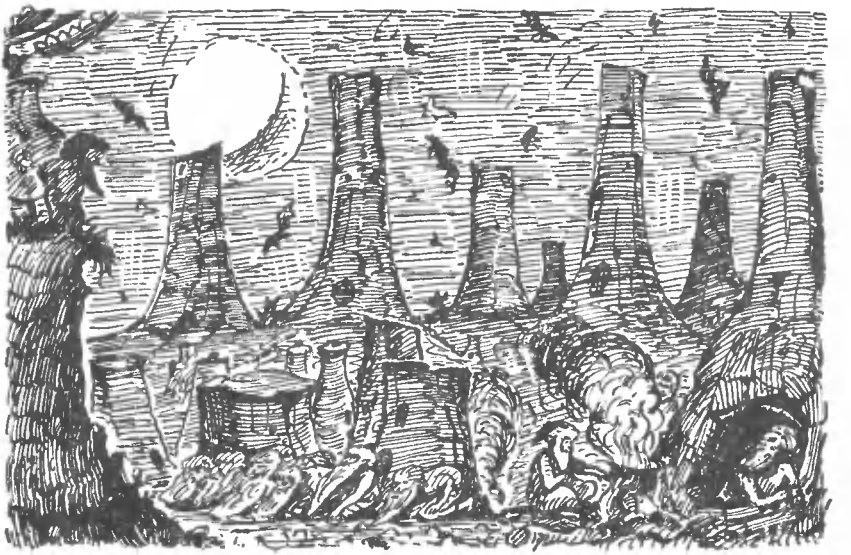
извлекаем корень. Получаем 8724. Теперь отнимем количество пройденных миль. Остаётся 129. Сходится.

И действительно, скоро внизу появились огни. Издали казалось, что на огромном пространстве разбросаны десятки пылающих костров.

Пан Клякса пригладил растрепавшуюся бороду, одёрнул сюртук и торжественно произнёс в микрофон:

— Друзья, ровно через семь минут мы приземлимся. После посадки держитесь возле меня... Конец передачи...

В приёмниках послышался треск. Потом что-то ответил капитан, но его уже никто не слушал— винтолёт пана Кляксы начал медленно снижаться. Одновременно зажглись четырнадцать красных предупредительных сигналов, и четырнадцать



винтолётов с интервалом в одну минуту коснулись земли.

Кругом было темно, лишь кое-где вспыхивали догорающие костры. Путешественники окружили пана Кляксу, с тревогой всматриваясь в странные жилища, напоминавшие дупла. Но напрасно взгляд их искал хоть какое-нибудь живое существо. Город как будто вымер.

Пан Клякса, стоя как обычно на одной ноге, сложил руки трубочкой и сыграл «Марш оловянных солдатиков».

Как по условленному знаку, из дупел стали выскакивать полуголые бородатые атлеты в пёстрых полотняных юбочках.

Бородачи бросились разжигать угасающие костры, а семеро самых представительных приблизились к пану Кляксе и по очереди низко поклонились ему. Потом они опустились на колени и трижды помели по земле бородами.

Пан Клякса сделал то же самое — из всех путешественников у него одного была борода.

После этих вступительных приветствий вермишельцы выстроились в ряд, и один из них произнёс, издавая при этом носовые и гортанные звуки, напоминавшие бормотание индюка:

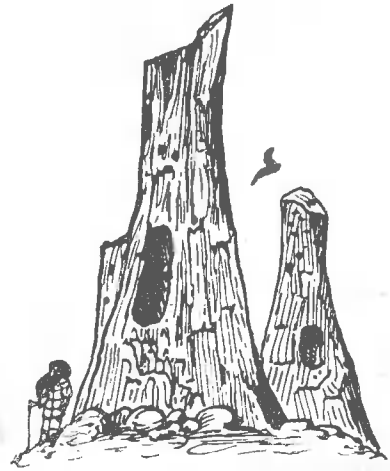
— Глуп-глор-гли-глов-гле-глит-глус-глот-глев-глу-гле-глим-глов-гла-глус.

Сказандцы, разумеется, не поняли ни словечка, но пан Клякса без запинки ответил по-вермишельски:

— Гли-глум-глы-глив-гла-глус-глат-гло-глижгле.

И добавил, обращаясь к сказандцам:

— Почему у вас такие удивлённые лица? Ведь каждый глупец знает, что вермишельский язык очень прост. Проявите каплю сообразительности, капитан, и тогда всё сразу станет понятно. Просто-напросто в каждом слоге учитывается лишь последняя буква. Глип-гло-глун-гляглет-глен-гло?



Вермишельцы были первобытным народом. Несмотря на огромную физическую силу, они отличались необыкновенным добродушием.

Свои дома они строили из тёсаных брёвен в форме шахматной туры. В каждую туру вёл круглый вход, а над ним вместо окон находились два или три отверстия. Улицы шли перпендикулярно друг к другу, образуя правильную шахматную доску. Перед каждым домом на кирпичных очагах стояли низкие глиняные котлы.

У всех вермишельцев были длинные бороды разного цвета, а у сановников — с кремовым оттенком, удивительно похожие на лапшу.

Сановники по очереди подходили к пану Кляксе, разглядывали его бороду и со знанием дела, как торговцы сукном, мяли её пальцами.

Сановники с лапшовыми бородами составляли Важную Поварёшку, или правительство Вермишелии. Самый старший из них, по имени Глас-глуглип, носил титул Главмакарона, который в Сказандии соответствовал титулу Великого Сказителя.

Главмакарон взял пана Кляксу под руку и проводил путешественников в Правительственное Дупло. Это был большой зал с огромным столом посредине, а вдоль стен висело множество гамаков, сплетённых из цветных верёвок. В окна падал неровный свет от пылающих на улице костров.

Прекрасные вермишельки внесли на подносах тарелки с дымящимся супом из лапши и любезным «глип-глор-гло-глис-гли-глум» пригласили гостей к столу. Все сели за стол и с большим аппетитом съели по три тарелки вкусного супа. Других блюд в этой стране не знали.

После ужина пан Клякса, который уже прекрасно владел вермишельским языком, обратился к хозяевам:

— Уважаемый Главмакарон, и вы, члены Важной Поварёшки! Мы необычайно рады, что

прибыли в вашу страну, о которой много слышали. Благодарим вас за оказанное нам гостеприимство. Мы не станем злоупотреблять им. Хотя мы и не соседи, но я надеюсь, что между Сказандией и Вермишелией сложатся наилучшие добрососедские отношения. Глу-глир-гла! — что на нашем языке означает «ура».

— Ура! — хором подхватили сказандцы.

Главмакарон встал, пригладил бороду и сказал:

— Может, мы и правда первобытные люди: нам неизвестны достижения современной техники. И всё же мы многое знаем. Мы слышали и о тебе, почтенный доктор философии, химии и медицины. Имя славного учёного пана Кляксы известно нам так же хорошо, как имя незабвенного основателя Вермишелии — Супчика Ворчуна, прадеда нынешнего Великого Сказителя Сказандии. Много-много лет назад этот отважный мореплаватель потерпел кораблекрушение и высадился здесь со своим отрядом. Мы — их потомки. Супчик Ворчун создал наш язык, научил нас строить и привил нам чудесные бороды, о которых вы узнаете завтра. А сейчас отдыхайте. Вы, наверно, устали после долгого путешествия. Глус-глуп-гло-глик-гло-глай-глен-гло-глай-глун-гло-глич-гли!

— Спокойной ночи! — хором ответили сказандцы, уже начинавшие понимать вермишельский язык.

Гостеприимные хозяева ушли, а пан Клякса многозначительно почесал голову и, стоя на одной ноге, сказал:

— Многому учат путешествия, но ещё большему учат сказки. Историю, которую сейчас рассказал Главмакарон, давным-давно придумал Ве-

ликий Сказитель, пятьдесят лет назад я услышал её из уст доктора Пай Хи-во. А теперь пора спать! Спокойной ночи, капитан! Спокойной ночи, друзья!

Пан Клякса снял сюртук, вытянулся в гамаке и заснул, мурлыча во сне, как кот.

Сказандцы последовали его примеру.

ЧУДЕСНЫЕ БОРОДЫ

На следующее утро пана Кляксу разбудила тихая музыка. Это один из сказандцев, по имени Амбо, вытянувшись в гамаке, играл на своей неразлучной сказолине старую матросскую песенку:

Ты веди нас в океан
По волне зыбкой.
Угости нас, капитан,
Золотой рыбкой.

Пан Клякса стал посредине зала на одной ноге, сунул два пальца в рот и просвистел сигнал побудки. Спустя некоторое время вермишельки внесли на подносах чашки с томатным супом и рогалики из лапши.

После завтрака путешественники вышли на улицу; при свете дня город показался им гораздо красивее. Возле домов, похожих на огромные пни, суетились вермишельки, одетые в разноцветные брюки и плетёные соломенные жилетки. На площадках дети играли в пятнашки и «классы». Улицы утопали в зелени и цветах, а яркие ко-

либри и попугаи, ручные, как курицы, клевали зёрна, которые кидали им из окон девушки.

Но особенно пана Кляксу заинтересовало то, что делали мужчины. Они сидели возле костров, опустив бороды в котлы, и из каждой бороды варился какой-нибудь суп. Женщины поддерживали огонь в очагах, время от времени деревянными поварёшками помешивали суп и пробовали его на вкус.

Здесь были бороды томатные, свекольные, фасолевые, луковые, щавелевые. Такими супами и питались вермишельцы. Но это ещё не всё. Когда в суп нужно было добавить какую-нибудь приправу, мужчины натирали свои бороды особыми помадами — специями. Пан Клякса сразу узнал хрен, соль, перец, майоран, но были и такие,

которые великий учёный не смог назвать, а уж он-то знал толк в кухне.

— Гениально! Фантастично! — то и дело восклицал он и бегал от котла к котлу, пробуя разные супы.

Но удивление его перешло все границы, когда на улице появились члены Важной Поварёшки: обходя котлы, они опускали в них свои бороды, добавляя в суп нужную порцию лапши.

Окончив стряпню, вермишельцы вытащили из котлов свои чудесные бороды, насухо вытерли их полотенцами. Девушки принесли тарелки и разлили суп, потчуя гостей и домочадцев.

Тут появился Главмакарон, и все почтительно приветствовали его.

В беседе с паном Кляксой глава Вермишелии рассказал, что лапшовые бороды выращиваются труднее всего. Только семь самых достойных вермишельцев могут ими похвастать. Но зато они должны заправлять лапшой все супы, а уж бульон и томатный суп подавно.

— Простите, ваше величество, — явно смущаясь, сказал пан Клякса. — Хоть я и профессор химии университета в Саламанке, но всё-таки я хотел бы задать вам один вопрос: можно ли дважды варить одну и ту же лапшу, вермишель, макароны?

— Сколько угодно, — снисходительно улыбнулся Главмакарон. — В том-то и штука, что питательные свойства наших бород неиссякаемы — варите её хоть трижды в день. А чтобы меню всегда было разнообразным, вермишельцы с разными бородами объединяются в семьи. Семь семей составляют общину. Мы, обладатели лапшовых бород, обслуживаем только общины: кормить каж-

дого вермишельца в отдельности мы просто не в состоянии.

Сказандцы слушали рассказ Главмакарона внимательно, но без особого восторга.

Пан Клякса потихоньку вынул из кармана аппарат для угадывания мыслей и ехидно сказал своим товарищам:

— Если я не ошибаюсь, друзья мои, вы уже мечтаете о бифштексах и говяжьей печёнке. А вы посмотрите, какие великолепные богатыри выросли на здешних супах. Правда, жители этой страны не сочиняют сказок, но они прекрасны телом и душой.

После обеда члены Важной Поварёшки вместе с Главмакароном повели гостей знакомиться с городом.

В историческом музее висел огромный портрет Супчика Ворчуна, поразительно похожего на Великого Сказителя. На постаментах стояли глиняные статуи предыдущих Главмакаронов, а под стеклянным колпаком лежало что-то напоминавшее железо. Это действительно было железо — единственный кусок металла, который, по словам хозяев, уцелел в Вермишелии.

— Тридцать лет назад, — с грустью поведал Главмакарон, — на нас напали орды металлофагов. Они разорили нашу страну, сожрав все металлические предметы, которые с риском для жизни привезли из дальних странствий вермишельские мореплаватели. С тех пор мы решили обходиться без металла. Мы пользуемся только глиной, деревом и стеклом. Так мы обезопасили себя от нового вторжения варваров.

Знакомство с городом подтвердило слова Главмакарона. И в ткацких, и в столярных мастерских

все инструменты и машины были сделаны из полированного стекла, обожжённой глины и твёрдого дерева.

Ближе к вечеру Важная Поварёшка устроила приём в честь гостей. Под пальмами на длинных столах были расставлены кувшины с душистым цветочным нектаром всевозможных сортов, лакомства из эвкалипта, фиников и орехов.

А вермишельцы уже хлопотали у костров, готовя ужин.

Вдруг пан Клякса сорвался с места и закричал, показывая на вермишельца с чёрной бородой:

— Есть!

Главмакарон, ничего не понимая, спокойно сказал:

— Красивая борода, правда? В нашем городе таких только пять. Мы готовим из них чёрную краску.

Пан Клякса подскочил к чернобородому, схватил его за бороду и опустил её в котёл.

— Есть! — закричал он в восторге. — Смотрите, капитан! Ведь это настоящие чёрные чернила!

Пан Клякса вытащил из кармана ручку, обмакнул перо в чёрную жидкость и стал что-то быстро черкать в блокноте.

— Смотрите! — кричал он сказандцам. — Что за чернила! Гениально! Фантастично! Мы должны любой ценой достать эту бороду! Возьмём её в Сказандию! У нас будут чернила! Да здравствует чёрная борода!

Главмакарон только теперь понял, в чём дело. Он взял пана Кляксу под руку и торжественно произнёс:

— Я и мой народ были бы безмерно счастливы выполнить желание такого великого человека и учёного. Мы были бы рады подарить потомкам Супчика Ворчуна не одну, а целых сто таких бород. Но, увы, они не принесли бы вам пользы, дорогие друзья. Если бороды отрезать, они увянут, как трава.

— Ты огорчил меня, почтенный друг, — тихо сказал пан Клякса. — Очень огорчил. Но, может быть, ты хотя бы позволишь одному из твоих подданных покинуть вашу страну и отправиться с нами в Сказандию? Мы засыплем его цветами и сказками, а он будет варить нам из своей бороды прекрасные чёрные чернила. . .

— К сожалению, это невозможно! — ответил Главмакарон. — Наш организм не приспособлен ни к какой другой пище, кроме нашей. Не будем больше говорить об этом. — И, повернувшись к сказандцам, он радушно сказал: — Друзья, прошу к столу!

Но у пана Кляксы пропал аппетит. Он держался поодаль, долго раздумывал, стоя на одной ноге, и наконец объявил своим товарищам:

— Завтра чуть свет мы отправимся дальше. А теперь — спать.

Над городом опустилась ночь. Догорали костры. У вермишельцев не было искусственного освещения, его заменяла фосфорная приправа к супу, она помогала им видеть в темноте. Пану Кляксе и сказандцам пришлось на ощупь добираться до своих гамаков.

На рассвете капитан построил матросов в две шеренги и доложил об этом пану Кляксе.

— Вот теперь, капитан, ваши мысли мне нравятся, — сказал пан Клякса, взглянув на свой чудесный аппарат.

Когда путешественники вышли из Правительственного Дупла, их встретили дети и преподнесли каждому по букету цветов.

Вся дорога до площади, на которой стояли винтолёты, была усыпана цветами.

Главмакарон и Важная Поварёшка приветствовали гостей, метя бородами по земле.

Но каков был ужас пана Кляксы, когда он увидел вместо винтолётов груду жалких обломков, разбросанных в траве. Казалось, здесь прошёл ураган, который смял кабины, переломал моторы, превратил всё в пыль и прах.

— Что всё это значит? — воскликнул пан Клякса, весь дрожа от гнева.

— Прости, — пробормотал Главмакарон, — это сделали наши дети. У них ведь нет никаких игрушек, а в машинах столько шариков, колечек, пружинок. . . Бедные малыши не смогли удержаться и разобрали всё по частям. Не сердись на них за эту невинную шалость. Они ведь не знали, что винтолёты вам ещё понадобятся.

Тут пан Клякса вспомнил, что ещё вчера заметил в руках у детей различные металлические предметы, после чего стал сомневаться в набеге металлофагов на Вермишелию. Теперь он в ужасе смотрел на погнутые поршни, поломанные трубы, искривлённые винты и рычаги, на перекручен-

ные алюминиевые листы, из которых ребятишки строили себе домики в скверах.

— Мы погибли! — простонал капитан.

Сказандцы подняли отчаянный крик.

Матрос Амбо бросился к ребятишкам и хотел было уже поколотить их своей сказолиной, но его остановил свист пана Кляксы.

— Соблюдать спокойствие! — твёрдо сказал пан Клякса. — Слушать мою команду! Я знаю, что нужно делать!

Матросы затихли.

Главмакарон стоял, опустив правую руку, а левой медленно перебирал свою лапшовую бороду.

Пан Клякса обратился к нему:

— Нас постигло страшное несчастье — мы потеряли винтолёты. Мы не виним ваших детей, ведь они не желали нам зла. Но тем не менее нам надо двигаться дальше, и мы рассчитываем на вашу помощь. Дайте нам корабль или какое-нибудь судёнышко, и мы сегодня же отправимся в путь.

Члены Важной Поварёшки покивали головами и удалились на совещание. Главмакарон размышлял, почёсывая нос. Потом он призвал к себе лапшовых сановников и вполголоса долго в чём-то убеждал их. Наконец он обратился к пану Кляксе:

— Достопочтенные гости! Мы решили отдать вам наше самое замечательное сооружение — Правительственное Дупло. Правда, оно больше похоже на бочку, чем на корабль, но зато крепко и надёжно. В нём можно плыть хоть на край света. Через час мы доставим его на берег. Ступайте к морю и ждите нас там.

Пан Клякса, с трудом сдерживая волнение, обнял Главмакарона и произнёс:

— Вы действительно благородные и велико-

душные люди! Мы рады, что доставили удовольствие вашим детям. Пусть наши винтолёты пойдут им на пользу.

— Да здравствует пан Клякса! — в волнении закричал Главмакарон.

А дети начали хором скандировать:

— Глук-глил-гля-глук-глес-гла! — и толпой побежали провожать путешественников до самого берега.

Вскоре послышался нарастающий гул, и на вершине заросшего цветами холма показалась огромная бочка. Её катили сорок четыре дюжих вермишельца, а за ними шли вермишельские девушки, неся подносы с тарелками щавелевого супа.

Соблюдая все меры предосторожности, бочку медленно спустили на воду, поели щавелевого супа, и капитан отдал команду:

— Все по местам!

Тут на холме появились Главмакарон и Важная Поварёшка. За ними, еле поспевая, грузчики везли на тачках густо просмолённые канаты.

Взобравшись на бочку, они сбросили канаты в воду. Моментально откуда-то вынырнула стая акул. Акулы жадно впились зубами в канаты и уже никак не могли от них освободиться, потому что густая смола, как тянучки, склеила им зубы.

— Это моя идея, — гордо сказал Главмакарон. — Акулы будут тянуть вас, как на буксире. А вот шест, который заменит вам руль.

Пан Клякса сердечно попрощался с вермишельцами, влез на бочку и выдвинул шест вперёд, под самый нос акул. Один конец шеста матросы надёжно прикрепили к бочке, к другому концу привязали Амбо. Он раскачивался на верёвках, как на качелях.

При виде такого лакомого кусочка акулы рванулись вперёд, натянув канаты, и бочка тронулась с места. И чем больше манила их желанная добыча, тем быстрее скользил по волнам необыкновенный корабль. Матросы спустились в трюм. Только пан Клякса стоял наверху, с грустью глядя на материк.

«Снова я отправляюсь в путь без чернил, — подумал он печально. — Но я не теряю надежды. О нет!»

Да, да, друзья мои, великие люди никогда не теряют надежды.

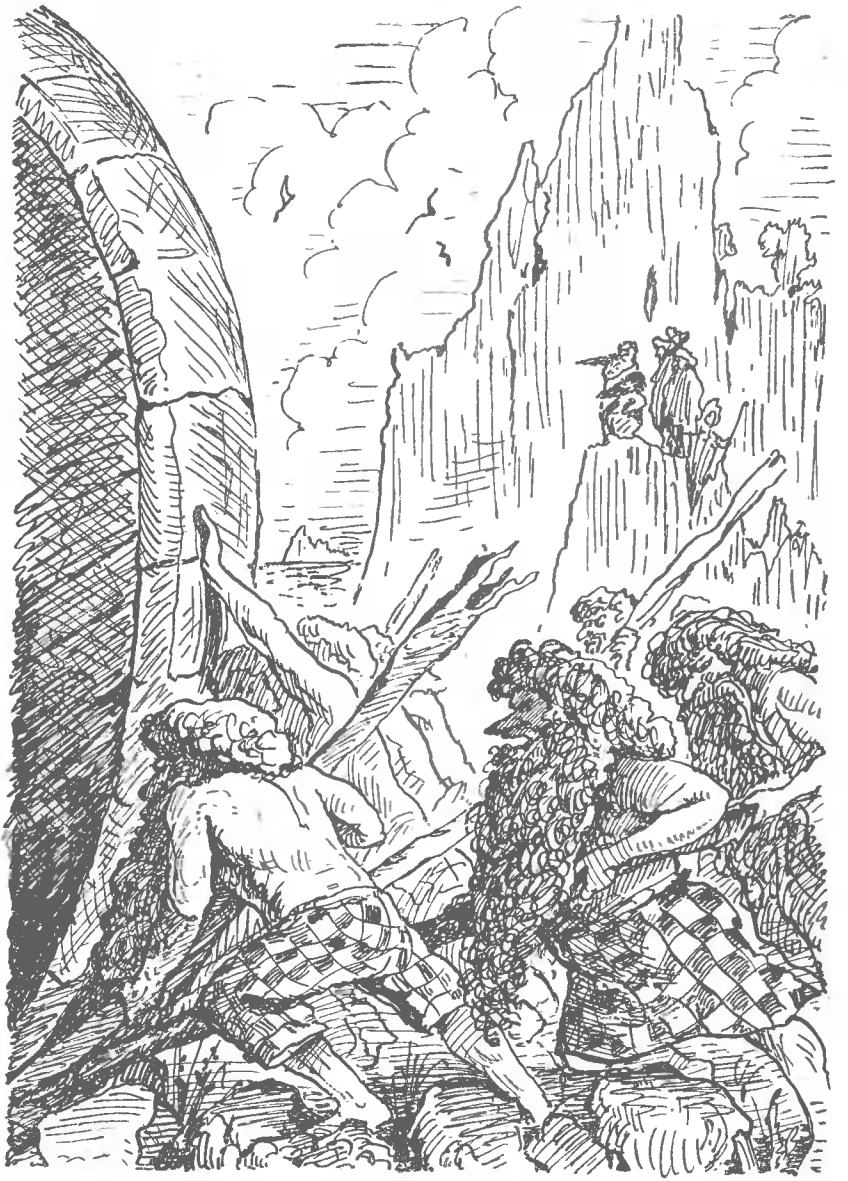
Яростно шлёпая хвостами, акулы неслись вперёд. Судно всё дальше и дальше удалялось от берегов Вермишелии. На берегу ещё долго маячила фигура Главмакарона, но вот и он скрылся из виду, а узкая полоска земли потонула во мгле.

Первые два дня всё шло хорошо. Погода благоприятствовала путешественникам, а попутный ветер гнал корабль по намеченному курсу. Амбо, раскачиваясь на конце шеста, приманивал акул, и они, не щадя своих сил, рассекали волны и несли корабль со скоростью двенадцать узлов.

Пан Клякса, стоя на руках, изучал автоматическую карту. Время от времени он ногами указывал нужное направление. Тогда капитан передвигал шест то вправо, то влево и таким образом управлял судном.

Но матросы ходили с кислыми физиономиями. Вермишельцы дали им в дорогу два бака щавелевого супа, и от этой однообразной пищи команду уже мутило. То и дело пану Кляксе приходилось отрываться от карты, чтобы приободрить упавших духом товарищей.

— Что за суп! — восклицал он, поглаживая



Бочку медленно спустили на воду.

себя по животу. — Пальчики оближешь! В жизни не ел ничего вкуснее! — Говоря это, он облизывался, высовывая язык чуть не до середины бороды, а потом для убедительности уплетал ещё полную тарелку супа.

Тем временем изголодавшиеся акулы начали понемногу слабеть. К концу второго дня они лишь изредка, хищно скаля пасть, выскакивали из воды в надежде схватить Амбо, но тут же с шумом шлёпались обратно.

На рассвете третьего дня, когда пан Клякса ещё дремал в гамаке, насвистывая во сне «Марш гномов», к нему ворвался испуганный капитан и закричал:

— Судно в опасности!

Пан Клякса, всё ещё бормоча и посвистывая, оттолкнулся ногами от гамака и одним прыжком очутился на палубе. Его сразу же обступили растерянные матросы. Дул страшный ветер. Борода пана Кляксы билась на ветру, как разорванный парус.

Обезумевшие от голода акулы кружились в погоне за собственными хвостами и тянули за собой корабль. В грохоте шторма бочка, как карусель, крутилась на бушующих волнах.

Началась паника. Какой-то матрос снял башмаки и запустил ими в акул. Это привело акул в такую ярость, что они упёрлись лбами в левый борт, пытаясь перевернуть судно.

Положение становилось угрожающим.

И вот тогда, заглушая всё, прозвучал голос пана Кляксы:

— Прекратить панику! Кто не выполнит моего приказа, того за борт! Я с вами и спасу вас! Все по местам!

Матросы сразу же пришли в себя. Даже Амбо перестал лязгать зубами.

— Капитан, — гремел голос пана Кляксы, — приказываю вылить в море весь запас щавелевого супа!

Немедля по приказу капитана восемь рослых сказандцев прыгнули в трюм. Через минуту суп из обоих баков был вылит за борт в бушующее море. Отяжелевшие волны опали. Акулы, почувствовав наконец вкусную пищу, успокоились. Сытный щавелевый суп просачивался сквозь стиснутые зубы в их пустые желудки.

Пан Клякса, ухватившись одной рукой за шест, в надутом ветром сюртуке болтался над водой, как воздушный шар, и рассматривал акул. Вернувшись на палубу, он сказал капитану:

— Мы больше не можем рассчитывать на акул. Они все больны. У одних больше не разжимаются челюсти, у других — язва желудка, у третьих — атрофия почек и водянка. Они долго не протянут. Когда у них начнутся судороги, они потопят корабль. Суп не вернёт им ни сил, ни здоровья.

— Что же нам делать? — побледнев, спросил капитан.

— Рубить канаты, — ответил пан Клякса, обеими руками выжимая бороду.

Капитан достал из ножен кортик, наточил его о подошву и перерезал канаты. Освободившиеся морские хищники перевернулись вверх брюхом и скрылись в волнах. Судно, избавившись от их тяжести, запрыгало, как поплавок. Шторм стих. Измученные матросы почувствовали острый голод.

— Вам же не нравился щавелевый суп, —

ехидно заметил пан Клякса. — Теперь, по крайней мере, вы не будете капризничать.

— Есть хочу! — закричал Амбо.

— Есть хотим! — подхватили сказандцы.

Пан Клякса вытащил из своих бездонных карманов горсть оставшихся питательных таблеток, которые он получил на дорогу от Патентоника XXIX. Капитан установил ежедневную норму по четверти таблетки на каждого.

— У нас кончается вода, — озабоченно сказал капитан. — Не знаю, дотянем ли до конца недели.

Но пан Клякса не слышал его слов. Он не хотел ни есть, ни пить. Он по-прежнему стоял на одной ноге и думал. Когда он рассматривал акул, из его сюртука выпали подарки Великого Изобретателя. Волшебные очки и аппарат для чтения мыслей пошли на дно. Автоматическая карта плавала где-то неподалёку. На ней можно было разглядеть только кусочек Бакланского моря и часть острова, до половины объеденного рыбами и напоминавшего теперь полуостров.

Любой другой на месте пана Кляксы сразу растерялся бы. Да, да, любой другой. Но не пан Клякса. Этот великий человек стоял на одной ноге и думал. А борода его указывала на юг. Он созвал матросов, приказал им поднять шест, к которому раньше был привязан Амбо, и крепко держать его. Потом вскарабкался наверх и, уцепившись одной рукой, повис в воздухе. Ветер надул его широкий сюртук, карманы и жилет, и судно под парусом устремилось туда, куда показывала борода пана Кляксы. Матросы, судорожно сжимали шест, с трудом удерживая его в вертикальном положении, а капитан запел гимн Сказандии:

Эту песню подхватите,
Пусть услышит нас весь свет!
Правь, Великий наш Сказитель,
Много, много, много лет.

Все с радостью подхватили эту великолепную песню в честь Великого Сказителя, потом наступила тишина. Каждый принялся сочинять свою ежедневную сказку.

С наступлением ночи пан Клякса по шесту спустился вниз, а команда удалилась на отдых.

— Я остаюсь на вахте, — заявил пан Клякса, — я умею спать с открытыми глазами, к тому же я очень люблю смотреть на луну. Мой учитель в Саламанке научил меня использовать силу лунного притяжения в дальних плаваниях.

Вскоре из трюма донёсся храп двадцати пяти матросов. Только капитан бормотал во сне сказку о том, как у акулы заболел зуб и она запломбировала его золотой рыбкой.

А пан Клякса бодрствовал на палубе, вглядываясь в луну. В полночь он заметил на ней отражение шхуны, паруса которой были похожи на три облачка. Быстро прикинув в уме, пан Клякса определил курс шхуны, её расстояние от вермишельской бочки и среднюю скорость.

«В пять пятнадцать мы увидим её с правого борта, — подумал он. — В пять сорок пять мы будем от неё на расстоянии голоса. В пять нужно будить команду!»

Приняв такое решение, пан Клякса расстелил на палубе сюртук и буркнул под нос:

— А теперь Амброжи спать ложится тоже.

Великий учёный любил иногда поговорить сам с собой в рифму.

Тучи закрыли луну. В ночной тишине слышался только храп сказандцев, бормотание капитана и плеск волн. На поверхности моря кое-где поблёскивали электрические рыбы. Пан Клякса растянулся на сюртуке и уснул с открытыми глазами.

АПТЕЧНЫЙ ПОЛУОСТРОВ

Ровно в пять часов матросов разбудила команда:

— Подъём! Вставайте!

Экипаж выстроился на палубе, и пан Клякса, поглаживая бороду, торжественно произнёс:

— Капитан! Матросы! Сказандцы! Через минуту на горизонте покажется корабль. Я ещё не установил, под каким флагом он плывёт. Я знаю многих капитанов дальнего плавания. Корабль, вероятно, примет нас на борт, и мы благополучно продолжим нашу экспедицию. Чернила прежде всего! Вольно!

Затем матросы получили по порции питательных таблеток, допили остатки воды и принялись за свои обычные занятия. Море было спокойное и гладкое, как озеро. По временам поющие рыбы высовывали из воды овальные мордочки, и тогда раздавались тихие звуки, словно где-то рядом пищал комар или играла музыкальная шкатулка.

Как и предсказывал пан Клякса, в назначенное время на фоне восходящего солнца показались три серебристых, надутых ветром паруса. Матро-

сы сбежались на нос корабля и, размахивая руками, заорали что есть мочи:

— Эй! На помощь! О-го-го! Цып-цып-цып!

Пан Клякса приказал матросам замолчать и собрал команду. Он построил матросов пирамидой, сам вскарабкался наверх и молча стал всматриваться в даль. Нам уже известна необыкновенная изобретательность великого учёного. На этот раз он скосил зрачки к носу, слил два взгляда в один, и сила зрения удвоилась. Через минуту сказандцы услышали отрывистые слова:

— Вижу... На палубе люди в белом... Флаг... Не могу разглядеть... Ага! Теперь вижу... Так оно и есть... Череп... Понятно... Корабль пиратский... Пираты возьмут нас в плен и потребуют выкупа... Не трясите́сь, чёрт побери!.. Не я первый стану пленником пиратов. Много лет назад то же самое случилось с Юлием Цезарем... Кто там дрожит? Не бойтесь! Амброжи Клякса с вами!.. Что? Вы не знаете, кто такой Юлий Це?..

К сожалению, эту фразу пан Клякса не успел закончить. Матросов вдруг охватил такой страх, что пирамида зашаталась, наш учёный рухнул за борт и исчез в пучине. Однако он тут же выплыл на поверхность, выпуская изо рта фонтаны воды, как кит. Вдруг рядом с ним появились две рыбы-пилы.

— Они его перепилят! — отчаянно завопил боцман Терно.

— Человек за бортом! — как полагается в таких случаях, крикнул капитан.

Но, прежде чем кто-либо успел броситься на помощь, пан Клякса с ловкостью заправского наездника вскочил верхом на одну из рыб и заста-

вил её перепилить другую. Затем он подплыл к кораблю, приказал спустить шест и взобрался по нему на палубу.

— Нет ничего полезнее морского купания, — весело сообщил он.

Тем временем шхуна приблизилась уже настолько, что на ней можно было разглядеть людей в белых халатах.

— Они похожи на врачей или санитаров, — заметил капитан.

— Ясно вижу название корабля! — закричал Амбо.

— Не кричи, у меня барабанные перепонки лопнут! — осадил его пан Клякса. — Я уже давно вижу надпись на борту. Шхуна называется «Пилюля».

Когда корабль подошёл поближе, капитан, размахивая руками, просигналил:

«Нуждаемся в помощи. Вы пираты?»

С «Пилюли» человек в белом халате ответил двумя флажками:

«Мы флагманский корабль всемилостивейшего Магистра Микстурия II, Удельного Провизора Аптечного полуострова и обеих Рецептурий. Принимаем вас на борт «Пилюли». Держитесь наветренной стороны. Начинаем маневрировать. Подходим».

— Слава Микстурию Второму! — закричал капитан.

— Слава! — подхватили сказандцы.

— Понятно, — поразмыслив, сказал пан Клякса. — Череп — это просто символ ядовитых лекарств в аптеках. С пиратами было бы легче договориться. Но ничего не поделаешь, у нас нет выбора.

«Пилюля», воспользовавшись лёгким бризом, приблизилась к судну сказандцев и встала с ним борт о борт.

— Пересаживаемся! — крикнул пан Клякса и первым прыгнул на палубу шхуны.

Вслед за ним гуськом двинулся экипаж бочки. Последним сошёл капитан. Через минуту Правительственное Дупло вермишельцев одиноко качалось на волнах.

На «Пилюле» наших путешественников встретили весьма радушно. Обе команды выстроились на палубе, и капитаны кораблей оказали друг другу положенные почести. Пан Клякса стоял в стороне и с любопытством наблюдал за церемонией. Все подданные Микстурия II были одеты в белоснежные халаты. Лица их украшали узкие короткие бородки, постриженные клином. От людей исходил резкий запах лекарственных трав.

По окончании торжественной церемонии на палубу парадным шагом вышел Первый Адмирал Флота в халате, расшитом золотыми галунами, и с султаном на голове. Он поклонился пану Кляксе и сказал по-латыни:

— Я Алойзи Волдырь, воспитанник знаменитой академии пана Кляксы.

Запели фанфары. Зазвучали гимны Сказандии и Аптечного полуострова, а также личный гимн нашего учёного. Он стоял, гордо выпрямившись, выпятив живот. Когда отгремели последние звуки, он взволнованно сказал:

— Я Амброжи Клякса.

Первый Адмирал сердечно обнял его и поцеловал в обе щеки.

— Я тебя помню,— растрогался пан Клякса.— Когда-то в наказание я открутил тебе руки, ноги

и голову и запер в чемодан. Давненько это было, мой милый Волдырь!

— Друзья, — воскликнул Первый Адмирал Флота, — займитесь нашими гостями! Дорогой профессор, прошу оказать мне честь пообедать со мной.

Он взял пана Кляксу под руку и проводил его в адмиральскую каюту. Им было что рассказать друг другу — ведь они не виделись около тридцати лет.

Пан Клякса узнал о том, как полвека назад было основано государство фармацевтов, куда съехались аптекари из разных стран. Теперь под руководством Микстурия II здесь разрабатываются всевозможные новейшие лекарства — таблетки, капли, мази и микстуры — и посылаются в аптеки всего мира.

— Но мы, кажется, заболтались, а наш обед стынет, — сказал наконец Первый Адмирал Флота. — Стюард, можно подавать!

Их обед состоял из весьма оригинальных блюд. На первое — суп из подорожника, на второе — битки из столетника в ромашковом соусе и салат из липовых цветов, а на третье — оладьи из льняных семян, политые ментоловым соком. Под конец подали напиток из хвоща и шалфея. После обеда Первый Адмирал Флота закурил оздоровительную папиросу и, затянувшись несколько раз, сказал:

— Мы возвращаемся из кругосветного путешествия. Мы продали партию лекарств и закупили лечебные травы, которыми питается население нашей страны. Это полезно и очень вкусно. Вы согласны, дорогой профессор?

— Гм... да, конечно...— любезно ответил пан

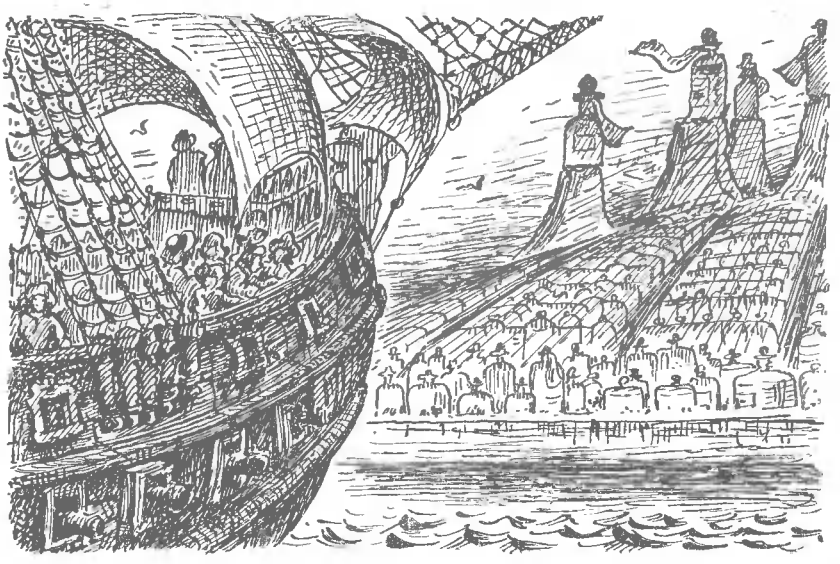
Клякса, запивая терпким напитком горечь, оставшуюся во рту.

Как полагается хорошо воспитанному человеку, он похвалил адмиральскую кухню, но с тоской подумал о сказандцах. Надоевший им щавелевый суп мог тут сойти за королевское лакомство.

Дружескую беседу старых знакомых прервал капитан «Пилюли», доложивший, что уже показались берега Аптечного полуострова.

— Может, выйдем на палубу? — предложил пан Клякса, который задыхался от папиросного дыма.

Шхуна быстро приближалась к гавани. Издалека был виден город, раскинувшийся на холме. Его стеклянные здания поблёскивали в лучах заходящего солнца.



Наконец оркестр заиграл туш, и корабль величественно вошёл в порт.

Столица государства была застроена длинными стеклянными павильонами, сходившимися наподобие звезды к центральной площади. Здесь стоял памятник Магистру Микстурию II, основателю города и первооткрывателю витаминов. В павильонах изготовлялись лекарства, а жилые помещения находились под землёй. Впрочем, население Аптечного полуострова насчитывало всего лишь 5555 человек, из них 555 женщин. Остальные были мужчины. Детей вообще не было. Магистр Микстурий II изобрёл омолаживающие таблетки, и население страны оставалось неизменно в одном и том же возрасте. Поэтому смена поколений стала ненужной, а дети — лишними. Народу не убывало и не прибывало.

Омолаживающие таблетки находились под строгой охраной, а секрет их производства был известен только правителю страны.

— Почему вы не хотите осчастливить своим открытием всё человечество?— спросил пан Кляксa у одного из сановников.

— Но это же понятно, — ответил тот. — Мы не хотим, чтобы в других странах перевелись дети. Мир без детей был бы так же скучен, как наш полуостров.

Сказав это, сановник полой халата утёр слёзы и тяжело вздохнул.

Но вернёмся к Первому Адмиралу Флота.

По прибытии в столицу он немедленно проводил пана Кляксу во дворец Магистра Микстурия II. Это был скучный и серьёзный правитель. На его голове покоился лавровый венок, а халат украшал вышитый золотом аптекарский герб.

В руках вместо жезла он держал большой градусник.

— Я рад видеть у себя столь знаменитого учёного,— сказал Микстурий II. — Позволь, высокочтимый гость, я лично в знак особого уважения измерю тебе температуру.

И он сунул градусник под мышку пану Кляксе.

— Тридцать семь и одна... Дворецкий, угостите нашего гостя аспирином и дайте нам отвар из медвежьих ушек.

Осушив традиционную чашу дружбы, Микстурий II в сопровождении свиты отправился показывать пану Кляксе город. На улице к ним присоединились остальные сказандцы.

Вскоре они очутились на центральной площади.

Указывая градусником на стеклянные павильоны, Удельный Провизор сказал:

— В каждом павильоне производится определённый вид лекарств. Вот в этом мы делаем капли, от валерьяновых до глазных. В следующем павильоне — маслá: касторовое, льняное, камфарное и другие. Дальше — мази и притирания. Ещё дальше — отвары из трав. А вон в том, самом высоком павильоне, похожем на мельницу, мы изготовляем порошки. А вот в этом — пилюли, пастилки и таблетки. А в том — мальвовые и эвкалиптовые конфеты от кашля. И так далее, и так далее. Но войдёмте внутрь.

Застеклённые двери павильона распахнулись настежь, и весь кортеж оказался в огромном зале, где несколько десятков женщин разливали в бутылочки разноцветные снадобья, микстуры и капли.

Все эти женщины в белых халатах были одного возраста и выглядели совсем как мужчины. Только бород у них не было.

Пока гости осматривали новое оборудование, младшие служащие разносили на подносах прохладительные напитки из трав. При виде этих напитков сказандцы неприлично кривились. Только пан Клякса, чтобы спасти положение, осушал один бокал за другим и делал вид, что ему напитки нравятся. Вдруг глаза его ярко заблестели. Растолкав сказандцев, пан Клякса подбежал к одному из подносов и схватил стоявший на нём стакан.

— Есть! .. Вот то, что я искал! — воскликнул пан Клякса.

Стакан был до краёв наполнен иссиня-чёрной жидкостью.

— Чернила! — не унимался пан Клякса.— Настоящие чернила! Дайте перо и бумагу!

— Увы! — воскликнул Первый Адмирал Флота. — Это отвар корня семицвета. Он похож на чернила, но очень неустойчив и при охлаждении испаряется.

Алойзи взял стакан из рук пана Кляксы и выплеснул горячую жидкость на каменный пол. Она растеклась чёрными струйками, но сразу же синим облачком поднялась вверх и исчезла, не оставив ни малейшего следа.

— Чёрт бы побрал все эти семицветы! — простонал пан Клякса. — Чем же вы, аптечные го-

ловы, пишете? Молоком? Или, может быть, водой?

Никто не ожидал от него такой вспышки гнева. Но пан Клякса взял себя в руки, встал на одной ноге и в такой смиренной позе попросил прощения у хозяев.

— Скажи, Алойзи, мой старый ученик, чем вы пишете? — спросил он, совсем успокоившись.

— Мы вообще не пишем, — ответил Первый Адмирал Флота. — Это занятие пристало канцелярским крысам, но не нам, фармацевтам. Просто каждый из нас знает в своей области на память тысячу двести рецептов. Этого нам вполне достаточно.

Пан Клякса моментально помножил 5555 на 1200.

— Шесть миллионов шестьсот шестьдесят шесть тысяч! — объявил он с восхищением. — Да, этого наверняка должно хватить.

— Дворецкий, — сказал Микстурий II, — подайте гостям хинина и настойку агавы.

Пока разносили подносы, Первый Адмирал Флота наклонился к пану Кляксе и доверительно прошептал на ухо:

— Уважаемый профессор... Мы гениальные фармацевты, но нам не хватает опытных моряков. Я хотел бы завербовать пятерых сказандцев для моего флота. Помогите мне.

— Ты с ума сошёл, Алойзи! — возмутился пан Клякса. — Посмотри на их кислые физиономии и ввалившиеся животы... Они перемрут, как мухи, от ваших травок. К такой кухне нужно привыкать с детства. Выкинь это из головы, Алойзи.

И, гневно фыркнув, он повернулся спиной

к своему воспитаннику в знак того, что не намерен больше разговаривать на эту тему. И поэтому пан Клякса не заметил на лице Первого Адмирала выражения злобы и коварства, иначе с этой минуты он вёл бы себя осторожнее.

Да, трудно поверить в то, что случилось потом.

Под вечер пан Клякса решил покинуть Аптечный полуостров и пуститься в дальнейший путь. Но тут оказалось, что нет пятерых сказандцев — они исчезли, испарились, как камфора. Длительные поиски не дали никаких результатов.

— Проводите меня к Удельному Провизору,— потребовал наконец пан Клякса.

— Удельный Провизор Микстурий II не желает больше иметь дела с чужеземцами, которые не сумели оценить его гостеприимство, — заявил Первый Адмирал со злорадной усмешкой.

— Что всё это значит? — грозно крикнул пан Клякса. — Я требую немедленных объяснений! Опять ты принимаешься за старые фокусы?

— Да, да! Опять! — нагло ответил Алойзи. — Хотите увидеть пропавших сказандцев? Сейчас я их вам покажу.

Он резко ухватил пана Кляксу за полу сюртука и, давясь от смеха, потянул его в подземелье. Из глубины коридора доносился детский плач.

Первый Адмирал открыл какую-то дверь, и глазам пана Кляксы предстала необычная для этой страны картина. На широкой кровати в пелёнках лежало пятеро младенцев. Четверо сосали соски, а пятый орал во всё горло.

— Вот ваши сказандцы, — злорадно захохотал Первый Адмирал. — Они будут с детских лет

привыкать к нашей кухне... Кажется, так вы советовали, ха-ха-ха! Они получили солидную порцию омолаживающих таблеток. Уж я не поскупился! Неплохо я омолодил их, а? Ха-ха-ха!

Оцепенев, пан Клякса смотрел на младенцев. Их лица были ему знакомы: он понял, что это его товарищи. Вон тот, плакса, это... капитан! Рядом — боцман Терно, дальше — Амбо и ещё двое матросов.

— Слушай, Алойзи... — тихо сказал пан Клякса сдавленным голосом, от которого мороз пошёл по коже. — Слушай, Алойзи, ты всегда был позором моей академии. А сейчас ты стал позором человечества! На этот раз тебе удалось провести меня, но запомни: я ещё придумаю такое, что от тебя останется мокрое место. Понимаешь? Мо-кро-е мес-то! Запомни это, Алойзи Волдырь! — И, резко повернувшись, пан Клякса вышел из комнаты.

Вдогонку ему по коридору нёсся хохот Алойзи и отрывистые выкрики:

— Старый мухомор! Надутая жаба! Ха-ха-ха!

На город опустилась ночь. Стеклянные павильоны озарились огнями.

Пан Клякса побежал на площадь, где, сбившись в кучу и сидя на голой земле, ожидали его сказандцы. Кроме них, на площади не было ни души.

— Не падайте духом! — сказал пан Клякса. — Мы покидаем эту сумасшедшую страну. Будем продвигаться в глубь материка. У нас ещё всё впереди! Правда, мы потеряли пятерых товарищей, но нас ещё осталось двадцать два. За мной!

Этот великий человек никогда не терял надежды. Он выставил вперёд свою пышную бороду и

уверенно двинулся в непроглядную тьму. Ведь он отлично видел в темноте. За ним на ощупь потянулись голодные и измученные матросы.

При свете мерцающих звёзд фигура пана Кляксы казалась огромной.

Да, друзья мои, это был действительно необыкновенный человек!

КАТАСТРОФА

Путешественники шли всю ночь. Стараясь развеселить сказандцев, пан Клякса без умолку рассказывал им о разных приключениях, выдуманных и настоящих, вспоминал Алойзи, доктора Пай Хи-во и даже принца, превращённого в скворца Матеуша. Но рассказами пустой желудок не наполнишь.

С трудом пробирались путники в глубь материка. От горячего тропического ветра у них растрескались губы и страшно хотелось пить.

Пан Клякса легко ориентировался без карты. Он полагался на удивительные особенности своей бороды, которая не только указывала направление, но и определяла, где находится вода и пища.

— Выше голову! — время от времени восклицал пан Клякса. — Мы приближаемся к реке... Я уже чувствую запах ананасов и фиников... Я вижу даже кокосовые орехи... Скоро будет обед!

При мысли о сочных фруктах матросы повеселели и ускорили шаг.

Рассвет наступил быстро и незаметно. Перед глазами путешественников предстал диковинный пейзаж: среди буйной зелени мелькали разноцветные птицы и порхали огромные бабочки. В густой траве, как серебряные монеты, звенели и гудели бесчисленные насекомые. Невдалеке виднелся бамбуковый лес.

Неиссякаемая изобретательность подсказала пану Кляксе прекрасную идею.

— Достаньте топоры и ножи! — крикнул он сказандцам. — Мы сделаем себе из бамбука быстроходные ходули.

Матросы с энтузиазмом принялись за работу.

Через полчаса каждый из них держал в руках по два длинных бамбуковых шеста. Из ремней сказандцы сделали петли для ног, наподобие стремян.

— Вперёд! — скомандовал пан Клякса. — Смелей! Не бойтесь! Используйте гибкость бамбука! Отталкивайтесь посильнее!

Действительно, высокие ходули оказались необычайно эластичными, и, отталкиваясь от земли, путешественники скакали легко, как кузнечики. У пана Кляксы был всего лишь один шест, но и с ним он совершал гигантские прыжки и всё время обгонял матросов. Поверьте мне, друзья мои, что лёгкость, с какой великий учёный взлетал вверх и приземлялся через полмили, вызывала всеобщее восхищение. Он словно превратился в кенгуру, а некоторым матросам даже казалось, что полы сюртука заменяют ему крылья.

Путешественники так быстро скакали на ходулях-скороходах, что пан Клякса едва успевал выкрикивать с высоты своего шеста:

— Прошли десять миль! Гоп!.. Ещё десять миль! Гоп!.. Ещё сто миль — и мы у цели! Летим дальше! Прыгайте! Гоп!

Через час вдали показались пальмы. Проголодавшиеся сказандцы жадно набросились на плоды, свисавшие с деревьев. Они уплетали ананасы, топорами рассекали кокосовые орехи и залпом выпивали освежающее молоко.

— Остановитесь! — кричал пан Клякса. — Остановитесь, или вы заболеете от обжорства! А может быть, вам захотелось вернуться к этим аптекарям за касторкой?

При одном лишь упоминании об аптекарях сказандцы сразу же образумились: пыхтя, они слезли с ходуль и легли на землю.

Только тогда пан Клякса сбил шестом ветку фиников и скромно позавтракал: ведь он вообще ел очень мало, предпочитая питаться той едой, которая ему снилась.

Хорошенько отдохнув, путешественники тронулись дальше. Они изнемогали от зноя и изо всех сил спешили к реке, которую пан Клякса высмотрел в пятидесяти милях к югу.

— Я её вижу! — кричал великий учёный, прыгая полумильными скачками. — Мы великолепно искупаемся, если только нас не слопают крокодилы. Я очень уважаю этих почтенных животных. Они просто не подозревают, что люди не любят, когда их едят. Придётся им это объяснить. Я умею разговаривать с животными. Я окончил в Саламанке Институт Звериных Языков. Кроме того, я знаю несколько наречий птиц и насекомых. А доктор Пай Хи-во умел разговаривать даже с рыбами. Но для этого нужно иметь третье ухо... Смотрите! Вот мы и на месте.

Путешественники оказались на берегу необычайно широкой реки.

Медленно и величественно катились ленивые волны цвета пива, кое-где образуя пенистые водовороты. От реки веяло свежестью и прохладой. В прибрежной пойме грелись на солнце крокодилы.

Пан Клякса снял башмаки и носки, засучил до колен брюки и вошёл в воду. Крокодилы беспокойно зашевелились. Пан Клякса смело направился к ним. Крокодилы разинули пасти, а один из них громко щёлкнул зубами и угрожающе ударил хвостом по воде. Но пан Клякса бесстрашно шёл дальше. Приблизившись к крокодилам, он о чём-то долго говорил с ними, оживлённо жестикулируя. Сказандцы не слышали ничего, они только увидели, как крокодилы, покорно кивая головой, попятились, потом нырнули в воду и поплыли восвояси.

Да, да, друзья мои, пан Клякса действительно был необыкновенным человеком.

Когда он вернулся к своим товарищам, казалось, что он продолжает разговор с крокодилами. Он бормотал какие-то непонятные слова, которые звучали примерно так:

— Кра-ба-ба... кру... кру... бу-кра... бу-кру-кру...

Трудно, однако, поверить, чтобы именно так звучал крокодилий язык.

Путешественники вмиг разделись и попрыгали в воду. Они плескались, ныряли, плавали и визжали от восторга, как дикари. А пан Клякса купался возле берега, держась в стороне от всех. Дело в том, что у него на груди была магическая татуировка, которую он хранил в тайне. Кто знает,

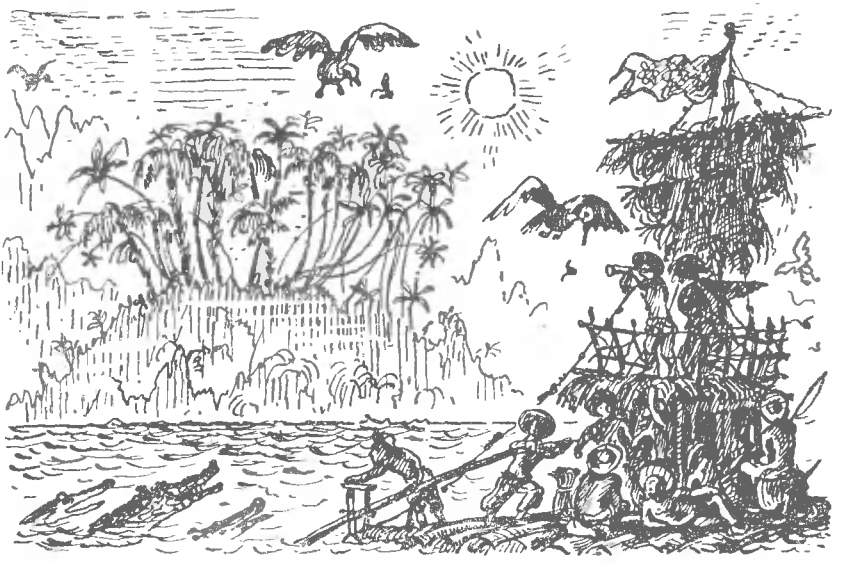
может, там был словарь звериного языка? А может, премудрости доктора Пай Хи-во?

Искупавшись, путешественники ещё раз подкрепились и по приказу великого учёного принялись сооружать плот. Они связали ремнями бамбуковые шесты, покрыли их слоем пальмовых листьев и со всех сторон прикрепили поплавки из пробкового дерева. Пан Клякса со знанием дела руководил строительством.

Да, да, друзья мои, изобретательность пана Кляксы была поистине неисчерпаемой.

В пять часов он построил всех сказандцев и обратился к ним:

— Не будем забывать главной цели нашего путешествия. Сказандия ждёт чернил, и мы должны эти чернила достать. Пусть меня назовут Алойзи Волдырём, если я не выполню обещания, данного



Великому Сказителю. Боцман Кватерно! Шаг вперёд! Назначаю тебя капитаном! Команде занять свои места! Вольно!

Вскоре плот отошёл от берега. Пан Клякса стоял впереди на одной ноге и, поглаживая свою окладистую бороду, смотрел вдаль. На плечо ему уселся пёстрый попугай и стал клевать его в ухо. Но пан Клякса не обращал на попугая никакого внимания. Он высчитывал расстояние до неведомой страны и вскоре установил, что она лежит на правом берегу, за двадцать седьмым поворотом реки.

— Не надо терять надежды, — наконец прошептал он. — Пусть меня назовут Алойзи Волдырём, если я вернусь в Сказандию с пустыми руками.

Капитан Кватерно умело вёл плот. У руля стоял старый моряк Лимпо. Голые до пояса матросы за несколько дней загорели и стали совсем бронзовыми. Только пан Клякса был верен своим привычкам. Он стоял на посту в сюртуке и жилете, как всегда в жёстком воротничке, с изящно завязанным галстуком. Это был человек не только великого ума, но и неколебимых принципов.

После двух недель спокойного плавания наступил период тропических дождей. Дождь лил как из ведра, гремел гром; молнии, раскалывая чёрное небо, то и дело озаряли прибрежный лес.

То тут, то там возникали пожары, вызывая переполох среди птиц.

Бегемоты и крокодилы в панике ныряли под воду при каждом ударе грома.

Казалось, вся природа ополчилась на путешественников. Плот то вздымался на гребень волны, принимая почти вертикальное положение, то

погружался в бушующую пучину, но всякий раз снова выплывал на поверхность. Матросы, судорожно уцепившись за кожаные крепления, спасали тех, кого смывало волной.

На правом берегу реки пылали леса. Левого вообще не было видно.

Морская буря показалась бы детской игрушкой по сравнению с этим бешеным потоком с его водоворотами, с несущимися гигантскими стволами и обезумевшими зверями и гадами.

Неустрашимый пан Клякса с развевающейся бородой, балансируя то на одной, то на другой ноге, стоял на носу плота.

— Выше голову! — кричал он лежащим на животе сказандцам. — Всё идёт хорошо! Осталось всего восемнадцать поворотов. Мы приближаемся к цели! Не бойтесь! Я с вами! — И, чтобы ободрить матросов, пан Клякса проделывал опасные трюки: он вскакивал на спину бегемота, хлопал его по голове и громко покрикивал: — Гип-гип! Гип-по! Гип-по-по! Там-там!

Отплыв на порядочное расстояние, пан Клякса отталкивался от бегемота и прыгал обратно на плот. При этом он махал в воздухе руками, как заправский пловец.

После каждой такой прогулки на бегемоте он вытаскивал из карманов несколько дюжин летающих рыб, которых ловил по дороге, и бросал голодным матросам. Сказандцы долго тёрли рыб друг о друга, пока под действием трения они слегка не прожаривались. Потом матросы потрошили их и съедали с большим аппетитом.

Как-то ночью, когда буря ещё неистовствовала, пан Клякса сказал:

— Капитан, я хотел бы вздремнуть часок.

Сосчитайте до десяти тысяч, а потом разбудите меня.

Для безопасности он привязался бородой к краю плота и уснул глубоким сном. Его храп заглушал раскаты грома.

В тот момент, когда капитан досчитал до семи тысяч двухсот двадцати четырёх, произошло страшное несчастье. Многие летописцы писали о нём как о самой большой катастрофе того времени.

Вы только представьте себе: внезапно, когда ветер уже немного утих, а буря пошла на убыль, последняя молния угодила в плот и, как ножом, отсекла ту часть, где безмятежно спал пан Клякса.

Это был узкий кусок, шириной всего в полтора локтя. Оторвавшись от плота, он с головокружительной быстротой помчался вниз по течению, унося на себе спящего пана Кляксу.

Капитан Кватерно пытался догнать его вплавь, но крокодил преградил ему дорогу. Сказандцам с трудом удалось спасти своего капитана. Вдобавок они попали в водоворот, и их крутило так долго, что они совсем потеряли пана Кляксу из виду, хотя горящий лес освещал реку.

Обломок плота нёсся всё быстрее и быстрее. Великий учёный спал, храпя и посвистывая. Он проснулся только около полудня, когда буря совсем стихла. Ленивые волны снова катились спокойно и величественно. Сквозь редеющие тучи пробивались лучи солнца.

Пан Клякса потянулся, отвязал бороду и весело закричал:

— Капитан, распогодилось! Выше голову!

Но ни капитан, ни матросы не подняли голо-

вы. Они были уже далеко и не могли слышать голос великого учёного. На двадцать первом повороте река раздваивалась, и плот сказандцев поплыл в неведомую страну. Страна эта ещё не была открыта и не значилась ни на одной карте мира.

Лишь через пятнадцать лет один знаменитый путешественник нашёл потерпевших кораблекрушение. Они жили среди туземцев, в окружении жён и детей, разводили домашних птиц, а капитан Кватерно, провозглашённый королём страны, правил под именем Кватерностера I.

Но это уже совсем другая история, которую я, может быть, когда-нибудь напишу.

А сейчас вернёмся к пану Кляксе.

В тот момент, когда наш великий учёный закричал: «Выше голову», он обнаружил, что находится в полном одиночестве.

Тогда он быстро скосил зрачки к носу, слил два взгляда в один и, удвоив зрение, увидел на расстоянии пятидесяти миль плот сказандцев. Но было поздно. Вместо правого рукава реки плот поплыл в левый и скрылся из глаз.

Славный и мужественный экипаж сказандского корабля «Аполлинарий Ворчн» навсегда расстался с паном Кляксой, и коварные волны унесли его в неизвестность.

Великий учёный остался один. Он, который умел укрощать акул и крокодилов, который смог обуздать бегемота, стоял теперь на одной ноге, с распростёртыми руками, развевающейся бородой, стоял и размышлял о судьбе своих товарищей.

Потом он заговорил сам с собой, так как любил иногда побеседовать с умным человеком:

— Ну да... разумеется... Всё ясно, дорогой Амброжи... Сказандцы поплыли на юго-запад... На одиннадцатый день они приплывут в неизвестную страну... Мы знаем, что эта страна существует... Когда-то мы обозначили её на нашей карте и назвали Адакотурада... Правильно. Дальше всё ясно... Выше голову, Амброжи! Экспедиция продолжается...

И пан Клякса, полный бодрости и надежды, стал считать пройденные повороты реки.

— Всё верно, — сказал он, одёргивая сюртук и поправляя галстук. — Через полчаса мы войдём в порт.

Он лёг на живот и руками начал грести к берегу. Вдали на холме показались какие-то строения.

НЕВЗАПРАВДИЯ

В стране, куда попал наш учёный, жили человеческие существа, но впервые случилось так, что пана Кляксу никто не встретил и никто не замечал. Он не вызывал интереса ни своей оригинальной внешностью, ни удивительной одеждой.

Жители города парами ходили по улицам и загадочно улыбались. В своих разноцветных искрящихся хитонах они казались совсем прозрачными. Черты лица у этих удивительных созданий были совершенно неуловимы, словно в их лицах не было ничего, кроме улыбок.

Вдоль улиц тянулись дома, но они состояли только из окон и балконов.

На клумбах росли яркие цветы. Пан Клякса сорвал один из них, но растение сразу же потеряло цвет и запах, и даже пальцы, прикасаясь к нему, почти ничего не ощущали.

Улыбающиеся существа бродили по улицам. Некоторые что-то делали, но что́, нельзя было разглядеть. Они забивали невидимые гвозди, пилили невидимыми пилами невидимые деревья. Один раз по улице промчался всадник, даже раздался топот копыт, но коня тоже не было видно.

Пан Клякса с удивлением смотрел на всё это. Наконец, потеряв терпение, он подошёл к какому-то прохожему:

— Объясните, пожалуйста, куда я попал? Что это за страна?

Прохожий загадочно усмехнулся и зашевелил губами. Он как будто что-то говорил, но голос его был беззвучен, а фразы складывались из слов, неуловимых, как дыхание.

Пан Клякса и на этот раз не растерялся, он тут же выдернул волос из своей бороды и обмотал его вокруг уха. Неслышные звуки, ударяясь о волос, как в антенну, усилились и достигли барабанных перепонок пана Кляксы.

Речь прохожего стала внятной, и беседа потекла гладко.

— Уважаемый чужеземец! — улыбаясь, сказал он. — Наша страна называется Невзаправдией. Может, ты заметил, что у нас всё происходит невзаправду, всё «как будто». Мы персонажи сказок, которых никто ещё не написал. Поэтому наши улицы, дома, цветы тоже невзаправду. Да мы и сами невзаправду. На самом деле нас ещё нет. Нас ещё должен придумать какой-нибудь сказочник. Мы всегда улыбаемся, потому что наши

заботы и огорчения невзаправду. Мы не знаем ни настоящего горя, ни настоящей радости. Мы не чувствуем настоящей боли. Нас можно колоть, щипать, царапать, а мы всё улыбаемся. Такова Невзаправдия, и таковы мы, невзаправды.

— Простите, — прервал его пан Клякса, которого давно мучил голод, — а как вы питаетесь?

— Очень просто, — ответил невзаправд и подал знак проходившей мимо женщине.

Женщина вошла в дом и вскоре вернулась с блюдом, на котором дымился аппетитный бифштекс с жареным картофелем и овощами.

— Бифштекс из филейной вырезки — наше любимое блюдо, — продолжал невзаправд. — Попробуйте, уважаемый чужеземец.

Пан Клякса с удовольствием принялся за еду, съел всё подчистую, но в желудке было по-прежнему пусто. Ему казалось, что он проглотил воздух и только на губах остался вкус мяса. Это ещё больше раздразнило аппетит пана Кляксы, но он взял себя в руки и сделал вид, что сыт по горло.

Вдруг он заметил вдали женщину, в руках у которой была пузатая бутыль с чёрной жидкостью.

— Что несёт эта женщина? — не сумев совладать с собой, спросил пан Клякса. — Умоляю тебя, скажи, что она несёт?

— Пустяки, это просто чернила, — ответил невзаправд. — Неужели тебя интересуют чернила, почтенный чужеземец?

Пан Клякса, словно им выстрелили из рогатки, перепрыгнул через головы прохожих, вырвал из рук женщины бутыль и окунул палец в чёрную жидкость. На пальце не осталось даже следа чер-

нил. Тогда пан Клякса, наклонив бутыль, вылил чёрную жидкость себе на ладонь. Рука осталась чистой и сухой.

— К чёрту такие чернила! — прорычал пан Клякса и грохнул бутыль о землю.

Чернила брызнули во все стороны, но ни на земле, ни на одежде прохожих не оставили следов. Даже осколки исчезли, как будто испарились.

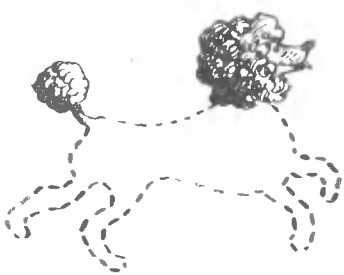
Невзаправд подошёл к пану Кляксе.

— Вы забыли, что вы в Невзаправдии, — сказал он, загадочно улыбаясь, — и чернила у нас тоже невзаправдашние.

Великий учёный молчал. Мимо парами брели прохожие, не обращая на него никакого внимания. Они даже не заметили досадного происшествия с чернилами. А их загадочные улыбки как бы говорили: «Ведь всё это невзаправду».

Спустя некоторое время пан Клякса пришёл в себя, но знакомый невзаправд уже ушёл, вернее, растворился в толпе. Вскоре и толпа растаяла в голубой дымке сумерек.

Пан Клякса быстро зашагал прочь, ему хотелось как можно скорее покинуть эту несуществующую страну. Он свернул вправо, но оказалось, что он идёт влево. Тогда он решил идти влево, но оказалось, что повернул направо. Он бродил по улицам, которые шли ни вдоль, ни поперёк. Он кружил по площадям, висящим в воздухе, как мосты, и всё время возвращался на то же самое место, но знакомые улицы каждый раз выглядели по-иному.



Борода пана Кляксы

беспокойно моталась из стороны в сторону, то и дело показывая новое направление. В наступивших сумерках мелькали тени невидимых прохожих. Лампы, зажжённые в домах, горели, ничего не освещая.

Всё быстрее и быстрее бежал пан Клякса по каким-то извилистым улицам, проносился по таинственным переходам, проскальзывал под арками несуществующих домов и нигде не мог найти выхода из этого удивительного города. Но, даже падая от усталости, он не терял надежды, что в конце концов доберётся до какой-нибудь настоящей страны.

И вот, когда он, глубоко задумавшись, стоял на одной ноге, из ближайшего переулка выбежала собака. Собственно говоря, это была не собака, а только видимость собаки. Она напоминала не то пуделя, не то таксу, а может, и шпица, хотя хвост у неё был короткий, как у фокстерьера.

Собака подошла к пану Кляксе, обнюхала его со всех сторон и, дружелюбно помахивая хвостом, стала тереться о его ноги. Наш учёный сказал несколько слов на собачьем языке и даже приветливо полаял, как всегда лают дворняжки при встрече с кем-нибудь незнакомым.

Пёс, который вообще-то и не был псом, в ответ дважды беззвучно тявкнул.

Вероятно, собачий характер не позволял ему равнодушно отнестись к человеку. Пёс весело подпрыгивал, визжал, отбегал и возвращался, махал хвостом и всячески старался выразить свою радость. В его невзаправдашней груди билось настоящее собачье сердце — пёс ластился к пану Кляксе, даря ему свою любовь и верность, которые ему больше некому было подарить.

Пан Клякса присел на корточки и дал облизать себе лицо, хотя при этом он ничего не почувствовал. Он гладил пса по голове, лишь догадываясь, какая у пса мягкая шерсть, какой влажный нос.

После этой радостной встречи невзаправдашний пёс, который только казался псом, дал пану Кляксе понять, чтобы тот шёл за ним. Дорога вела по лабиринту улочек, то в одну, то в другую сторону, сверху вниз и снизу вверх, туда и обратно.

Пан Клякса доверчиво следовал за своим проводником и наконец очутился в старом, заброшенном парке. Причудливая растительность и экзотические деревья казались совсем настоящими. Продираясь сквозь буйные заросли, наш учёный с радостью обжигал себе руки крапивой и таким образом убеждался, что он уже покинул границы Невзаправдии и вновь вернулся в реальный мир. Тут он заметил, что его четвероногий проводник исчез, лишь издалека доносился шум ветра, похожий на жалобный собачий вой.

— Прощай, пёсик! — грустно шепнул пан Клякса и вспомнил своего пуделя, умершего два года назад.

Он даже готов был предположить, что это тень верного пса пришла на выручку хозяину и вывела его из Невзаправдии.

Вдруг пана Кляксу привлёк разговор двух скворцов.

— Узнаёшь этого бородача? — спросил один.

— Узнаю, — ответил другой. — Год назад он сел на корабль и отправился за чернилами.

— Чр-чр-чрнила, — заверещала сорока и села на зубатую стену ограды, видневшуюся неподалёку.

«Там выход», — подумал пан Клякса и, цепляясь бородой за кусты барбариса и боярышника, ускорил шаг.

В стене, тянувшейся через весь парк, пан Клякса увидел бесчисленные железные дверцы с заржавевшими табличками.

Пан Клякса с трудом начал разбирать надписи. Это были хорошо известные ему географические названия. Некоторые из них он с удовольствием произносил вслух:

СКАЗАНДИЯ

АБЕЦИЯ

ПАТЕНТОНИЯ

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСТРОВА

ЗЕМЛЯ МЕТАЛЛОФАГОВ

ВЕРМИШЕЛИЯ

АПТЕЧНЫЙ ПОЛУОСТРОВ

«Всё это уже позади», — подумал пан Клякса и начал лихорадочно шарить в своих бездонных карманах.

— Есть!— радостно крикнул он, доставая универсальный серебряный ключ.

Он подбежал к калитке с надписью «СКАЗАНДИЯ». Ключик подошёл. Ржавый замок заскрипел, заскрежетали петли, посыпалась штукатурка, и дверца подалась. Пан Клякса толкнул её изо всех сил — и его глазам предстал знакомый город, а в центре его гора Сказувий.

Пан Клякса облегчённо вздохнул, захлопнул за собой калитку и направился к мраморной лестнице. Перескакивая через несколько ступенек, он

взбежал на самый верх и остановился перед дворцом Великого Сказителя. С террасы открывался вид на утопающий в цветах Исто-Рико. Издалека доносилось пение сказандских девушек и звуки сказолин.

Но пан Клякса ничего не видел и ничего не слышал. Он вошёл во дворец и прошёл все двадцать семь залов, где заседали сказари и другие государственные сановники. Он никого не замечал и не отвечал на приветствия. Его лицо было озабоченным. В голове рождались мрачные мысли, они проникали в сердце, просачивались в кровь, охватывая всё его существо.

В зале Чёрного дерева он остановился. Усилием воли задержал дыхание и применил знаменитый метод перевоплощения, придуманный доктором Пай Хи-во. Таким методом можно пользоваться только в случаях крайней необходимости.

Да, да, друзья мои, этот великий человек был способен на великие жертвы, особенно если речь шла о чести или чувстве долга.

Когда пан Клякса вошёл в последний зал и на противоположной стене увидел зеркало, он приблизился к нему, встал на одной ноге и начал всматриваться в своё отражение... Вот в зеркале появилась пузатая бутылка с чёрной жидкостью, закрытая хрустальной пробкой, как две капли воды похожей на голову пана Кляксы.

«Всё-таки я выполнил обещание. Теперь меня никто не назовёт Алойзи Волдырём», — подумал он.

Больше думать он уже не мог, потому что в этот самый момент

Великий Сказитель взял бутылку, вытащил пробку, обмакнул золотое перо в чернила и с огромным старанием начал выводить на прекрасной глянцевой бумаге название своей новой сказки:

ПУТЕШЕСТВИЕ ПАНА...

Но не успел он дописать фразу, как с пера скатилась громадная чёрная клякса и растеклась по бумаге.

Пришлось взять другой лист и начать всё сначала.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

АКАДЕМИЯ ПАНА КЛЯКСЫ

Перевод М. Ландмана

Эта и другие сказки 7
История Матеуша 15
Причуды пана Кляксы 26
Занятия в академии 38
Кухня пана Кляксы 48
Моё удивительное приключение . 57
Завод дыр и дырочек 68
Сон про семь стаканов 77
Анатоль и Алойзи 89
Сказка про лунных жителей . . 98
Тайны пана Кляксы 107
Прощание со сказкой 115

Часть вторая

ПУТЕШЕСТВИЯ ПАНА КЛЯКСЫ

Перевод Р. Пуришинской и Л. Хайкиной
под редакцией М. Ландмана

Сказандия 121
Штиль на море 130
Абеция 139

К острову Изобретателей . . . 149
Патентония 156
Гроссмеханик 165
Битва с саранчой 173
Главмакарон 178
Чудесные бороды 185
Путешествие в бочке 191
Аптечный полуостров 200
Катастрофа 212
Невзаправдия 221

Для младшего
школьного возраста

Ян Бжехва

**АКАДЕМИЯ
ПАНА КЛЯКСЫ**

Ответственный редактор
Г. В. Языкова.

Художественный редактор
Л. Д. Бирюков.

Технический редактор
Н. Г. Лекапова.

Корректоры
С. П. Мосейчук
и *Н. А. Сафронова.*

Сдано в набор 18/VII 1966 г. Подписано к печати 17/X 1966 г. Формат 60×84 1/16. Печ. л. 15. Усл. печ. л. 13,99. Уч.-изд. л. 9,4+ +4 вкл.=9,74. Тираж 50 000 экз. ТП 1966 № 482. Цена 51 коп. на бум. № 1. Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 847.

КОП

Ян Бжехва Академия пана Кляксы